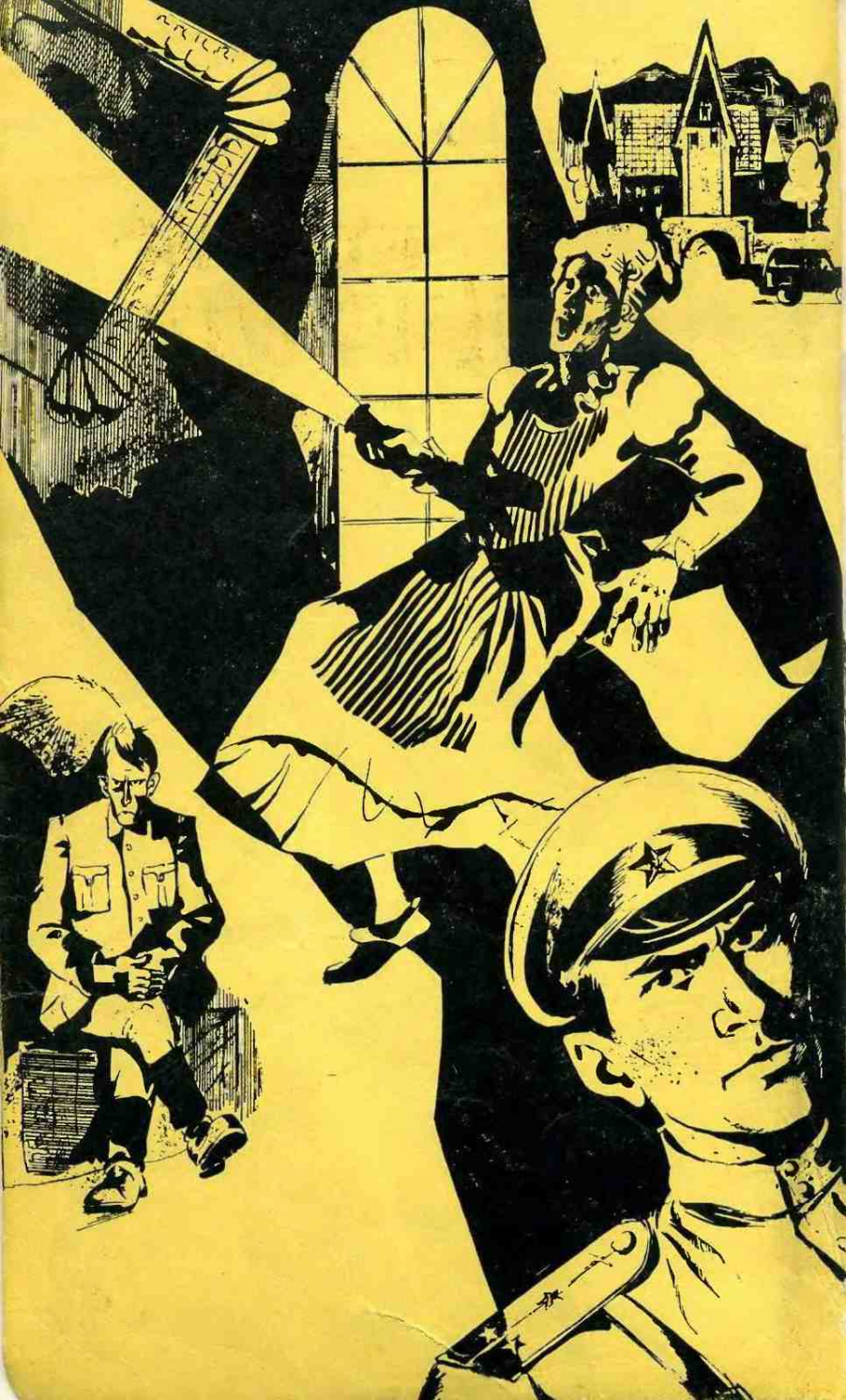

БОРИС КАСПАРОВ

КОПИЯ
Шорера

БОРИС КАСПАРОВ

**КОПИЯ
Дюрера**

ПОВЕСТЬ

Художник П. Анидалов

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1978

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

В немецком городке Альтштадте, расположенном в сотне километров от Дрездена, я задержался совершенно случайно.

Совершая поездку по Германской Демократической Республике, мы, небольшая группа советских журналистов, попали в горах под сильнейший ливень. И надо было случиться так, что я один из всех поднялся на следующий день с температурой и головной болью.

С утра установилась прохладная дождливая погода, и я решил дожидаться в городе возвращения товарищей, тем более, что поездка их не должна была занять больше двух дней.

Расположившись в маленьком номере небольшой чистенькой гостиницы, я прилег на кровать и честно приготовился принимать добытые в местной аптеке противотриппозные средства. Но, как иногда бывает, стоит только приготовиться к длительной борьбе с болезнью, как она вдруг, словно испугавшись, неожиданно исчезает. К полудню я был уже абсолютно здоров, а на следующий день выглянуло солнце и снова установилась теплая весенняя погода.

Этот район страны был мне довольно хорошо известен. После окончания войны мне пришлось прожить некоторое время в одном городке, расположенном между Альтштадтом и Дрезденом, но в самом Альтштадте побывать удалось только мельком. Я решил за оставшееся до вечера время ознакомиться с городком.

Спустившись в вестибюль, я спросил портье, что

следует осмотреть в городе в первую очередь, так как в моем распоряжении очень мало времени.

Лицо портье почему-то стало сразу загадочным.

— Пойдите прямо в городской музей, вам его покажет каждый. Вы найдете там,— он поднял палец,— впрочем, не буду говорить. Пойдите, пойдите обязательно.

Большого добиться мне не удалось, потому что звонил телефон и он начал длинный разговор, ждать конца которого я не стал. Выйдя на улицу, я вспомнил, что совет пойти в музей мы получили еще в автобусе от рабочего, которого подвезли к городу.

Единодушие этих советов меня заинтересовало, и я решил немедленно последовать им.

По правде говоря, первые комнаты музея могли внушить разочарование: в них не было ничего замечательного. Здесь хранились экспонаты, типичные для любого среднего краеведческого музея. В последней, светлой и просторной, комнате находилась выставка картин местных художников.

На стенах висело около шести—семи десятков картин. Это были довольно посредственные полотна, написанные в большинстве своем масляными красками,— натюрморты, горные пейзажи, несколько бытовых сценок.

Некоторые из них могли представлять интерес только потому, что были отмечены датами двухсотлетней давности. Правда, в комнатах на втором этаже я нашел отличнейшую коллекцию мейсенского фарфора, которая доставила мне большое удовольствие. Но неужели же эта коллекция и была единственной причиной моего посещения музея? Для жителей этого района страны замысловатые изделия из фарфора были настолько привычной вещью, что навряд ли кто стал бы выдавать этот фарфор за какой-то шедевр.

Что же все-таки имели в виду портье и встретившийся по дороге рабочий, когда со столь таинственным видом обещали мне здесь нечто необыкновенное?

Немного раздосадованный, я уже собирался было покинуть комнату, как вдруг замер от неожиданности.

В нише у противоположной от меня стороны окна, залитая светом, висела небольших размеров картина, которую я не мог заметить раньше.

Это был известный «Портрет молодого человека»

Альбрехта Дюрера. Передо мной была копия, но копия, сделанная первоклассным мастером, сумевшим сохранить всю силу этого великолепного произведения выдающегося немецкого художника.

Я стоял у картины и думал о том, что встреча со знакомой вещью может взволновать иногда не меньше, чем свидание с близким человеком после долгой разлуки. Почти шестнадцать лет прошло с того дня, как копия эта была спасена нами от рук, протянувшихся к ней из-за океана, и было такое время, когда мы верили, что перед нами не копия, а подлинник. Да, может быть, поверили бы в это тогда не только я и мой прямой начальник — майор Воронцов, но и люди, значительно более компетентные в искусстве. Это был шедевр подделки, именно подделки, потому что и размеры картины, и резьба рамы были совершенно тождественны с подлинником. И если бы я не знал совершенно точно, что в настоящее время подлинный портрет Дюрера находится в Дрезденской галерее, не знал, откуда и каким образом попала сюда эта картина, я бы и сейчас поверил, что передо мной подлинник.

Я подошел поближе и слегка задернул штору окна. И в этом легком, упавшем на полотно сумраке волевое лицо неизвестного выходца из народа жило той осознанной, осмысленной жизнью, которая отличает все портреты Дюрера.

На резко очерченных скулах молодого человека, светлых, выбивающихся из-под широкополой шляпы волосах играли отблески пламени, которое, казалось, бушевало за его спиной и служило ему фоном.

И в этом пламени высокого накала, зажженном четыре с половиной столетия назад, можно было увидеть не только очищающий огонь великих крестьянских войн, но и, как мне сейчас казалось, зарю новой жизни, встающей на востоке Германии.

Я простоял у картины долго, очень долго, не видя уже ее, а находясь во власти воспоминаний, вызванных ею, и не отошел бы еще дальше, если бы не обратил внимание, что залы музея уже опустели, а его смотритель, небольшого роста старичок, стоит в дверях и нерешительно смотрит в мою сторону. Наступил обеденный перерыв, и мне ничего не оставалось, как извиниться и уйти.

Встреча с копией Дюрера перенесла меня в майские

дни 1945 года. Я шел по улице, вспоминал все тогда пережитое мною и моими товарищами, и мне уже не хотелось ни осматривать город, ни искать в нем новых достопримечательностей.

Я дошел до гостиницы и поднялся в свой номер. И вот здесь, когда я опустился в кресло у открытого окна, мне неудержимо захотелось привести в хронологический порядок все нахлынувшие на меня воспоминания, которые сейчас встали передо мной так четко и ясно, словно я только что пережил их снова. Я перебрал все свои записи, относящиеся к этому времени, и, к своему удовлетворению, нашел, что они за малым исключением составляют почти единое целое. Теперь мне представлялась возможность заполнить и эти исключения и, главное, сделать эпилог, без которого мои записи не имели логического конца.

КОГДА КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Война кончилась совсем недавно. В тихом немецком городке Нейштадте мне пришлось осесть надолго. Комендантом его был назначен майор Воронцов, я — его помощником. Мы постепенно осваивались со своими новыми обязанностями. Уже было назначено городское самоуправление, взаимопонимание между нами и населением постепенно налаживалось.

И вдруг случилось неприятное событие. В одно из воскресений мая рано утром в моей комнате раздался телефонный звонок. С нескрываемой досадой я взялся за трубку. Этот воскресный день я хотел посвятить рыбной ловле. Километрах в пяти от города протекала быстрая горная речка, в которой, по слухам, была бездна форели. Рыболовные принадлежности уже давно были готовы и с вечера стояли в моей комнате.

Звонил майор Воронцов. Он просил меня немедленно прибыть в комендатуру. Хотя голос его был, как всегда, спокойный, я почувствовал, что произошло что-то неприятное. Бросив в последний раз взгляд на великолепные бамбуковые удилища, стоявшие в углу у дверей, я быстро вышел из комнаты. У входа в комендатуру, которая находилась в нескольких минутах ходьбы от моей квартиры, стоял в полной готовности комендантский вездеход, и хотя шофера около него не было,

можно было совершенно точно определить, что нам предстояла поездка и о рыбной ловле в этот день нужно было забыть.

Майор ждал меня в своем кабинете за письменным столом. Он был не один. Напротив него в кресле сидел небольшого роста пожилой человек в старенькой, потертой куртке. Его руки с узловатыми ревматическими пальцами неловко лежали на коленях, придерживая такую же потрепанную, как и куртка, тирольскую шапочку.

— Садовник имения Грюнберг Франц Шмидт, — представил его майор.

Тот встал и неловко поклонился. Я заметил, что выражение его лица было удрученным и подавленным.

— Случилась неприятная вещь, — переходя на русский язык, продолжал Воронцов. — Управляющий имением Витлинг сегодня застрелился. Так, по крайней мере, предполагает Шмидт. Нам нужно немедленно выехать на место. Я вызвал Гофмана, он дал согласие поехать с нами. По дороге Шмидт расскажет вам все, что знает. Врач приедет немного позже, у него сейчас неотложная операция. Мы его ждать не будем.

Застрелился управляющий имением Грюнберг! Мысли о рыбной ловле моментально вылетели из моей головы.

Да, это происшествие было крайне неприятным. В дни, когда мы с таким трудом создавали обстановку доверия между нами и населением, подавленным шестилетней войной и господством нацизма, это самоубийство могло быть на руку нашим врагам.

Лично для меня неприятность этого сообщения усугублялась еще и тем, что я знал управляющего. Правда, видеть его мне пришлось только один раз.

На второй или третий день после учреждения комендатуры в мой кабинет вошел высокого роста старик лет около семидесяти, с потухшими, цвета олова, глазами и высохшим, словно обтянутым коричневым пергаментом, лицом. Он спросил меня, что ему делать. Хозяин имения бежал. Есть сведения, что он погиб во время бомбежки. Наследников у него нет. Я ответил, что решать судьбу имения мы не вправе, что это дело местного самоуправления и самого немецкого народа, а пока пусть он следит за тем, чтобы в имении оставалось все в целости.

Он поблагодарил меня, сказал, что будет рад, если имение перейдет в руки народа, и ушел.

В его глазах было столько усталости, столько, как мне показалось, безысходной тоски за бесцельно, для кого-то другого прожитую жизнь, что я, глядя ему вслед, пока он, сутулясь и чуть прихрамывая, шел к двери, почувствовал к нему симпатию.

...Не задерживаясь больше в кабинете, мы спустились по лестнице вниз.

С Гофманом, помощником бургомистра, мы столкнулись у самой машины. Я подумал, что майор правильно сделал, пригласив его ехать с нами. Несмотря на свою сравнительную молодость — ему было немногим больше тридцати лет, — Гофман пользовался среди населения большим авторитетом. Бывший рабочий-металлист, он шесть последних лет просидел в концентрационном лагере. Гофман был всегда уравновешен и удивительно вежлив даже с противниками, что не мешало ему, однако, быть достаточно твердым и решительным в своих действиях.

Через несколько минут последние домики города остались позади, и Шмидт, сидевший между мной и Гофманом, рассказал нам все, что знал.

Он живет вместе со своей женой Мартой в небольшом флигельке, примыкающем к дому со стороны парка.

Вчера вечером они легли спать намного позже обычного. Ночью он проснулся от какого-то шума. Это не могло ему показаться, потому что Марта проснулась тоже. Они долго прислушивались, но все было тихо. Только за окном шумел легкий дождь, и они решили, что разбудил их, вероятно, первый весенний гром. Он очень хорошо помнит, когда это было, — часы пробили два удара.

Утром, как всегда, ровно в шесть он вышел в парк. Обычно управляющий уже вставал в это время, но на этот раз в доме было тихо. Не вышел никто из его дверей и еще спустя полчаса. Витлинг ночевал в доме один. С ним жил еще Герхардт, исполняющий обязанности дворника, но в эту ночь его не было дома. Он ушел в соседнее селение к своей племяннице. Шмидт заглянул в окно комнаты управляющего, которое выходило в сад, и увидел его лежащим без движения на кровати. На лице его была кровь.

Страшно перепугавшись, Шмидт заложил в тележку лошадь и, оставив Марту в еще большем испуге, приехал в город прямо в комендатуру.

Вот все, что он знал.

— И вы не попытались проникнуть в комнату через окно? — спросил я, когда Шмидт кончил. — Ведь возможно, он был еще жив и ему могла понадобиться ваша помощь.

— Проникнуть внутрь? — Шмидт испуганно развел руками. — Но я уже говорил герру майору, что на окне массивная решетка. В доме во всех окнах первого этажа такие решетки.

На несколько минут воцарилось молчание. Машина плавно неслась по натертому до блеска скатами асфальту.

Неторопливо отодвигались назад невысокие пологие горы, сплошь покрытые зеленью сосен. Ветер, дувший прямо в лицо, нес запах хвои и цветов.

— Вы знали управляющего, Гофман? — вдруг спросил майор.

Гофман кивнул головой.

— Знал, хотя и видел его в последний раз перед войной. Я давно хотел посетить имение, но никак не мог выкроить для этого время. Вчера утром он приехал ко мне по каким-то делам, но меня целый день не было, и его попросили зайти в понедельник. Теперь я жалею об этом.

— Вот как! — майор с живостью обернулся. — И вы не знаете, зачем он приходил?

— Не имею ни малейшего понятия. Я понимаю, конечно, что это очень досадно.

— Жаль, — разочарованно проговорил майор. — Ну что ж, может быть, на месте мы что-нибудь выясним...

В этот момент Шмидт нагнулся вперед, к майору:

— Герр майор, нам налево.

От лоснящейся ленты шоссе, уходящей дальше в горы, отходил в сторону небольшой отросток. Через сотню метров асфальт кончился, и под скатами машины зашуршали мелкие камешки. В тесном ряду вставших по обеим сторонам старых лип лежала прямая гладкая дорога, усталая мелким гравием.

Внизу справа мелькнуло несколько домиков под красными черепичными крышами, прячущимися в зелени садов.

— Вот и Мариендорф,— сказал Гофман.

В конце аллеи показались стены большого дома, сложенного из серого камня.

Склоны гор, покрытые все теми же соснами, подступали к ровной, словно вытянутой по ниточке, стене лип, и я, подняв голову, заметил на горе метрах в пятидесяти фигуру человека. Отодвинув одной рукой ветви сосен и прикрывая другой глаза от солнца, он смотрел вниз на дорогу.

Я видел его только одно мгновение, и он сейчас же пропал в снова надвинувшейся на нас густой зелени лип, закрывших горы до самых вершин.

Еще через минуту мы въехали в распахнутые настежь тяжелые ворота и остановились у дверей большого двухэтажного дома фантастической архитектуры.

— Имение Грюнберг,— сказал Гофман, первым спрыгнув на землю.

Мы вышли из машины и осмотрелись вокруг.

Широкий фасад дома закрыл собой парк, расположенный позади него. Двор перед фасадом был покрыт хорошо утрамбованной, словно цементированной, смесью желтого песка и мелкого гравия. Слева двор ограничивался решетчатой оградой и небольшим строением, вероятно, гаражом, двери которого были закрыты.

Узкие стеклянные просветы на массивных дубовых входных дверях, как и окна первого этажа, были крыты фигурными витыми решетками.

— Вы были когда-нибудь здесь, Гофман? — спросил майор, направляясь к дверям.

— Только в Мариендорфе, здесь мне раньше нечего было делать.

Дойдя до крыльца, Воронцов обернулся.

— Шмидт, вы можете пойти домой и успокоить жену, а мы пока займемся дверью.

— Может быть, нам все же лучше пока осмотреть дом снаружи? — сказал я, когда Шмидт ушел. Майор покачал головой.

— А вдруг Витлингу и в самом деле понадобится еще наша помощь? Лучше не терять времени, пока приедет врач.

Мы нажали на дверь, она оказалась запертой изнутри и не поддавалась нашим усилиям.

— Придется ломать,— сказал я, отыскивая глазами какой-нибудь подходящий для этого предмет.

— Подождите,—Гофман заглянул в боковой про- свет.— Мне кажется, здесь только задвижка. Рука вполне пролезет в решетку, и если разбить стекло...

— Правильно,—кивнул головой Воронцов,— да- вайте-ка сюда что-нибудь потяжелее.

Заводным ключом мы осторожно выбили нижнюю часть толстого зеркального стекла, и Гофман, обмотав для предосторожности кисть руки носовым платком, просунул ее внутрь.

Щелкнул засов, и дверь легко отворилась.

Поднявшись на две ступеньки, мы беспрепятственно открыли вторую дверь и очутились в просторном вести- бюле. Две лестницы вели из него на второй этаж. Вни- зу под ними находилось несколько дверей. Какая из них вела в комнату управляющего? Нам не пришлось открывать их все по очереди, потому что вернулся Шмидт.

— Марта уже немного успокоилась,— сказал он,— и я поторопился помочь вам.

Дверь в комнату Витлинга оказалась также запер- той изнутри. В замочную скважину был виден встав- ленный в нее ключ. Однако открыть дверь не представ- ляло особого труда. Мы навалились на нее втроем, створки ее выгнулись, и замок со звоном отскочил.

Наши разгоряченные лица обдал свежий ветерок. Рама окна была распахнута настежь, сквозь фигурные решетки виднелась зелень аккуратно подстриженных бордюров парка.

На широкой кровати, стоявшей в левом углу комна- ты, без движения лежал человек. На тумбочке у самой его головы сидела, нахохлившись, мраморная сова. Рубиновые ее глаза, горевшие изнутри от невыключен- ной лампочки, смотрели на нас настороженно и зло.

Майор подошел к ней и выдернул из розетки штеп- сель. По дороге он поднял пистолет, лежавший на по- лу у самой кровати.

Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что ни наша помощь, ни помощь врача, который дол- жен был прибыть с минуты на минуту, уже ничего не может изменить. Управляющий был мертв. Пуля во- шла в голову как раз около виска.

Со двора, усиленный гулкой пустотой вестибюля, послышался шум мотора. Это на санитарной машине приехал врач нашего санбата капитан Бушуев.

УБИЙСТВО ИЛИ САМОУБИЙСТВО!

Спустя полчаса мы втроем — майор, Гофман и я — сидели наверху в кабинете — просторной комнате, освещенной узкими высокими окнами, и ждали возвращения машины, которая должна была привезти результаты вскрытия.

За это время мы уже осмотрели дом и парк. Дом, сразу поразивший меня нелепостью архитектуры, был точно таким же и внутри. Казалось, он возводился по частям, и каждая эпоха оставила на нем свои отчетливые следы.

Первый этаж — массивный и тяжелый — был построен в романском стиле, на втором явно господствовала готика. В украшениях же карнизов и в отделке комнат можно было найти элементы различных стилей.

Внешне в доме царил полный порядок. Мебель и книги находились на своих местах. Только в большом зале на втором этаже не хватало нескольких картин, следы которых ясно сохранились на оклеенных обоями стенах. Не обнаружили мы их ни в доме, ни на чердаке. Вероятно, хозяин дома, бежав, захватил их с собой. Увез ли он еще что-либо, этого не знал ни Шмидт, ни его жена. В доме они бывали редко, да и то только на первом этаже. Хозяин имения фон Ранк уехал ночью за несколько дней до прихода советских войск, и что он увез с собой, они не видели. Мы осмотрели его комнату. Вещи были на месте. Все говорило о том, что хозяин их рассчитывал пробыть в отсутствии недолго.

Как вел себя Витлинг в последние дни, с кем он встречался, по каким делам он вчера приезжал в магистрат, что его могло заставить покончить с собой? На все эти вопросы Шмидт не мог дать вразумительного ответа. Садовник или от природы был не особенно сообразителен и наблюдателен, или случившееся в доме настолько потрясло его, что он все еще никак не мог прийти в себя.

Не много нам удалось узнать и от его жены, невысокой худенькой женщины, отдавшей всю жизнь, вероятно, домашним заботам. Смерть управляющего потрясла ее еще больше, чем мужа. Беседуя с нами, она все время подносила платок к глазам и всхлипывала. Мы успокоили ее как могли и не стали больше тревожить.

Вся надежда была теперь на Герхардта. Он жил под одной крышей с Витлингом и наверняка мог сообщить о нем больше, чем кто другой.

Из нас троих с Витлингом до его смерти встречались только я и Гофман, причем Гофман видел его несколько лет назад. Что мы знали об управляющем? Ничего, кроме того, что это был, как говорили все, очень честный человек.

Осматривая дом, мы, естественно, уделили особое внимание комнате управляющего, но ни письма, ни записки, содержание которых могло хотя бы в какой-то мере объяснить его поступок, не обнаружили. В комнате вообще не отыскалось ни одной целой бумажки, кроме его личных документов, хранившихся в тумбочке у кровати. Я говорю целой потому, что маленький кусочек мы все-таки обнаружили в одном из ящиков стола. Это был обрывок либо письма, либо каких-то записей. Он вмещал в себе только слово «Abend», что по-немецки означает — вечер; о чем оно могло говорить, догадаться, конечно, было невозможно. Я на всякий случай спрятал обрывок в блокнот.

Оставалось только предположить, что самоубийство Витлинг совершил под влиянием какого-то внезапно охватившего его чувства.

Обо всем этом и думал сейчас каждый из нас.

— Чем все-таки занимался здесь Герхардт? — нарушил молчание майор. — Ведь судя по рассказам, фон Ранк благотворительностью не отличался. Держать бесполезного человека, да еще старика... Это, кажется, не в его характере.

— Шмидт говорит, что на его обязанности лежало следить за чистой двором. Но если он так же стар, как и Витлинг, пожалуй, это ему действительно было трудновато, — согласился Гофман.

— И вот еще вопрос, — майор сбил пепел с папирсы в стоявшую на столе пепельницу, — почему садовник живет в отдельной постройке, а человек, исполняющий обязанности дворника, в доме? Не кажется ли вам это немного странным?

— Я тоже подумал об этом, — ответил Гофман, поднимаясь из кресла и подходя к окну. — Боюсь только, что нам сегодня Герхардта не дожждаться. Если он отправился к родственникам на воскресенье, они могут задержать его до завтрашнего утра. — Он повернулся

к нам.— На дороге что-то мелькнуло, если не ошибаюсь, это возвращается из города машина.

Гофман оказался прав. Через несколько минут мы читали записку, присланную военврачом, а на столе рядом с лежащими на нем пистолетом и стреляной гильзой появилась и извлеченная пуля.

Врач сообщил, что выстрел был сделан на близком расстоянии, почти в упор. Смерть наступила мгновенно.

Первое обстоятельство не было для нас новостью. Мы уже проверили действие пистолета, найденного в комнате управляющего. Это был парабеллум новейшей системы. По ожогам, оставленным пороховыми газами на куске белого полотна, можно было определить, что в момент выстрела дуло пистолета находилось в трех-четырёх сантиметрах от цели. Результат экспертизы подтвердил наши предположения.

Прочитав бумажку, майор бросил ее на стол.

— Послушайте, Гофман, пожалуй, вы правы. Герхардт может сегодня не вернуться. Но без него мы наполовину слепы. Не возьмете ли вы на себя такую миссию? Машина в вашем распоряжении. Шмидт расскажет, где найти его племянницу. Вам это сделать удобнее всего, наш приезд за ним может вызвать ненужные разговоры.

— Я только что сам хотел предложить это,— ответил тот.— Отсюда недалеко. За полчаса я постараюсь справиться.

Не теряя времени, он быстро вышел из комнаты.

Спустя минуту на дворе заурчал мотор, и защитного цвета «газик» замелькал между стволами липовой аллеи и пропал в зелени листьев.

Майор проводил его глазами и снова сел в кресло.

— Итак, лейтенант, в ожидании Герхардта давайте подведем итог. Ваше мнение по этому вопросу?

— Факт самоубийства, по-моему, совершенно бесспорен. Все звенья налицо,— ответил я,— остается только выяснить его причины, а это без Герхардта вряд ли удастся.

— Бесспорен-то бесспорен,— задумчиво произнес майор, разминая пальцами папиросу,— но все-таки с окончательными выводами нам торопиться не следует. Здесь еще очень много неясностей. Во-первых, сама фигура Витлинга. По отзывам, которые мы до сих пор

имеем, это очень честный человек. Но вот пистолет-то он не сдал, несмотря на приказ. Стало быть, честность его была довольно сомнительной.

Воронцов подошел к письменному столу и выдвинул один за другим все ящики.

— А это вам не кажется странным? Нигде ни одной бумаги, кроме того обрывка, что мы нашли. Можно допустить, что фон Ранк, убегая, уничтожил или захватил с собой все, что здесь было. Но Витлинг вел же после него какие-то записи! Посмотрите, в чернильнице есть чернила, перо на ручке говорит о том, что им пользовались. Давайте проверим.

Майор макнул перо в чернила и провел им на листке своего блокнота толстую линию.

— Видите, и чернила самой обычной консистенции, они не загустели, стало быть, налиты совсем недавно. Вот почему я думаю, что с выводами не следует спешить. Если Герхардт не сможет дать исчерпывающего и правдоподобного объяснения поступка Витлинга, а я в это почему-то очень мало верю, то вам нужно будет остаться здесь и попытаться пролить свет на это дело. Я не хочу навязывать своих мыслей, но не проходите мимо мелочей, пока смысл их не станет для вас совершенно ясным. Пока все, что мы знаем, дает нам право быть осторожными. Слышите? Во двор, кажется, въезжает машина. Неужели Гофман?

Не успели мы дойти до двери, как на лестнице слышались быстрые шаги, и в комнату торопливо вошел Гофман.

— Герхардта у племянницы нет, нет и самой племянницы. Шмидт! — крикнул он, обернувшись назад. — Да войдите же вы в комнату. Шмидт, — повторил он, когда садовник осторожно, вытирая о фартук испачканные землей руки, переступил порог, — вы точно знаете, что Герхардт пошел к племяннице?

Шмидт развел руками.

— Он мне так сказал, господин Гофман. Это было в субботу после полудня.

— И вы не узнали, где племянница? — барабаня пальцами по столу, спросил Воронцов у Гофмана.

— Говорят, ушла в субботу в город вместе с мужем.

— Так значит, одно звено уже выпало? — Майор прищурил глаза и потер ладонью подбородок. Я понял, что эти слова относились больше всего ко мне.

— Скажите, Шмидт, в субботу Герхардт уходил куда-нибудь из имения или к нему приходил кто-нибудь?

Садовник отрицательно покачал головой.

— Нет, Герхардт после обеда все время был со мной и помогал мне приводить в порядок парк. Он говорил, что теперь за ним должен быть особый уход, потому что это имение скоро станет народным и здесь будут отдыхать рабочие и их семьи.

— Но в таком случае он же не мог знать, что с его племянницей что-то случилось. Ведь утром он вам ничего не говорил об этом?

Шмидт удивленно поднял глаза.

— Разве я не говорил вам, герр майор? Когда мы обстригали кусты, управляющий выглянул вот из этого самого окна и сказал Герхардту, чтобы он немедленно шел к Лиззи, так зовут его племянницу, потому что у нее что-то случилось.

Я бросил взгляд на майора. Выпавшее звено встало на место. Управляющий нарочно отправил из дому Герхардта, чтобы тот не мешал ему привести в исполнение задуманное.

Но я тотчас же оборвал свою мысль, даже не высказав ее вслух. Ерунда, как может человек, спящий ночью в соседней комнате, помешать тому, что сделал Витлинг?

— И Герхардт не спросил, откуда у Витлинга эти сведения?

Шмидт снова покачал головой.

— Он был очень взволнован и сейчас же ушел. Дело шло к вечеру, и он торопился. Лиззи единственная, кто у него остался, он ее очень любит.

— Спасибо, Шмидт,— после короткого молчания произнес майор,— можете идти заниматься своим делом.

— Ну что ж,— сказал он, когда Шмидт ушел.— По-моему, вам нужно все-таки остаться здесь. Не правда ли, Гофман? А мы примем меры к розыску Герхардта, если он не вернется завтра к утру.

— Не лучше ли нам начать поиски Герхардта сейчас?— Гофман прошелся по комнате.— Ведь если он как-то замешан в этой истории, то не вернется, и искать его тогда будет уже поздно.— Гофман остановился.— Вы что-нибудь хотите, Шмидт?

Эти слова были обращены к садовнику, который неожиданно показался в дверях.

— Прошу прощения, герр Гофман,— смущенно произнес тот,— но вы хотели видеть Герхардта. Я столкнулся с ним, когда спустился вниз. Он уже вернулся.

Мы переглянулись. Майор сел в кресло.

— Вот видите, Гофман, не стоило так волноваться.

Он взял из пачки папиросу, и я отметил про себя, что это была уже шестая за последние полчаса.

ГЕРХАРДТ

Пока Герхардт прошел расстояние от двери до предложенного ему кресла, мы успели хорошо его разглядеть. Он был лет на пять— семь моложе Витлинга, так же высок ростом, худощав и сутуловат. Седые волосы были зачесаны назад. Его глаза выражали растерянность и боль.

Он сел в кресло и прикрыл лицо руками.

— Вы уже знаете, что случилось ночью? — спросил майор после короткой паузы.

— Знаю,— глухо ответил Герхардт, не меняя позы.— Мне сказал об этом Шмидт. Неужели это правда? — Он опустил руки и посмотрел на нас.

— К сожалению, да, и, может быть, вы сможете нам объяснить, что могло заставить вашего управляющего совершить этот поступок?

Глаза Герхардта потемнели.

— Я не верю, чтобы он мог так сделать. Это совсем не в его характере.

— Однако все, что мы знаем, говорит об обратном. Правда, знаем мы пока очень мало. Но мы рассчитываем на вас. Вы были ближе всех к Витлингу. Мы просим рассказать все, что вам известно не только о Витлинге, но и о Ранке.

— Рассказать о Витлинге и о Ранке? — Герхардт потер ладонью лоб.— Но это значит рассказать о четверти моей жизни. Правда, самой бледной и ненужной четверти. Что ж, если это вас интересует...

— Безусловно, но прежде чем начнете, разрешите задать один вопрос. С вашей племянницей не случилось ничего опасного?

— С Лиззи? — Герхардт развел руками. — Я не знаю, зачем это было нужно Витлингу. Я дошел только до первого домика со стороны шоссе, и его хозяин сказал мне, что час тому назад видел Лиззи и ее мужа, направлявшихся в город. Они были, по его словам, веселы, и ни о каком несчастье не могло быть и речи. Я переночевал у него, так как было уже поздно, а утром двинулся назад.

— А не был ли Витлинг сам введен кем-то в заблуждение?

Герхардт пожал плечами.

— Право, не знаю, я был так взволнован, что ушел сразу и не спросил больше у него ни слова.

— Так. Ну что ж, спасибо. Продолжайте.

Герхардт на минуту задумался.

— Прежде всего коротко о себе, потому что без этого вступления многое покажется неясным. Я родился в Мюнхене и там же окончил консерваторию по классу скрипки. Вот видите, вы уже удивлены. Потому-то я и предупредил вас, что многое в моей жизни покажется странным. Я играл сначала в оркестре Мюнхенского оперного театра, а потом обстоятельства сложились так, что мне пришлось перейти в ресторан, правда, ресторан первоклассный, но это не меняло дела. Это было время острой политической борьбы, когда нацизм поднимал голову и уже рвался к власти. Вот тут-то, в ресторане, впервые я увидел фон Ранка...

История последнего десятилетия жизни Герхардта, которую он сейчас рассказывал, могла удивить кого угодно, только не нас, уже знакомых с десятками таких же историй.

Столкновение с Ранком и его пьяной компанией из-за отказа выполнить их заявку. Приход к власти нацистов. Какая-то доля неарийской крови, которая текла в жилах Герхардта, оказалась незначительной для того, чтобы отправить его в Бухенвальд, но вполне достаточной, чтобы выбросить из оркестра. Потом работа на стройщика и грузчика в музыкальном магазине, ушиб пальцев руки случайно упавшим пианино — и Герхардт остался без всяких средств к существованию. Лиззи жила в другом городе, положение у нее самой было тяжелое, и Герхардту приходилось не раз простаивать с шляпой в руках около ресторана, в котором он когда-то работал.

Однажды здесь его застает Ранк. И, конечно, не упускает случая поизмываться над его положением. А затем вдруг предлагает Герхардту место дворника в своем имении.

— Да-да, вы, может быть, не поверите, но все было так.— Герхардт говорил тихо, прикрывая иногда ладонью глаза, видно было, что ему трудно говорить об этом.— Ранк бросил мне в шляпу визитную карточку и ушел, очень довольный встречей со мной. А я думал о ней и не смог уснуть всю ночь. Работа дворника... Разве это в моем положении было так плохо? Самолюбие? Но какой раздавленный жизнью червяк мог думать о самолюбии! Однако, подумал я, если Ранк только издевался надо мной и, когда я приду к нему, попросту выкинет меня вон?

Нужен ли я Ранку, подумал я. И сам себе ответил: да, нужен. Мелкий, мстительный человек, он возьмет меня для того, чтобы потом в кругу таких же, как и он, самодовольных тупиц рассказывать о том, что у него работает в дворниках бывший скрипач оперного театра. А они будут хлопать его по спине и говорить, что он настоящий парень.

На следующий день я пошел по оставленному мне адресу и не ошибся в своих предположениях.

Ранк, снова поиздевавшись надо мной, пока на это хватило его скудного остроумия, написал мне записку к управляющему имением. Я приехал сюда и, представьте себе, не пожалел. Началась война. Ранк был здесь всего один раз, как раз перед приходом вашей армии. От Витлинга же я никогда не видел ничего плохого.

Что я могу сказать о Витлинге?

Первое, что меня поразило в нем,—его крайняя неразговорчивость. Сначала я принял это как нежелание говорить со мной, но вскоре понял, что у него просто был такой склад характера.

Никому не было известно, например, что у него есть сын. Я случайно узнал об этом в мае сорок первого года, когда он получил извещение о его смерти на острове Крит, но даже и тогда он не обмолвился ни словом. Извещение я увидел случайно. Потом он сжег его.

С этого момента он еще больше замкнулся, ушел в себя.

О политике он никогда не говорил, и я был крайне удивлен, что он, когда началась война с Россией, вдруг сказал: «Они зарвались, Герхардт, мы идем к пропасти».

«Они» могли быть только наци, и я понял, что Витлинг относится к ним не лучше, чем я. К этому вопросу он больше никогда не возвращался, даже когда война подошла к границам Германии.

Как управляющий Витлинг был очень плох. Он совсем не стремился извлекать из имения доходы, и я уверен, что если бы Ранк хоть сколько-нибудь интересовался делами своего имения, он давно бы убрал Витлинга отсюда. Но Ранк был акционером крупных концернов и в мизерных доходах Грюнберга не нуждался.

Впервые за мою службу здесь Ранк приехал сюда, как я уже сказал, за несколько дней до вашего прихода. Теперь у него не было времени издеваться надо мной. Он прибыл вечером на машине, с ним был только шофер. Я жил тогда во флигельке вместе со Шмидтами. Ночью я слышал, как он выехал со двора, но часа через два машина вернулась. Весь день Ранк не выходил из дома, не разговаривал ни с кем из нас. Поздно вечером он уехал. Больше его не видели. Спустя несколько дней Витлинг, встретив меня в саду, сказал: «Герхардт, переходите в дом, а флигель пусть целиком останется Шмидтам». Мне показалось, что в то утро он был как будто бы даже весел, хотя слово «весел» едва ли к нему применимо. Я поблагодарил его и пошел за своими вещами. С тех пор я и жил в комнате рядом с ним. Но стал ли я от этого к нему ближе? Нет, он оставался все таким же замкнутым, хотя теперь больше интересовался окружающей жизнью, не пропускал ни одного приказа и постановления городского самоуправления. Но мне все казалось, что он от меня что-то скрывает, как, впрочем, и от всех окружающих.

Пожалуй, за это время можно было отметить два события. Первое — пропажа пистолета. Это случилось на второй день после приказа о сдаче оружия. Витлинг сказал, что завтра едет в город отвезти пистолет, оставленный Ранком, а наутро, страшно расстроенный, объявил мне, что пистолет пропал. По его словам, он лежал в одном из ящиков письменного стола и был заперт на ключ. Мы перерыли весь дом, но пистолета не обнаружили.

Второе произошло вечером в пятницу. К управляю-

щему очень часто приходили крестьяне из близлежащих селений с различными просьбами, и он, насколько я знаю, всем помогал чем-либо. Но почему я отметил именно этого посетителя? Витлинг всегда разговаривал тихо и спокойно, его собеседники обычно говорили так же. Но на этот раз из кабинета донесся очень резкий и громкий голос. Проходя через вестибюль, я случайно услышал фразу, произнесенную незнакомым голосом: «Послушайте, не будьте дураком, это же в конце концов и в ваших интересах...» Я не знал, кто это был, так как, вернувшись, застал Витлинга уже одного. Вечером, когда я готовился лечь спать, он вдруг постучал в мою дверь.

— Герхардт,— сказал он,— вы были когда-нибудь в Дрезденской картинной галерее? Говорят, она разрушена и все картины пропали.

Удивленный этим вопросом, я ответил, что был, но очень давно, лет десять назад, и что стало с ней сейчас, не знаю.

Он помолчал, а потом сообщил, что завтра утром едет в город, и ушел.

Из города он вернулся очень быстро и вот тогда-то и сказал, что с моей племянницей что-то случилось. Все остальное вам известно лучше, чем мне.

Герхардт замолчал и положил в пепельницу давно погасшую папиросу. Майор открыл блокнот и протянул его Герхардту.

— Посмотрите на обрывок бумаги. Вам знаком этот почерк?

Герхардт надел очки.

— По-моему, это рука Витлинга.

— А что могло бы означать это слово?

— Не могу сказать, на столе у Витлинга я не раз видел листки записей. Часто он их рвал, но никогда не бросал в корзину, а всегда сжигал.

— Как вы думаете, если бы Витлинг нашел пистолет, он бы сказал вам об этом?

— Думаю, что да,— ответил Герхардт.— Ведь все время мы искали его вместе.

— Вы давно узнали, что у Витлинга есть пистолет?

— Только тогда, когда он сам мне сказал об этом, после приказа о сдаче оружия.

— И вы видели пистолет своими глазами?

— Нет.

— Значит, какой он был системы, не знаете?

Герхардт покачал головой.

— Я никогда не был военным, и спросить об этом у Витлинга, пока мы искали пистолет, мне даже не пришло в голову.

— А во время поисков пистолета вы не заметили, были в столе какие-либо бумаги?

Герхардт на мгновение задумался.

— В том ящике, где, по словам Витлинга, лежал пистолет, не было ничего. А вот в остальных — этого я не смогу точно сказать. Стол осматривал Витлинг, я — всю остальную комнату. Управляющий, как я сказал, вел какие-то записи, но очень часто их рвал, как только в них проходила нужда. Возможно, в столе что-то и было, но, повторяю, утверждать не могу.

Майор поднялся с кресла и подошел к столу.

— Вы помните, в каком ящике был заперт пистолет?

— Конечно, в верхнем правом.

— У вас хорошее зрение, Герхардт?

— Я близорук.

— А у Витлинга?

— Не лучше, чем у меня. Однажды он пользовался моими очками.

— В таком случае вы не могли, конечно, знать, что искали пистолет зря. — Майор выдвинул ящик, указанный Герхардтом. — Посмотрите сюда внимательно. Видите эти царапины? Это единственный замок во всем столе, который очень близко познакомился с отмычкой.

СПРАВОЧНИК ГЕОДЕЗИСТА

Темная весенняя ночь смотрела в распахнутое окно. Зеленый абажур настольной лампы, опрокинутый так, чтобы освещать полки с книгами, погружал остальную часть комнаты в легкий полумрак.

Я сидел в кресле и следил за Герхардтом, который, надев очки, терпеливо и методично, снимая с полок тома, перелистывал страницы одну за другой. Целая гора просмотренных книг лежала и около меня. Мы все еще пытались найти в комнате такое, что могло дать нам в руки хоть какую-то нить.

Майор и Гофман уехали перед самым вечером.

В дверь осторожно постучали, и в открывшуюся щель просунулась голова шофера ефрейтора Селина.

— Товарищ старший лейтенант,— тихо сказал он,— машина заперта в гараже. Я сплю в угловой комнате, чтобы быть поближе к ней.

Он закрыл за собой дверь.

Я поднялся, задернул шторы на окне и снова сел в кресло. Закрыв глаза, под усыпляющий ровный шелест страниц, перелистываемых Герхардтом, я попытался, наконец, привести в порядок свои мысли, придать логическую стройность событиям дня.

Покончил ли действительно Витлинг самоубийством? Как будто все подтверждало это. Запертая на ключ изнутри комната, решетки на окнах, сквозь которые может пролезть разве только кошка... Но если это самоубийство — зачем же Витлингу понадобилось красть у самого себя пистолет, да еще с помощью отмычки? Ведь о его существовании никто не знал, пока он сам не сказал об этом Герхардту. И потом Витлинг, по словам Герхардта и всех, кто его знал, совсем не был похож на самоубийцу. Напротив, после краха нацизма он как будто повеселел, стал больше интересоваться жизнью.

Сам ли он отправил Герхардта к племяннице или кто-то встретившийся ему по дороге из города ввел его в заблуждение с известной, конечно, целью?

Кто был у него в пятницу днем, почему он вдруг после этого заговорил о картинах Дрезденской галереи, зачем, наконец, ездил на следующее утро к Гофману?

Всех этих «зачем» и «почему» было столько, что в них запутался бы даже опытный следователь, не говоря обо мне, совершенно не искушенном в этом деле человеке.

Мысли мои вдруг прервались. Я прислушался и понял, в чем дело. Шелест листков, который сопровождал мои рассуждения, прекратился. Я открыл глаза. Герхардт, подняв на лоб очки, поднес открытую книгу к самым глазам. Освещенное лампой лицо его с прищуренными близорукими глазами показалось мне взволнованным.

— Кажется, я что-то нашел. Вы военный человек — посмотрите, что это?

Я подошел к столу и взял книгу. Это был не особен-

но старого издания учебник, вернее, пособие для геодезиста. К моему удивлению, на странице, открытой Герхардтом, была воспроизведена карта крупного масштаба имения Грюнберг и его окрестностей, включая и селение Мариендорф.

Но Герхардта заставила остановиться на этой странице не только карта. Его внимание привлек небольшой крестик, поставленный на карте зелеными чернилами.

Он отмечал место километрах в пяти от имения, к юго-западу от него, на склоне горы.

— Я внимательно перелистал всю книгу. Больше нигде ни одной пометки. В других книгах тоже. Что, по-вашему, это может значить?

Серые глаза Герхардта вопросительно смотрели на меня из-под очков. Я занялся разглядыванием крестика. Прежде всего, когда он поставлен? Чернила были по цвету те же, что и стоявшие на столе. Но это ни о чем не говорило. И вдруг я вспомнил, что, когда майор проводил линию на листке своего блокнота, пробуя чернила, перо лежавшей на столе ручки слегка царапало бумагу. Как будто легкая царапина выступала и на вертикальной линии крестика.

— Герхардт, дайте мне, пожалуйста, лупу,— сказал я, придвигая лампу ближе.

Под выпуклым стеклом линзы царапина стала видна совершенно ясно. Я взял ручку и попробовал на палец перо. Нужно было, однако, проверить его на бумаге, и я, макнув его в чернильницу, поставил еще один крестик.

— Что вы делаете? — с ужасом сказал Герхардт.— Ведь вы же пишете на карте!

Да, кажется, я сделал глупость — увлеченный своими мыслями вlepил еще один крестик на карте, теперь уже на противоположной от имения стороне. Впрочем, это ничего не могло испортить. Но зато теперь было совершенно очевидно, что оба крестика сделаны одним и тем же пером и чернилами, а если так, то, по всей вероятности, совсем недавно.

— Что находится по левую сторону шоссе, километрах в пяти отсюда, по дороге на Дрезден? — спросил я.

Герхардт задумался.

— По-моему, ничего, кроме леса и гор.

Заложив страницу с картой спичкой, я закрыл книгу.

— Тогда давайте-ка отложим все это до утра. Уже без четверти час. Ведь вы тоже устали, Герхардт. Сегодня на нас навалилось слишком много событий, чтобы голова смогла их все переварить. Есть хорошая русская поговорка: «Утро вечера мудренее»...

— Пожалуй, вы правы.— Герхардт вдруг зевнул и смущенно прикрыл рот ладонью.— Вы где будете спать?

Я посмотрел на широкий диван, стоявший у стены напротив окна, хотел было сказать — здесь, но потом передумал.

— Рядом с вашей есть, кажется, комната с кроватью?

Герхардт кивнул головой.

— Там совершенно чистая постель. Вы можете смело на ней располагаться.

Пожелав ему спокойной ночи, я спустился вниз и через несколько минут лежал в постели, с наслаждением вытянувшись под холодными простынями. Пистолет на всякий случай находился у меня под подушкой.

Уснуть мне удалось не сразу. События дня стояли перед моими глазами. Однако усталость дала о себе знать, и я крепко заснул. Спал я, наверное, довольно долго. Как вдруг совершенно ясно услышал звук выстрела. Я вскочил с кровати и бросился к окну. Все было тихо, только, как мне показалось, какой-то неясный шум все дальше и дальше уходил в глубину парка.

В вестибюле я столкнулся с Герхардтом.

— Что случилось?— спросил он растерянно, еще не совсем оправившись от сна.— Это вы стреляли?

Я отрицательно мотнул головой и, не задерживаясь, открыл входную дверь и увидел поднимающегося по ступенькам ефрейтора Селина.

— Товарищ старший лейтенант,— сказал он, застегивая кобуру пистолета,— стрелял я. Вышел посмотреть машину, только дошел до угла, слышу, кто-то крадется по аллее. Я крикнул «стой», но он бросился бежать. Тогда я выстрелил.

Мы вышли с Селиным в парк. Через минуту к нам присоединился и Герхардт. Ефрейтор показал на место, где он заметил незнакомца, и дорожку, по которой тот бросился бежать. Освещая себе путь фонариком, мы прошли по ней метров двести и уперлись в неглубо-

кую канаву, которая отделяла парк от начинавшегося по другую сторону леса. Идти дальше не было смысла. Да и на посыпанной мелким гравием дорожке тоже не было заметно никаких следов.

— Может быть, вам все это показалось? — спросил я Селина.

— Да нет же, товарищ старший лейтенант, я совершенно ясно слышал, как кто-то бежал, и фигуру видел очень отчетливо.

Ефрейтор перебрался на другую сторону канавы и внимательно осмотрел землю, освещая ее фонариком.

— Вот смотрите, товарищ старший лейтенант, здесь он перепрыгнул. Видите, следы каблуков?

Я нагнулся. Да, Селин был прав, но дальше, на усыпанной хвойными иглами земле, следы снова исчезли. Во всяком случае, ночью обнаружить их, конечно, не удалось бы. Оставалось только ждать утра.

Не успели мы с Герхардтом сделать несколько шагов по направлению к дому, как немного отставший от нас ефрейтор позвал меня.

— Посмотрите, что я нашел на дне канавы.— Он протянул мне какой-то предмет, напоминающий книжку.

Я взял его в руки и осветил лучом фонарика. То, что я увидел, было больше чем неожиданно.

— Посмотрите сюда,— не отрывая от найденного предмета луча света, я протянул руку к Герхардту. На моей ладони лежал справочник геодезиста, тот самый, что мы оставили три часа назад в кабинете на письменном столе.

Так вот что интересовало незнакомца! Мы быстро вернулись к тому месту, где, по словам Селина, он видел фигуру человека. Это было как раз под средним из трех окон, имеющих в кабинете. Здесь по стене шел толстый провод громоотвода. Мы внимательно осмотрели стену, но никаких следов ни на карнизе, ни около стены не обнаружили.

Через минуту мы с Герхардтом были уже наверху, оставив Селина наблюдать за парком. Теперь нам было ясно, что справочник, так счастливо вернувшийся к нам, несомненно представлял собой большую ценность для кого-то.

Однако неожиданности этой ночи были еще далеко не исчерпаны. Мы вошли в кабинет. Герхардт включил

настольную лампу, и первое, что мы увидели, был справочник геодезиста.

Он лежал на столе под лампой, там же, где мы его оставили. Даже заложенная между страниц спичка находилась на месте.

— Вы что-нибудь понимаете во всем этом?—Герхардт с изумлением посмотрел на меня, кладя на стол найденную книгу рядом с прежней.

— Пожалуй, сейчас меньше, чем вчера,—честно признался я.—Однако, может быть, очень скоро все станет ясным. Откройте-ка найденную книгу на шестьдесят восьмой странице, там, где карта.

Герхардт сделал это, и по выражению его лица я угадал, что он совершенно растерялся.

— Справочник подменили. Мы нашли тот самый, что оставили здесь.

Я кивнул головой.

— Совершенно верно, но теперь посмотрите сюда.

Я положил рядом с первым второй открытый справочник. Обе карты в них были отмечены одинаковыми крестиками.

— Чертовщина,—Герхардт опустил в кресло,—если это копия, то каким же образом попал туда крестик, поставленный вами три часа назад?

— Во всем этом мы разберемся утром. Не подходите к окну—и так ясно, что его открывали. Не отдергивайте шторы. Не надо показывать, что здесь горит свет и мы чем-то встревожены.

Я взял обе книжки.

— Спокойной ночи, Герхардт, я думаю, что теперь никто не помешает нам спать до утра.

КУСТ ГЕОРГИН

Когда я кончил рассказ о событиях прошедшей ночи, майор, по своему обыкновению, когда он чем-то был взволнован, встал из кресла и заходил по комнате. Потом он снова подошел к столу и положил руку на раскрытый справочник геодезиста.

— Значит, вы предполагаете, что Ранк спрятал здесь что-то, представляющее известную ценность. По всей вероятности, картины. Но какие? Те, что у него хранились в доме? Давайте, насколько это возможно, вос-

произведем события. После своего приезда в имение ночью Ранк отлучается на короткое время, чтобы спрятать картины, будем условно употреблять это слово. На следующую ночь он уезжает снова и исчезает. Где он сейчас? Почему не возвратился, пока у него была такая возможность? Он должен был вернуться, иначе справочник не был бы оставлен в книгах, хранящихся в его кабинете. Знал ли Витлинг в тот момент о картинах? Об этом можно только гадать. Но что об этом известно еще кому-то, совершенно бесспорно. Однако человеку этому нужно еще найти место, где они спрятаны. Значит, это не Ранк. Но тогда, может быть, его посланный. Ранк сам вернуться не рискует. Если только в пятницу днем Герхардт слышал его голос, то человек этот предлагал, по всей вероятности, Витлингу вступить с ним или с ними в союз. Но если так, тогда это был не посланный Ранка, потому что последний мог точно указать Витлингу нахождение справочника и Витлингу не составило бы большого труда завладеть им. Теперь дальше. Почему Витлинг в тот же вечер после ухода незнакомца заводит с Герхардтом разговор о картинах Дрезденской галереи? Что это, случайность или же результат беседы с неизвестным? Скорее, последнее. Прятать свои картины Ранку не было никакого смысла, к тому же Герхардт, который неплохо разбирается в искусстве, уверяет, что среди увезенных из имения картин не имелось ни одной, представляющей какую-то ценность. Вечером я связался со штабом армии. Картины Дрезденской галереи еще не найдены. Возможно, Ранку, который был связан с фашистской верхушкой, удалось захватить какую-то часть их и привезти в Грюнберг...

Воронцов снова прошелся по комнате.

— Теперь вернемся к Витлингу. Предположим, что он отказался от сделки и поехал на следующее утро в магистратуру с целью рассказать о визите незнакомца. Но тогда почему же ночью он вдруг стреляется? Что его могло толкнуть на этот шаг? А если принять за основу психологические факторы, то тогда картина может представиться в следующем виде. Витлинг нелюдимый, замкнутый человек. Потерял на войне единственного сына. Предположим, он действительно ненавидел фашизм. И вот он дожидается его разгрома. Дальше либо новое должно вдохнуть в него свежие силы, либо, совершенно опустошенный и усталый, он живет только

для того, чтобы увидеть крах ненавистной ему системы. После этого жизнь теряет для него всякий смысл. Можно задать вопрос — почему он уходит из жизни, так и не сообщив в магистратуру о слышанном? Но мы не знаем, кем был Витлинг, оставаясь один. Может быть, тоска, одиночество, горе, которое он так долго скрывал, все то, что сопровождало его в прошлой жизни, вдруг как-то навалилось на него в эту ночь и он не выдержал? Все как будто правдоподобно. Почему он отослал Герхардта? Психологически и это может быть оправдано. Он просто хотел остаться один. Пропавший и вновь появившийся пистолет? Но ведь у Витлинга их могло быть два, и он решил сдать один, чтобы показать свою лояльность. Либо, сказав о нем Герхардту, он пожалел об этом и разыграл пропажу. Доказательств, что здесь убийство, нет никаких, напротив, все говорит об обратном. Нет у нас ни одного доказательства и того, что в ту ночь кто-то был в парке или в доме. И все же вот что странно, все мы четверо, правда, по разным причинам и в разной степени, сомневаемся в самоубийстве Витлинга. Однако пока оставим это. Сейчас нам надо сконцентрировать все внимание на человеке, теряющем по ночам книжки. Окно в кабинете в эту ночь было открыто?

— Нет, я закрыл его на шпингалет, но уголок стекла оказался разбитым, и в щель вполне могла пролезть рука.

— Значит, он его разбил.

— Нет, Герхардт говорит, что этот дефект в стекле уже давно.

— Так,— майор снова опустился в кресло и откинулся на спинку,— а теперь давайте суммируем все, что мы знаем об этом незнакомце. Во-первых, это человек, конечно, не старый, иначе он не пролез бы с такой легкостью в окно второго этажа, во-вторых, человек, бесспорно, смелый и решительный, в-третьих, он, вероятно, установил свою штаб-квартиру где-то поблизости от имения и держит его все время под наблюдением.

— Товарищ майор,— я вскочил на ноги,— я же видел этого человека!

— Что? — Майор с изумлением посмотрел на меня.— Видели? Так почему же вы об этом ничего не говорили?

— Я только сейчас вспомнил. Это было в тот момент, когда мы в первый раз подъезжали к имению.

Я рассказал ему о человеке, стоявшем тогда на горе и наблюдавшем за нашей машиной.

— Да, возможно, это был он,— произнес майор после некоторого раздумья.— Значит, добавим еще к имеющимся у нас данным — блондин, среднего роста, одетый во все черное. Впрочем, последнее, конечно, очень условно. И разделим, так сказать, сферы деятельности. Вы, как и прежде, берете на себя имение, мы с Гофманом — все остальное. Вы в Герхардте абсолютно уверены?

— По-моему, он честный человек.

— Я тоже такого же мнения. Ну, желаю вам успеха.

Возвращаясь в имение и проезжая по липовой аллее, я внимательно осматривал горы и особенно то место, где увидел фигуру незнакомого человека. Но на этот раз в зелени сосен ничего не было заметно. Человек этот или уже исчез, или, наблюдая за нами, стал значительно осторожнее.

Во дворе имения я никого не встретил. Герхардт и Шмидт, по своему обыкновению, возились где-то в парке. Я прошел в свою комнату, бросил на столик планшет и, поднявшись по лестнице, направился в зал, как называли здесь длинную и узкую комнату, в которой находились картины.

Полуденные лучи солнца, пробиваясь сквозь неплотно задернутые светлые шторы, наполняли комнату рассеянным голубоватым светом. Я еще раз внимательно осмотрел каждую картину. Даже в этом оживляющем свете ни одна из них не могла заставить кого-либо остановиться около нее. Если это были копии, то копии посредственные, если оригинальные произведения, то не требовалось быть большим знатоком искусства, чтобы сказать, что большой ценности они не представляли.

На стене не хватало четырех картин. Зачем увез их с собой Ранк, если и они стоили не дороже тех, что остались висеть на стенах в этой комнате?

Я вернулся в кабинет и подошел к окну.

Передо мной за стриженной зеленью парка открывался великолепный вид на горы. Плотной зеленой чешуей склоны их покрывали лапчатые ветви сосен и елей.

Где-то там, под ними, прятался человек, который один мог дать ответ на все загадки, происходившие под этой крышей, и, возможно, объяснить смерть Витлинга. И я верил, что ему от нас не уйти.

Можно было, конечно, взять несколько человек из комендантского взвода и прочесать лес. Но дало бы это что-нибудь?

Располагая сравнительно ничтожными силами, мы вспугнули бы этого человека, сделали бы его более осторожным.

Мысли мои были прерваны легким стуком в дверь. В дверях, как всегда нерешительно и осторожно, показался Шмидт.

— Да заходите же в комнату,— с досадой сказал я.— Почему вы всегда останавливаетесь в дверях?

Садовник сделал вперед один шаг и хмуро посмотрел на меня.

— Герр обер-лейтенант,— сказал он, теребя руками свою шляпу.— Я так работать больше не могу. Этот куст георгин очень редкое растение. Я готовил клубни для всей округи, а теперь они совсем погибли...

— Какой куст георгин? Говорите яснее.

— Тот самый, что ломают в третий раз. Теперь уже с ним ничего нельзя сделать, а это редкое растение.

— Пойдемте посмотрим,— сказал я.

Шмидт повел меня в парк, где у самого дома, отделенный от него узкой дорожкой, рос куст огромных огненно-красных, с белыми прожилками на разлохмаченных лепестках, цветов. Куст был в довольно жалком состоянии: стебли его были безжалостно переломаны. Несмотря на все труды Шмидта, похоже было, что ему уже не выжить.

Садовник стоял над ним, печально опустив голову.

— Три недели назад его сломали в первый раз, в субботу ночью — во второй и вот сегодня ночью — в третий. И почему только ломают его, ведь все остальные цветы целые?

Почему ломают только этот куст? В самом деле, почему? Я осмотрел землю вокруг него. На куст, безусловно, кто-то наступил, но никаких следов не было видно, потому что Шмидт добросовестно взрыхлил вокруг него землю. Я поднял голову вверх, и мне вдруг все сразу стало ясно. Громоотвод! Человек, опускающийся по нему из окна, прыгивал вниз. Естественно, что он ста-

рался попасть не на гравий дорожки, а на мягкую землю.

Так случилось и сегодня ночью.

— Подождите, Шмидт, подождите,— сказал я.— Вы уверены, что в предыдущий раз куст был сломан в ночь с субботы на воскресенье?

— Ну что вы,— обиделся Шмидт,— ведь я каждое утро проверяю парк. Когда я приехал с вами из города, мне пришлось полдня просидеть над ним, а теперь, оказывается, все зря.

Да-да, теперь я вспомнил, что видел вчера из окна, как Шмидт возился с этим кустом. Но сейчас я находился в таком состоянии, что не смог даже словом утешить садовника. Да и утешить-то, собственно, было нечем. Оставив Шмидта все в той же горестной позе над сломанным растением, я поднялся снова в кабинет и сел в кресло, чтобы привести в порядок новые, нахлынувшие на меня мысли.

Итак, в цепь фактов теперь вплетается новое, очень важное звено. В ночь самоубийства Витлинга неизвестный человек был в парке и даже пробирался сюда, наверх. Что это — совпадение или одно дополняло другое? Каждый раз, как только ломался куст, в доме что-то случалось. Так было в субботу, так было в воскресенье. А три недели назад? Что же случилось три недели назад? Я вскочил на ноги. Ну конечно, пропажа револьвера. Теперь все события сразу встали передо мной в новом свете. Теперь я совершенно не верил в самоубийство управляющего. Но если он был убит, то каким образом? Вот что нужно было сейчас решить.

В который раз я спустился вниз, в комнату управляющего. Здесь все осталось без изменения со вчерашнего дня. Только кровать теперь была пуста. Для полного восстановления обстановки не хватало зажженного ночника. Я включил лампу, и рубиновые немигающие глаза совы снова настороженно уставились на меня. Стоило мне задернуть шторы на окне, как в наступившей темноте красные глаза стали еще злее и враждебнее. Мягкий розоватый свет лег на подушку.

Тот, кто был в ту ночь у окна, мог стрелять совершенно безошибочно, а потом подбросить пистолет. Все это так, но ведь выстрел был сделан почти в упор, это подтверждала экспертиза и, стало быть, развивать дальше мысль не имело смысла.

Не думаю, чтобы кто-нибудь мог более тщательно осмотреть комнату, чем я. Ни один предмет не был оставлен мною без внимания. Но в комнате ничего, буквально ничего не подтверждало предположение об убийстве. Мысль о том, что кто-то мог проникнуть сквозь эти четыре стены и, не открывая дверь, выйти обратно, следовало оставить окончательно.

Что касается решетки на окне, то убрать ее можно было только разве с помощью толовой шашки. То же можно было сказать о дверях, которые нам троим удалось открыть, приложив немалые усилия.

Но я все-таки упрямо не сдавался. До приезда Воронцова оставалось еще много времени, и его нужно было употребить с пользой. Спускаясь вниз, я захватил с собой лупу и теперь с ее помощью повторил весь осмотр сначала. Осмотр пола принес мне крупицу успеха. На одной из плиточек паркета сквозь увеличительное стекло ясно обнаружилась небольшая вмятина, сделанная твердым предметом. Она была совсем свежая, об этом можно было судить по тонкому слою воска, покрывавшему паркет. Такой след мог оставить при падении пистолет или другой предмет такого же веса и размера.

Я отчетливо помнил, что рука Витлинга была опущена вниз и почти касалась пола рядом с тумбочкой. Вмятина же находилась у противоположной ее ножки. Если пистолет сразу после выстрела выскользнул из руки Витлинга, он должен был либо остаться на кровати, либо упасть на пол у самого ее края. Бессильно же падавшая рука могла отбросить его только вдоль кровати, но никак не к противоположной стороне тумбочки. Но, может быть, вмятина сделана не пистолетом? Однако какой-то след от падения он должен был оставить. Лежа на полу, я исследовал каждую плитку паркета, но не обнаружил нигде ни царапины.

Я так увлекся этим занятием, что на время забыл обо всем окружающем. И вот, лежа на груди, почти прислонившись лицом к полу, я вдруг почувствовал присутствие позади себя человека. Это чувство пришло так неожиданно, что, не успев даже ни о чем подумать, я сразу вскочил на ноги. За моей спиной в дверях стояла фрау Шмидт. В ее глазах я прочел крайнюю растерянность. Похоже было, что, увидев меня, она хотела уйти, но не успела. Не ожидала она найти меня здесь или ее смутила моя необычная поза?

— О, я очень извиняюсь,— совсем смешавшись, произнесла она.— Дверь была открыта, и я не постучала...

— Вам здесь что-нибудь нужно? — спросил я, подчеркнув слово «здесь».

Она испуганно замотала головой.

— Я искала вас. Не могла дозваться Франца. Когда он занят с цветами, он ничего не слышит.

Теперь я мог рассмотреть ее внимательно. Сейчас лицо ее не показалось таким изможденным и усталым, как вчера. Да и на вид она казалась моложе Шмидта, по крайней мере, лет на десять — пятнадцать.

— Вы искали меня наверху?

— Нет,— в глазах ее ясно читалось удивление.— Я увидела дверь комнаты управляющего полуоткрытой,— в руке ее появился платок, она поднесла его к глазам и всхлипнула.— Ах, он был такой хороший человек... Вокруг столько смертей, не доставало еще этой...

Я разолился на себя: зачем мне нужен тон допроса?

— Так что вы от меня хотели? — спросил я уже мягче.

— Я хотела сказать,— она отняла платок от глаз,— приходила Лиззи — племянница Герхардта. Подождала вас с час и ушла.

— Она хотела видеть меня?

Фрау Шмидт кивнула головой.

— О да, она обещала прийти завтра. Если бы я знала, когда вам удобно, то я могла бы передать...

— Спасибо,— я на мгновение задумался.— Она может не беспокоиться. Мне сделать это значительно удобнее. Ведь дорога в город не так далека от Мариендорфа...

— О,— фрау Шмидт широко раскрыла глаза.— Вы сами? Она даже не могла и надеяться...

— Но я это сделаю не раньше чем завтра к вечеру...

Зачем я солгал? Это произошло почти безотчетно. Ведь я решил отправиться к племяннице Герхардта немедленно. Сегодня утром я видел ее из окна комендатуры. Вместе с Герхардтом и одноруким мужчиной, вероятно ее мужем, они привезли гроб для Витлинга. Герхардт еще не вернулся, а вот она уже успела. Если у нее было что сообщить нам, то я не мог терять ни минуты.

ПЛЕМЯННИЦА ГЕРХАРДТА

Фрау Шмидт вышла. Подойдя к двери, я следил за ней, пока она проходила через вестибюль. Она шла совершенно бесшумно: на ней были матерчатые туфли на толстой мягкой подошве. Вот почему я не услышал ее шагов. Разве в Грюнберге было принято ходить днем в ночных туфлях? Или ей нечего было больше надеть на ноги? После ее ухода я запер дверь и поднялся наверх. Герхардт еще не возвращался, но так как до вечера времени в моем распоряжении оставалось не так уж много, то я решил его не ждать. Лучше всего было проделать путешествие пешком. Для этого у меня было три причины. Во-первых, это помогло бы мне ознакомиться с окрестностями; во-вторых, Селин был занят профилактикой мотора вездехода и раньше чем через час-два не закончил бы ее; и, наконец, в-третьих, мое появление на машине в Мариендорфе навряд ли осталось бы незамеченным и возбудило бы ненужное любопытство.

Сбиться с дороги я не боялся. Прекрасная топографическая карта местности, которая хранилась в моем планшете, показывала, что из Грюнберга в селение вела одна-единственная тропинка, которая разветвлялась только у домика лесничего. Судя по карте, мне предстояло пройти по лесу туда и обратно не более десяти километров, и часа за три я рассчитывал справиться со всем этим делом.

Предупредив Селина, куда и зачем я отлучаюсь, я обошел дом с противоположной от флигелька стороны, обогнул парк и вышел на тропинку в том месте, где мы нашли ночью справочник геодезиста. Ни Шмидт, ни его жена не могли меня видеть.

Я углубился в лес.

В лесу было сухо и светло. Солнечные лучи легко пробивались сквозь поднявшиеся высоко вверх ветки сосен. Толстый слой сухих игл плотным коричневым ковром покрывал землю.

Тропинка шла в гору. Вокруг стояла такая звенящая тишина, что мне казалось, будто шорох моих подошв слышен чуть ли не за сотню метров. Потом тропинка, добравшись до вершины возвышенности, пошла вниз. Лучшей точки для наблюдения за тем, что делалось в имени, выбрать было трудно. Внизу, подо мною, видне-

лись зеленые шапки сосен, а за ними в легкой солнечной дымке лежал правильный квадрат парка, у самого дома заканчивающийся цветником. В самом доме, выглядывавшем из окружающих его раскидистых лип, были отчетливо видны только окна второго этажа, обращенные в парк. Справа, в завесе густого плюща, просвечивались кирпичные стены флигелька, и на задернутом плющом крыльчке я отчетливо увидел белое пятно. Это был чепчик фрау Шмидт. Я хотел было продолжать свой путь, но вдруг заметил, что она сошла с крыльца. В руках у фрау Шмидт было ведро. Может быть, потому, что ее сегодняшнее неожиданное появление в комнате Витлинга насторожило меня, сейчас мне казалось, что двигается она с какой-то опаской. Но ведь нас разделяло никак не меньше полутора километров, и я мог ошибиться. Постояв с минуту, фрау Шмидт неожиданно повернулась, обошла флигель и направилась к лесу. Как хорошо, что я взял с собой бинокль. Сквозь его линзы совершенно отчетливо было видно, что прежде чем скрыться под деревьями, она обернулась и снова постояла немного, к чему-то прислушиваясь. Неужели она боялась, что ее кто-то увидит? Мне-то было ясно, что опасения ее напрасны. Шмидт возился все еще около куста георгин, а Селин то входил, то выходил из открытых дверей гаража. Фрау Шмидт вдруг исчезла. Прошло пять — десять минут. Это становилось интересным. Я обшарил биноклем окрестности и вдруг неожиданно снова увидел ее. Она шла уже от колодца с полным ведром. Каким образом она попала туда? Ведь для того чтобы пройти к нему, не попавшись мне на глаза, ей нужно было обойти вокруг по лесу не меньше двух километров. Я решил выяснить все по возвращении, а сейчас не терять больше времени и двигаться дальше.

Идти стало значительно легче. Тропинка не особенно круто, но все же шла вниз. Теперь меня окружал полумрак — по обеим сторонам тропинки поднялась такая густая сосновая поросль, что временами приходилось раздвигать ветви руками. На всякий случай я вынул пистолет, осмотрел его и опустил в незастегнутую кобуру. Меньше чем через километр деревья расступились, и меня охватил порыв ветра. Я вышел на обширную полянку, покрытую свежей травой. С трех сторон ее окружал лес, с четвертой круто поднимался песчаный обрыв. Недалеке от него стоял небольшой деревянный домик.

Это и было жилище лесника. Здесь тропинка разветвлялась: левый ее отросток почти под прямым углом уходил в сторону обрыва. Около домика никого не было. На стук в дверь никто не отозвался, только послышался лай собаки. Я осторожно заглянул в окно и увидел оскаленную морду молодой овчарки.

Так никого и не застав, я свернул на тропинку и решительно зашагал к Мариендорфу. Собачий лай очень скоро потонул в чаще деревьев, и меня снова окружила тишина.

И вдруг над моей головой мелькнуло что-то темное. Инстинктивно я отскочил под дерево. Вокруг все было опять спокойно, только мне показалось, что в шелест ветвей на вершине горы на мгновение вмешался посторонний звук.

Держа пистолет наготове, я двинулся вперед и осторожно раздвинул кусты. На траве лежала темно-синяя кепка. Это был самый обычный головной убор, каких можно увидеть сотни в любом городе. Синяя кепка с плетеным хлястиком. Она могла свалиться только с головы человека, находившегося у самого обрыва над моей головой. Я внимательно рассмотрел ее. На ней не было ни инициалов, никакой другой бросающейся в глаза отметки, за исключением мелочи. На одной из кнопок, придерживавших хлястик, был отломан кончик медной лапки.

На вершине обрыва ничто не говорило о присутствии человека. Если только тот, с кого ветер сорвал кепку, не имел причин скрываться, он должен был спуститься вниз. Я ждал. В лесу по-прежнему было тихо. А может быть, этот человек не счел нужным спускаться и давно уже ушел? Или ждет, пока я выйду из лесу? В обоих случаях мое ожидание могло продолжаться до бесконечности.

И тогда мне пришла в голову простая мысль. Не став больше ждать, я положил кепку на куст, но так, чтобы она не бросалась в глаза с тропинки. Запомнить место было нетрудно: здесь росла огромная сосна с раздвоенной, похожей на лиру, верхушкой.

Еще через пару километров в зелени ветвей замелькали черепичные крыши. Первый домик стоял поодаль от остальных, выходя коричневого цвета штакетом прямо к тропинке. Насколько я помнил, по описанию Герхардта, это и был домик его племянницы.

Я не ошибся. Стоило только мне подойти к штакету, как из дверей появилась она сама. Я узнал ее сразу. На ней было то же платье, что и утром. Изможденное, усталое лицо делало ее значительно старше тех тридцати двух лет, о которых говорил как-то Герхардт. В глазах ее сначала промелькнул испуг. Чтобы все стало ясным, я сказал, что пришел из Грюнберга. Она приветливо закивала головой.

— О, заходите, пожалуйста. Я очень рада, что вы пришли. Я приходила к вам. Мне, право, неудобно, что я заставила вас беспокоиться...

— Я просто гулял по лесу и завернул сюда,— успокоил я ее.— Фрау Лерхе, если не ошибаюсь?

Она кивнула.

— Прошу вас в комнату... Карл,— сказала она, пропуская меня вперед,— у нас гость. Познакомьтесь, пожалуйста, это мой муж...

Навстречу мне из-за небольшого столика, стоявшего у окна, поднялся среднего роста человек с хмурым, обсыпанным пороховыми пятнами, и, как я сразу подумал, видимо, умеющим быть и приятным, лицом.

— Лерхе,— сказал он,— Карл Лерхе. Садитесь, пожалуйста.

Левой рукой он придвинул мне стул, правой руки у него не было.

Он поймал мой взгляд и хмуро усмехнулся.

— Разряжал бомбу в Кельне и, как видите, не совсем удачно,— сообщил он самым обычным тоном, но я понял: он хотел меня предупредить, что на Востоке не был.— Вот так и живу теперь на милостях фатерланда. Человек — не человек, а так, наполовину. Но что бы то ни было, это спасло меня от худшего. Там у вас так просто не отделался бы.

— Ладно, Карл,— мягко перебила жена,— об этом потом. Сейчас мы должны рассказать...

— Да, пожалуй, ты права, эта история очень скучная. Хотел бы я знать... Ну, ладно...

Он умолк, предоставляя слово жене.

— Да, это все очень, очень странно,— произнесла задумчиво фрау Лерхе.— Кто бы мог подумать?..

— Значит, и вы считаете, что Витлинг?..

— Черта с два,— снова вступил в разговор Лерхе.— Так я этому и поверил. Он только приготовился по-настоящему вздохнуть после наци, как тут...

— Карл,— с упреком перебила жена.— Ведь ты же разрешил мне...

— Ну ладно, ладно,— проворчал он, отходя к окну.— Но только, повторяю, этому твоему собачьему барону я не верю ни на полпфеннига. И если еще раз эта бульдожья морда покажется на нашем пороге, я выброшу его вон!..

— У него никуда не годятся нервы,— извиняющимся шепотом сказала фрау Лерхе.— Вот так третий год. Ничего нельзя сказать против... А тут еще такой случай... Ведь он очень близко знал Витлинга.

Я посмотрел на Лерхе. Он стоял у окна, повернувшись к нам спиной, но профиль его был мне виден. Правая щека Лерхе дергалась.

— Я узнала от Герхардта, что вы очень серьезно отнеслись к этому делу. Мне казалось, что если дело касается немца, то... Одним словом, мы вам очень благодарны. Карл служил с его сыном в Африке и...

— И они отправили его той же дорогой, которую предназначали и мне,— не оборачиваясь, проворчал Лерхе,— но я счастливо отделался, а он...

— Так вот, я хотела сказать,— продолжала Лерхе,— я узнала об этом еще вчера.— Но только сегодня смогла прийти в Грюнберг. В комендатуру утром мы зайти так и не решились, да и потом похороны... Одним словом, мне кажется, я знаю, кто был у Витлинга днем перед тем, как все это случилось. Вернее, мне сказали об этом.

Она сделала паузу и посмотрела на мужа, но тот все так же неотрывно смотрел в окно.

— Кто же это был?

— Кюгельман, наш сосед,— тихо произнесла она.

— Откуда вы об этом узнали? — спросил я, следя за ее побледневшим лицом.

— Мне сказал об этом человек...

— Бульдог,— неожиданно резко повернулся Лерхе.— Бульдог, и она ему верит! Значит, есть основания...

— Карл, Карл,— умоляюще произнесла она. Ведь я же дала слово. Прошу тебя, замолчи...

— Замолчать! — он шагнул вперед.— Я должен замолчать?! Когда нас совали головами в мясорубку, этот боров увивался за нашими женами! Может быть, ты мне скажешь, за какие блага его оставили здесь?

Горячая краска залила лицо фрау Лерхе.

— Боже мой,— почти простонала она.— Ты не понимаешь, что говоришь. Что могут подумать?

Лерхе вдруг обмяк и неловко нагнулся к ней, словно хотел обнять ее.

— Ладно, прости. Больше не буду... Я даже уйду, чтобы не мешать тебе.

И он действительно хлопнул дверями. После его ухода воцарилось неловкое молчание, которое нарушил стук топора: во дворе Лерхе яростно колол дрова.

— Кюгельман сейчас здесь?— спросил я, постаравшись сделать вид, что вся эта сцена прошла мимо моего внимания.— И кто он такой?

— У Кюгельмана тут небольшой участок земли, но сейчас он его забросил. У него тяжело заболела жена. Она у родственников, где-то под Нейштадтом, и он отправился к ней. Это, наверное, произошло сразу после того, как он был у Витлинга. Во всяком случае, с тех пор мы его не видели.

— У него остался кто-нибудь дома?

Она покачала головой:

— Нет, он его запер и просил нас посматривать за ним.

— Так, а кто же вам сказал, что Кюгельман был у Витлинга?

Я видел, что ответить на этот вопрос ей было очень трудно. Ее решимость на этом заканчивалась.

— Но ваш муж...— напомнил я.

— Да, вы правы. Я не хотела говорить. Но если уж он начал... Пусть будет так. Но только вы должны дать слово, что не выдадите меня. Франц Шеленберг, лесник,— произнеся это имя, она еще больше побледнела.— Это было вчера, когда я шла в город. Он догнал меня на дороге и сам завел разговор о Витлинге. Жаль, что здесь нет Кюгельмана, сказал он, вот кто мог рассказать, что заставило старика пустить пулю в лоб. Кюгельмана Шеленберг встретил у сторожки, и тот рассказал ему о своей встрече с Витлингом и будто загадочно добавил, что старику жить осталось не так уж долго. О чем у них шел разговор, Кюгельман не объяснил. Шеленберг сам ввязываться в эту историю не захотел и сказал мне, чтобы я передала дяде, а тот— в комендатуру. Я колебалась, не хотела говорить. Все-таки Кюгельман— наш сосед, и мы никогда не ссори-

лись. Но потом мы решили, что обязаны это сделать. Может быть, это чем-то поможет делу. Вот и все...

Я встал.

— Спасибо, фрау Лерхе.

— Только,— снова смутилась она,— ради бога, не обращайтесь внимания на Карла. Он совсем стал невозможен. Три года без руки, его столько травили...

— Травили?

— Ну да. Не в глаза. Он все-таки инвалид. Но вокруг него создали пустоту. Ведь он же штрафник. Сказал что-то не так о войне. Заставляли разряжать неразорвавшиеся бомбы, и на одной он подорвался. Когда-то мы жили в Хемнице. Он ведь техник-строитель.

Выйдя из домика, я увидел Лерхе около кучи расколотых сосновых поленьев. С сосредоточенным видом он критически осматривал топор, пробуя его остроту на щеку. Он делал вид, что не замечает меня.

— Послушайте, Лерхе,— сказал я, останавливаясь,— почему бы вам не заняться настоящим делом? Ведь сейчас так нужны рабочие руки.

— Руки? — он усмехнулся и опустил топор.— А у меня одна рука, и то левая...

— Дело на всех найдется. Вы знаете Гофмана, помощника бургомистра? Я завтра скажу ему о вас.

Лерхе испытующе посмотрел на меня и вдруг неожиданно рассмеялся.

— Обо мне? Вы? Нет, право, это очень смешно. Свои забыли о том, что существует калека, а вчерашние враги...

— Лерхе, вы слишком обозлены и не хотите видеть, что делается вокруг. Итак, до завтра в городе, а пока держите себя...— я тоже рассмеялся и, чтобы снова не попасть впросак, закончил:— Держите себя в руке, Лерхе. Кстати, вы не знаете, когда вернется Кюгельман?

Лерхе сразу насупился.

— Кюгельман честный человек, а этот собачий король — подлец. Он может наговорить на родного отца. И вообще настало время разделаться со всей этой дрянью. Ладно,— оборвал он себя,— это уже не наше дело. Здесь теперь хозяева вы.

Швырнув на землю топор, он повернулся и вошел в дом.

Я посмотрел на часы. Было половина шестого.

— Фрау Лерхе,— сказал я вместо того, чтобы про-

ститься,— разрешите мне поговорить с вашим мужем наедине.

В ее глазах я прочитал страх и неуверенность. Она колебалась.

Наконец она кивнула головой:

— Только...

— Не беспокойтесь,— перебил я,— все будет хорошо.

Сопровождаемый ее испуганным взглядом, я поднялся по ступенькам и вошел в дом. Лерхе сидел у окна спиной ко мне, уронив голову на стиснутый кулак. Услышав звук открываемой двери, он не только не обернулся, но, напротив, нагнулся еще ниже. До меня доносился его глухой голос:

— Все-таки, Лиззи, надо было говорить все...

— Вот за этим я и пришел, Лерхе,— спокойно произнес я, останавливаясь в дверях.

Он вздрогнул и вскочил на ноги. Тяжелый дубовый стул грохнулся на пол.

— Вы! Опять?

— Да, я, Лерхе. Я знал, что рано или поздно у вас явится такое желание.

Он несколько мгновений смотрел на меня в упор. Потом лицо его стало жестким, единственная рука сжалась в кулак.

— А если я все-таки не скажу? Тогда вы отправите меня за проволоку?

— Не говорите ерунду. Вы скажете, Лерхе. Скажете потому, что вам не даст покоя совесть. Всякому честно-му человеку претит подлость, в каком бы виде она ни проявлялась.

— О,— усмехнулся он,— я слышал, в агитации вы сильны.— Лицо его вдруг стало усталым.— Ладно, в конце концов, может быть, вы правы. Не знаю, посещал ли Кюгельман Витлинга или нет, но один из последних, кто встречался с управляющим Грюнберга, по-моему, был Штейнбок. Это соседний помещик. Его владения находятся по ту сторону шоссе, недалеко от Вайсзее.

— Он приходил в Грюнберг?

Лерхе покачал головой.

— Нет, Витлинг был у него. Это было как раз за день до его самоубийства.

— Вы были тоже у Штейнбока?

Он с горечью махнул рукой.

— Да... Он обещал со временем пристроить нас у

себя. Но теперь мне на это наплевать. Наплевать, даже если он снова возьмет все в свои руки. Не хочется теперь перед каждым гнуть шею,— он помолчал.— А с Витлингом было так. Мы ждали встречи с хозяином во дворе, Витлинг в этот момент вышел от него. Вышел, наверное, чем-то расстроенный, потому что прошел мимо нас совсем близко и не заметил ни меня, ни Лиззи. Я хотел остановить его, но в этот момент на крыльце показался сам Штейнбок. И...— Лерхе повернулся к окну.— И он что-то сказал, глядя ему вслед,— докончил он, прислонившись лбом к стеклу.— Что, я не расслышал. Я видел только его лицо. Но, по-моему, он выругался. Грязно выругался и только тут, повернувшись, увидел нас. Вот, собственно, и все.

— Кто такой этот Штейнбок?

— Обычный средний помещик, которых здесь десятки. Он благодетельствовал нашим женщинам, когда нас не было. Давал им возможность работать на своих полях. Лиззи знает о нем больше, но не скажет. Она все еще надеется, что он поможет ей.

— И что же этот человек ответил вашей жене на ее просьбу?

— Что надо немного обождать... Через месяц-два он найдет ей какую-нибудь работу.

— И больше вы ничего не добавите?

— Ничего,— сухо ответил он и снова повернулся ко мне лицом.

— Ну что ж, Лерхе, спасибо и на этом,— я протянул ему руку.— А Гофману я все-таки скажу о вас.

— Спасибо, но, по-моему, все это напрасно,— лицо его вдруг снова стало сумрачным.— Только не подумайте, что я боюсь этих,— он кивнул головой в неопределенном направлении.— Мне просто действительно больше нечего добавить. Разберитесь во всем сами. Теперь это дело ваше.

У меня не было времени спорить, и, кивнув головой, я вышел из комнаты.

Простившись с фрау Лерхе, которая встретила меня тревожным взглядом, я отправился обратно. Как мне казалось, посещение Мариендорфа прошло удачно еще и в том смысле, что для всех, кроме супругов Лерхе, оно осталось незамеченным.

Шагая по лесу, я думал о том, что узнал от супругов Лерхе. Сосед Лерхе был у Витлинга. О чем они могли

говорить, это было известно теперь только первому. Никакой уверенности, что он вернется в ближайшее время, быть не могло. Но почему Лерхе не верил тому, что сообщил Шеленберг? Почему он так ненавидел лесника? Здесь дело, несомненно, как-то касалось его жены. Мне казалось, что и он и она все еще чего-то недоговаривают — не то из-за боязни, не то просто считают, что это не их дело.

Кто такие Штейнбок и лесник? Что значат слова Лерхе о том, что со всей этой дрянью пора рассчитаться? Во всем нужно было разобраться, но разобратсья очень осторожно, чтобы не наделать ошибок и не вызвать лишних подозрений.

Я не хотел быть настойчивым в расспросах в первую встречу. Кроме того, я надеялся, что Герхардт сможет мне выяснить кое-что не хуже, чем его племянница.

Занятый мыслями, я чуть было не прошел сосновую поросль, где лежала упавшая с обрыва кепка. Хорошо, что причудливая вершина сосны издали бросилась мне в глаза. Прежде чем сойти с тропинки, я замедлил шаги и внимательно огляделся вокруг. Косые лучи опускающегося за обрыв солнца, пробиваясь сквозь ветви сосен, наполняли пространство между ними мягким розоватым светом. Ветерок затих даже на вершине, и в лесу стояла абсолютная тишина. И все-таки из предосторожности я не свернул сразу к поросли, а прошел мимо, будто случайно сошел с тропинки. Место, где лежала упавшая кепка, я запомнил хорошо и так же хорошо увидел, что теперь ее там не было.

За мной следили, как, может быть, следят и теперь. Это было почти бесспорно. За кепкой спустились только тогда, когда я вышел из лесу.

Ощущение напряженности, ни на минуту не покидавшее меня в лесу, усилилось. Но я старался идти спокойно, ничем не выдавая своего волнения. У домика лесника, как и прежде, никого не было. Отрывистый глухой собачий лай снова встретил мое появление на поляне.

В Грюнберге, который я увидел с возвышенности четверть часа спустя, не было видно ни души. Пусто было на дорожках парка, у флигелька, занимаемого Шмидтами. Только над его крышей вился легкий дымок, говоря о том, что кто-то из хозяев был дома.

Картина эта, задернутая розоватым вечерним туманом

ном, дышала таким миром и покоем, что гнетущее чувство исчезло.

Неторопливо, с видом гуляющего, я прошел через парк и вышел к дому со стороны липовой аллеи. На площадке перед гаражом на двух запасных скатах сидел Селин и тянул самокрутку. Увидев меня, он встал и доложил, что мотор в полном порядке и что, если нужно, ехать можно хоть сейчас.

До приезда Воронцова оставалось еще около часа, и я посоветовал Селину отдыхать, не без основания полагая, что этой ночью ни мне, ни ему не придется сомкнуть глаз. Сам я хотел было направиться в комнату управляющего, но, рассудив, что в наступающих сумерках даже с помощью лупы ничего нового обнаружить не удастся, поднялся наверх в кабинет.

Включив настольную лампу, я развернул топографическую карту и с возможной точностью отметил на ней место падения кепки. На нее уже была перенесена точка, отмеченная крестиком в справочнике геодезиста. Эта привычка — все заносить на карту — прочно выработалась у меня за годы войны.

На карте та самая тропинка, которая ответвлялась у домика лесника, поднималась вверх на гору и некоторое расстояние шла над самым обрывом параллельно нижней тропинке. Около одинокого строения она выходила на Дрезденское шоссе.

Я был уверен, что мой уход из Грюнберга остался не замеченным для тех, кто находился в нем. И все-таки меня не упустили. Это обстоятельство, как и ночное происшествие, ясно говорило, что за Грюнбергом все время наблюдает чье-то недремлющее око, и человек, увиденный мною в первое наше появление здесь, был, очевидно, совсем не одинок.

Мои рассуждения были прерваны донесшимися с лестницы шагами. Я приподнял колпак абажура, ожидая увидеть Селина. Матовый свет упал на дубовые полуоткрытые двери, и на пороге появился майор Воронцов.

От неожиданности я встал.

— Ну-ну,— сказал он тихо, заметив мое удивление,— только не примите меня за привидение. Я просто остановил машину на середине аллеи и дошел сюда пешком. Но не для того, конечно, чтобы вас удивить.

Он сел в кресло и посмотрел на часы:

— Минут тридцать у меня еще есть. Что нового?

— Так,— задумчиво произнес он после того, как я окончил рассказ,— Шеленберг, Кюгельман, Штейнбок, Лерхе... Видите, уже нечто осязаемое. Вмятина на паркете, сломанный куст— все это новые, правда, пока не совсем надежные звенья в цепочке, которая может привести нас к цели. Но новости есть не только у вас. Оказывается, не мы одни интересуемся событием в Грюнберге,— майор вынул из кармана сложенную в несколько раз газету и, расправив ее, положил на стол.— Смотрите, что пишут по ту сторону Эльбы.

Сразу же мне бросились в глаза подчеркнутые красным карандашом жирные заголовки: «Волна самоубийств в восточной зоне оккупации», «Кончают жизнь демократически настроенные элементы», «Смерть управляющего имением, находившегося в оппозиции к национал-социализму».

Я поспешно взял газету в руки. Говоря честно, для меня все это оказалось полной неожиданностью. Наверное, потому, что, занятый происшествием, я не задумывался над тем, какой резонанс оно могло получить по ту сторону демаркационной линии, где моментально использовали и до гиперболических размеров раздували не только малейший наш промах, но и любое, самое обычное происшествие.

Заметки состояли из нескольких строк. Заголовки же занимали место в несколько раз больше. Не добавляя ничего лишнего, газета сразу придавала факту какую-то особую значимость. Прием был не новый. Но меня заинтересовало еще одно место, так же жирно подчеркнутое красной линией. Это дата выхода в свет газеты. О смерти Витлинга нам стало известно в воскресенье утром. Лежащая передо мной газета сообщила об этом во вторник. Принимая во внимание всю сложность существующей в настоящее время обстановки, оперативность была просто поразительная.

— У этой газетки довольно приличные корреспонденты,— заметил майор.— Дело это, по-видимому, будет раздуваться и дальше. Мне уже звонили из международного пресс-центра с просьбой сообщить подробности. Я ответил, что ведется следствие и что причины самоубийства устанавливаются.

— Самоубийства? — с удивлением переспросил я.— И вы не поставили под сомнение эту версию?

— Пока мы не можем ничего доказать. Нам нужно

оперировать фактами, которые нельзя опровергнуть. А их нам легче будет добыть, если сделаем вид, что мы убеждены в самоубийстве. Мое мнение разделяют и в СВАГе — Советской военной администрации в Германии, — Воронцов посмотрел на часы. — В районе точки, отмеченной крестиком, находится заброшенный дот. Сейчас группа под командованием лейтенанта Меркулова уже окружила его. Если сегодня нам удастся захватить этого любителя лазить по окнам, то, может быть, разгадка всей истории будет найдена.

После ухода Воронцова я долго еще сидел над картой, продолжая изучать окрестности Грюнберга. Мысли мои, естественно, вращались вокруг новостей, которые я узнал за сегодняшний день, и прежде всего вокруг имени Штейнбока. Имение его, которое я без особого труда отыскал на карте, находилось в нескольких километрах от городка Вайсзее, расположенного на берегах небольшого озера, носящего с имением одно и то же название. От Грюнберга до него напрямик было раза в четыре дальше, чем до Мариендорфа. Имение находилось по другую сторону озера и называлось Вайсбах.

Уточнив все это, я спрятал в планшет карту и снова подошел к расставленным на стеллажах книгам. Что бы там ни было, а мне не верилось, что в таком обширном доме, где Витлинг прожил не один год, он не оставил каких-то более ясных следов, чем найденный нами в первый день обрывок бумажки с одним только словом «Abend...», даже если кто-то и пытался уничтожить эти следы.

Стоило мне остаться в одиночестве в этом почти совершенно пустом доме, как ощущение того, что разгадка смерти управляющего находится где-то около меня, не давало мне покоя. Какое-то тревожное чувство наполняло все мое существо, заставляя ни минуты не сидеть без дела. Временами мне казалось, что стоит протянуть руку, как я нащупаю то, что пока незримо витало вокруг меня. Я мог посмеиваться в душе над своими ощущениями, но образ Витлинга, такой, каким он остался в моем сознании, не давал к этому никаких оснований. Какая-то глубокая тайна, несомненно, связывала его с бывшим владельцем имения. Враг нацизма — и служит у одного из самых активных нацистов, никуда не годный управляющий — и управляет долгое время обширным имением. И Ранк не смещает его.

Находиться в этом доме и не пытаться искать разгадку я просто уже не мог. И я снова начал с книг, наверное, потому, что именно в них и было нами найдено первое звено — карта в справочнике геодезиста.

Время не оказалось потерянным даром.

Перелистывая книги, я обратил внимание на одно обстоятельство, ускользнувшее раньше и от меня и от Герхардта. Титульные листы некоторых из них, там, где обычно ставится имя владельца, были густо заштрихованы тушью. Очевидно, этим уничтожалось имя их старого хозяина. Я разложил несколько книг на столе и взял лупу. Но как тщательно я ни пытался восстановить зачеркнутую фамилию, достигнуть удалось очень немногo. Я установил только, что имя это или, вернее, фамилия оканчивалась на букву «t» или «k». В готическом написании эти буквы очень близки друг к другу. Первая же буква была либо «R» либо «P».

Значило ли это, что фамилия была Ранк? Но зачем было их владельцу уничтожать свое имя, тем более что на некоторых книгах оно сохранилось в полной неприкосновенности? И затем — Ранк — очень короткая фамилия. Здесь же первый и последний знаки разделяли по расстоянию, во всяком случае, десятка два букв. Имя и фамилия? Насколько мне было известно от Герхардта, Ранка звали Отто. Даже если написать полностью «Отто фон Ранк» и то оставалось место, по крайней мере, для целого слова. Потом первым знаком была все-таки буква «R» или «P». Не мог же хозяин этих книг написать свою фамилию и имя, так сказать, наизнанку — Ранк фон Отто? Да и в этом случае они не заполняли всего места.

Книг с заштрихованной фамилией я обнаружил всего-навсего двенадцать. Все они были посвящены вопросам искусства. Это были великолепные, очень редкие и дорогие издания, вышедшие большей частью из лейпцигских типографий. Я обратил еще внимание на то, что ни одна из них не была издана позже 1933 года. Этот, на первый взгляд, незначительный факт заставил меня задуматься. Значит, все книги были приобретены их первым владельцем до прихода к власти нацистов. Не говорило ли это о том, что он не мог пополнять свою библиотеку после их прихода? Однако дюжина книг, которыми я располагал, еще не давала мне возможности вынести такое заключение.

Одну из книг, ту, где мне удалось приблизительно определить первую и последнюю буквы, я рассматривал особенно тщательно. Собственно, это была не книга, а большого формата объемистый сборник репродукций с картин немецкого художника эпохи Возрождения Маттиаса Грюневальда. Я мало что знал о нем и ни с одной из его картин знаком не был. Но все, что я сейчас увидел, меня поразило. Почти со всех репродукций на меня глядели искаженные мукой лица, с которыми едва ли могли сравниться даже самые трагические офорты Гойи. На прекрасной глянцевой бумаге были воспроизведены сцены смерти, страданий, изощренных мучений. Это было редкое сочетание трагической фантастики с яркими чертами реализма. Одна из репродукций — рисунок грифелем — заставила меня остановиться на себе внимание. Совершенно случайно мне бросилась в глаза сделанная остро отточенным карандашом прямо на самом рисунке надпись. Наполовину она уже стерлась, но с помощью лупы разобрать ее можно было довольно легко. «*Omnia mea mecum porto*», — гласила она. Это было латинское изречение, принадлежащее малоизвестному греческому мудрецу Бианту: «Все свое ношу с собой».

Навряд ли латынь была известна Ранку. Эти слова, по всей вероятности, были написаны не им. Может быть, Витлингом? Скорее всего это было так, но достаточно было мне положить под лупу рядом с обнаруженной надписью вынутый из блокнота обрывок бумаги со словом «*Abend...*», как пришлось сейчас же отвергнуть это предположение. Вне всякого сомнения, почерки были разные.

Чем внимательнее я всматривался в сам рисунок, тем отчетливее начинал ощущать какую-то смутную связь между ним и надписью. Сделанный грифелем, он напоминал скорее набросок, чем законченную картину. В центре наброска находилась группа людей. Несколько человек с искаженными, злобными лицами тащили худого и изможденного человека, одетого в рубище. Не сопротивляясь, он поднял руки и смотрел в небо. В чертах его лица угадывались в одно и то же время спокойная уверенность в себе и презрение к палачам. На заднем плане рисунка возвышалось что-то наподобие крепостной башни со странными крестообразными бойницами.

И тут я вдруг отчетливо понял, в чем связь между

наброском и надписью. Она заключалась в трагизме того и другого. Изречение в применении к рисунку приобретало глубоко символический смысл. Человек лишен всего. Он, по-видимому, обречен на смерть. Но истинное богатство человека в его внутреннем содержании. А его-то палачи отнять бессильны. Так верно и точно оживить картину одним коротким изречением мог только человек, сам находящийся на краю смертельной опасности.

Все, что меня окружало,— полумрак обширной комнаты, тишина огромного опустевшего дома и вся обстановка загадочности, которая его наполняла, настраивали на определенный лад. Я уже мысленно видел обреченного, но глубоко уверенного в своем моральном превосходстве человека, который в последний раз взял в руки карандаш, чтобы одним коротким латинским изречением подвести итог всей своей жизни.

Время ушло далеко за полночь. Я потушил свет, подошел к окну и, отдернув шторы, распахнул шире раму. Ночь была настолько темной, что даже рама, находившаяся от меня всего на расстоянии вытянутой руки, едва угадывалась во мраке. Легкий прохладный ветерок, обдувавший лицо, доносил шелест сосновых ветвей, тихое поскрипывание раскидистого вяза, тершегося корой о решетку ограды.

Я хотел было закрыть раму, как вдруг остановился. Мне показалось, что в доносившиеся до меня шорохи на мгновение вплелся другой, новый звук.

И тут по прямой линии от окна, по-видимому на склоне одной из возвышенностей, мелькнула и сейчас же исчезла светлая точка. Это могло бы показаться, если бы она не вспыхнула снова и вдруг превратилась в тонкий, как игла, луч. На одно короткое мгновение он поднялся вверх и тотчас же растаял во мраке, словно его и не было. Снова перед моими глазами стояла плотная тьма.

Долгое время я простоял у окна, вглядываясь в темноту, но на этот раз ничего больше не увидел. Источник света находился не ближе чем в трех-четыре километрах от дома, и пытаться сейчас, в кромешной темноте, выяснить, откуда он исходил, было совершенно бессмысленно. Для меня было ясно, что произошло все это где-то в районе того самого дота, о котором говорил майор и который сейчас находился под наблюдением

наших солдат. По всей вероятности, это был сигнал, предупредивший кого-то об опасности. Но сколько бы я ни стоял у окна, размышляя о том, что произошло в горах, это бы нисколько не приблизило меня к истине. Поэтому, плотно закрыв раму, я спустился вниз и, разбудив Селина, отправился спать. От него я узнал, что Герхардт ушел в город и еще не возвращался.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОТ

Как и следовало предполагать, засада у дота ничего не дала. Луч фонаря сделал свое дело. Теперь можно было не сомневаться, что вокруг Грюнберга действуют не меньше двух человек или, что еще вернее, целая группа. Оставалось пока загадкой, каким образом была обнаружена засада. Пятеро солдат, бывших в эту ночь с лейтенантом у дота, совсем недавно были лучшими разведчиками нашей дивизии, и уж они-то не могли совершить промаха. Да и их руководитель лейтенант Меркулов показал себя в ходе войны отличным разведчиком.

Надо было действовать.

Воронцов заехал за мной, и мы с двумя автоматчиками поехали на вездеходе по шоссе.

Через несколько минут замелькали знакомые крыши Мариендорфа. Ушла назад липовая аллея, ведущая в Грюнберг. Обернувшись, на шоссе я заметил двигающуюся человеческую фигуру. Хотя видел я ее только одно мгновение, мне показалось, что это был возвращающийся из города Герхардт.

По обеим сторонам шоссе бежали, то подступая вплотную к нему, то открывая просторные поляны, стройные сосны. У расщепленного осколком километрового столба мы свернули с шоссе на поляну и остановились у первых сосен.

Отсюда до дота напрямую было не более полукилометра. В лесу, как обычно, стояла тишина, пронизанная мягкими, пробивающимися сквозь ветви лучами солнца. По усыпанной сухими иглами едва приметной дорожке мы двигались быстро и, как нам казалось, совершенно бесшумно. Вел нас сержант Ковалев, находившийся здесь в прошедшую ночь вместе с Меркуловым.

На небольшой возвышенности, от вершины которой отступали вековые сосны, он остановился.

— Здесь, товарищ майор...

Дот, к которому мы подошли, никогда не был использован по своему прямому назначению. Он находился на склоне холма, обращенного к дороге, и предназначался, как видно, для ее обстрела. Вокруг дота поднимались густые заросли молодых сосен.

Ковалев первым спустился вниз и, внимательно оглядев прикрытую плиту двери, повернулся к Воронцову:

— Все в порядке, товарищ майор, после нас здесь еще никого не было. Я скрепил двери наверху ленточкой сосновой коры, видите, она на месте.

Он с трудом сдвинул на себя тяжелую бетонную плиту. Позади нее открылся темный провал. В руке Воронцова вспыхнул электрический фонарь. На внутренней стороне двери, почти на всю ее высоту, четко вырисовывалась цифра 3.

— Четвертый находится на следующем холме, метрах в трехстах отсюда,— сказал майор.— Вы ничего не нашли здесь, товарищ сержант?

— Нет, товарищ майор, дот совершенно пуст.

Мы стояли прямо в центре дота на бетонированном полу. Было сыро и прохладно. Свет солнца почти не проникал сюда сквозь закрытые кустарником щели амбразур. Рассчитывать можно было только на фонарь. Его луч ощупал стены, потолок и пол, задерживаясь на каждой трещине. Дот был покрыт стальным колпаком, все остальное сооружалось из бетона. Было очевидно, что ко всему этому давно не прикасалась рука человека. Только в противоположной от входа стороне, в двух глубоких нишах, обвалился потолок, и коричневатая земля крутыми горками вывалилась вниз сквозь проломы.

— Товарищ сержант,— сказал Воронцов, переводя луч фонаря с одной ниши на другую,— вы здесь обследовали всю местность вокруг дота, не заметили ли вы поблизости воронки от авиабомбы?

— Даже от мины и то не заметил, товарищ майор.

— В таком случае поднимитесь, пожалуйста, наверх и возьмите лопату.

Через минуту саперная лопата была у нас в руках, и мы поочередно, сменяя друг друга, стали отбрасывать землю сначала в левой нише. Через десять — пятнадцать минут нам стало ясно, что копать в этом направлении дальше не имеет смысла. Хотя лопата и не встречала большого сопротивления в песчаном грунте, густое

переплетение свежих, ничем не тронутых корней со всей очевидностью говорило о том, что никакой инструмент до нашего прихода их не касался.

Но зато в правой нише все оказалось иначе. Лопата вся врезалась в землю с глухим стуком, встречая на своем пути то камни, то куски бетона. Не успел я, в третий раз сменив Ковалева, сделать несколько ударов лопатой, как она вдруг провалилась в пустоту.

Земля медленно осыпалась вниз, открывая узкое темное отверстие. Еще несколько минут, и оно легко расширилось настолько, что могло пропустить человека. Вошедший в нее луч фонаря нащупал узкий низенький коридор с бетонированными стенами. Легкое движение воздуха, вошедшее из коридора в дот, свидетельствовало о том, что коридор этот где-то выходит на поверхность.

Майор первый пролез в коридор, я последовал за ним, Ковалев остался у входа. Проход был настолько узок, что в нем можно было двигаться только по одному, и то согнувшись. Кроме отблесков фонаря и широкой спины майора, я ничего не видел.

Мы дошли до поворота, и тут Воронцов так неожиданно остановился, что я ткнулся головой в его спину. В следующее мгновение в окружающей нас пустоте прогремел выстрел. Он был настолько оглушителен, что сразу мне показалось, будто нам на голову рухнули своды. Майор отскочил назад, зажав меня в угол. Пуля врезалась куда-то в стенку, осыпав нас цементной пылью.

— Быстро назад! — крикнул Воронцов.

Мы спрыгнули в дот, чуть не сбив с ног спешившего нам на помощь Ковалева.

— Автоматчика на охрану выхода! Сержант, за нами,— распорядился майор, взбегая по ступенькам вверх.— Направление — четвертый дот!

Четвертый дот находился на открытой со всех сторон поляне. Где-то в отдалении слышался треск ветвей под ногами Ковалева.

Неужели он, бывший здесь уже однажды, сбился с дороги?

Мы бросились к ступеням, но сейчас же поняли, почему сержант не остановился здесь: у основания бетонированной, плотно закрытой двери лежал сброшенный вниз тяжелый камень. Он упал совсем недавно: над ним продолжала тоненькой струйкой осыпаться земля.

В это мгновение до нашего слуха донеслись три разных звука: резкий возглас «стой!», пистолетный выстрел и последовавшая за ним короткая автоматная очередь.

Через несколько минут мы выскочили на открывшуюся за стволами деревьев поляну, значительно обширнее предыдущих. Она закончилась невысоким обрывом, из которого торчали обнаженные корни сосен. Метрах в двадцати от державшего автомат наизготове Ковалева лицом к нам стоял человек.

В левой руке он держал пистолет. Согнувшись, словно для прыжка, и не спуская с нас глаз, человек этот был похож на затравленного оскалившегося волка, готового вцепиться в глотку первому, кто к нему подойдет.

— Бросьте оружие! — крикнул майор, сделав несколько шагов вперед.

Тот даже не пошевелился и не изменил своей оборонительной позы.

— Послушайте, неужели вы не понимаете, что прежде чем вы сделаете выстрел, вас превратят в решето. Бросайте пистолет!

Человек еще мгновение колебался, потом, глухо выругавшись, швырнул пистолет на землю, вытащил из кармана платок и, не смотря на нас, начал перетягивать залитую кровью кисть правой руки.

— Иначе ушел бы, товарищ майор, — немного виноватым тоном сказал Ковалев.

— Правильно сделали, сержант. Выньте индивидуальный пакет, перевяжите ему рану.

Я разглядывал задержанного. Это был мужчина чуть выше среднего роста, с маленькими, глубоко сидящими глазами. Одутловатое, нездорового цвета лицо давно не брито. Нет, это был совсем не тот человек, которого мне довелось мельком увидеть на склоне горы при первом посещении Грюнберга.

Подойдя к нему, я поднял с земли пистолет. Это был самый обычный «вальтер».

Ковалев вынул из сумки бинт.

— Давай руку. Я продырявил — мне и лечить. А убегал ты напрасно. Все-таки, как-никак, первое место в районе на средние дистанции.

Задержанный не ответил. Закусив губу, он смотрел, как сержант быстрыми движениями бинтовал его кисть.

— Что вы делали в доте? — обратился к задержанному Воронцов.

Тот поморщился, придерживая раненую руку.
— Прятался от вас,— голос у него был глухой и хриплый.

— Зачем? Кто вы такой?

— Рядовой 143-го горнострелкового полка... Курт Бергман. Хотел уйти за Эльбу, в Баварию. Чтоб не попасться вам в руки, переоделся в штатское.

— И по этой же причине стреляли в нас?

Бергман опустил голову.

— Вы так неожиданно появились в проходе... Я испугался и действовал из страха, просто из страха, не отдавая себе отчета в том, что делаю.

— И в сержанта стреляли, тоже не отдавая отчета? Вот что, Бергман, разговор мы продолжим немного позже. Сейчас вас поведут через лес к шоссе. Один намек на попытку к бегству — и ваши предыдущие страхи окажутся для вас последними. Но прежде один вопрос: вы нашли, что искали?

Бергман вздрогнул и пристально посмотрел на майора.

— Нашел,— вдруг резко сказал он.— Нашел, и будь я сто тысяч раз проклят, если бы взялся за это дело, зная, чем оно кончится! Не впутался бы в эту историю, был бы уже за Эльбой, может быть, дома. Всю жизнь мне приходилось таскать каштаны из огня для других вот этими руками,— он посмотрел на раненую руку и усмехнулся:— Дотаскался... Вы можете получить целый ящик картин. Каких — разберетесь сами. А моя песенка спета. Ведь вы же не будете утверждать обратное?

— Рад, что вы оказались таким разговорчивым, Бергман. Нам еще предстоит поговорить с вами о многих вещах. Но это потом. А сейчас, сержант, доставьте арестованного к машине.

КОПИЯ ИЛИ ПОДЛИННИК?

Мы немного изменили свой план. Бергмана сопровождали к шоссе я и Ковалев, так как мне нужно было еще попасть в Грюнберг, захватить свою машину и заглянуть по дороге в Мариендорф.

В имении, как всегда, было пусто. Шмидт, по своему обыкновению, возился в саду. Фрау Шмидт находилась, наверное, в флигельке, так как легкий дымок вился все так же мирно и спокойно над его крышей. А Герхардта

я не нашел ни в его комнате, ни наверху. Селин сообщил мне, что был все время во дворе, но его не видел. Неужели утром я ошибся?

У меня не было времени искать Герхардта, так как я должен был присутствовать на допросе Бергмана. Завершив все дела, мы с Селиным подъехали к комендатуре уже после полудня. Возбегав по лестнице на второй этаж, я наткнулся на майора и сразу заметил происшедшую в нем перемену. От его прошлой сосредоточенности как будто не осталось и следа.

— Быстро управились,— в голосе его прозвучали веселые нотки.— Пойдемте направо, в ваш кабинет. Простите, что распорядился без вас, но, по-моему, это самое удобное место.

Дверь моей комнаты находилась по коридору за углом, и я, подойдя к ней, к своему удивлению, увидел у дверей часового. Мы с майором вошли в комнату, и первое, что мне бросилось в глаза, был узкий ящик метра полтора высотой, сбитый из легких сосновых досок.

— Здесь нет ничего интересного, но посмотрите сюда,— майор подошел к креслу и снял наброшенный на него кусок полотна. Моему взору открылась небольшая картина, заключенная в деревянную раму.

— Смотрите внимательно,— майор стал так, чтобы закрыть лучи солнца, падающие на кресло из окна.— Не думаю, чтобы картина эта не была вам знакома.

— Подождите,— я подошел ближе,— да ведь это известная картина Альбрехта Дюрера! Я много раз видел ее на репродукциях. «Портрет молодого человека», не так ли?

— Правильно, а остальные, найденные вместе с ней, по-моему, не так уж много стоят. Два часа назад я общился в штаб о нашей находке. Думаю, что скоро все станет ясным. Пройдемте ко мне и допросим Бергмана.

Только мы успели войти в кабинет майора, как ввели Бергмана.

— Садитесь, Бергман,— сказал майор, указывая на кресло,— и давайте не будем терять времени. Надеюсь, вы не будете повторять версию о том, что просто играли с нами в прятки. Расскажите, что вы знаете о Ранке и откуда узнали о спрятанных им картинах.

Пока майор произносил эти слова, Бергман переводил взгляд своих колючих, глубоко сидящих глаз с майора на меня и обратно. Я был уверен, что он пытается угадать,

насколько далеко простирается наша осведомленность. Вероятно, выражение наших лиц обмануло его, и он решил, что вполне можно держаться с известной долей развязности.

— Ну что же, если это вас интересует, я, пожалуй, расскажу. Расскажу, потому что мне терять нечего. Людей, которые стреляют в вас, вы не можете прощать. Но я хочу, чтобы вы поверили, что я стрелял под влиянием страха, без умысла. Вас интересует, откуда я знаю Ранка?— Бергман дернул плечами.— Но ведь мы с ним служили в одной части. Только он был старший офицер, а я — рядовой. После различных трепок наша дивизия попала на Атлантический вал, оттуда — на Рейн, потом снова на Восток и, наконец, перестала существовать совсем. Одним словом, получилось так, что я за несколько дней до всеобщего конца сидел в полном одиночестве на втором этаже полуразрушенного дома километрах в двадцати отсюда, по дороге на Дрезден, и размышлял о том, как спасти свою шкуру. Я решил ночью пробираться в горы. Около полуночи, когда я уже собирался привести в исполнение свой план и спустился вниз, на дороге вдруг послышался шум машины. К моему удивлению, она остановилась как раз около дома. Это мне очень не понравилось, и я забрался снова наверх.

Спустя несколько минут с противоположной стороны подъехал другой автомобиль. Два человека вошли в дом, и я через пролом в потолке услышал отрывок их разговора. Речь шла о картине Дюрера. Один из беседующих говорил с сильным иностранным акцентом, другой на чистейшем немецком языке. Этот второй и был Ранк. Я сразу узнал его.

Ранк предложил сейчас же поехать на место и передать картину. Другой ответил, что сделает это с удовольствием, если только Ранк согласится поверить ему в долг, так как он не захватил с собой денег. Ранк отказался. Они договорились встретиться на следующую ночь, после чего иностранец уехал, но Ранк почему-то не уезжал. Я пробрался к разбитому окну и понял, что с его машиной что-то случилось. Шофер, ругаясь, возился с мотором. Ранк, видимо, очень волновался и торопил шофера.

Я уже давно слышал над головой гул моторов. Но к этим звукам все настолько привыкли, что перестали к ним прислушиваться. Однако на этот раз стоило бы.

Один из самолетов сбросил осветительную ракету. Через минуту вокруг дома стали рваться бомбы. Взрывная волна обрушила часть стены, но я по счастливой случайности остался жив. Когда я пришел в себя, самолеты, отбомбившись, ушли, и в наступившей тишине до меня донесся стон. Это был Ранк. Машина его была разбита, шофер убит, у него самого зияло в животе отверстие с кулак. Я втащил его в дом. Он меня, конечно, не узнал. Не приходя в себя, он бормотал что-то о картине и о геодезическом справочнике. Под утро он умер. В его вещах я нашел этот справочник с пометками и, поразмыслив, решил, что если такой человек, как Ранк, может продавать не принадлежащие ему картины, почему же мне не заняться этим. На следующую ночь я встретился с тем иностранцем, рассказал ему все и предложил свои услуги. Он сначала не хотел говорить со мной, а потом, подумав, сказал, что ему, собственно, безразлично, кто доставит ему картину — я или Ранк. Он мне дал срок ровно один месяц и уехал. Я начал искать спрятанные картины, и тут вы меня схватили...

— И это все? — спросил майор. — Больше вы ничего не можете вспомнить?

Бергман покачал головой.

— Кроме того, что сказал, я ничего не знаю.

— Ну хорошо, — майор посмотрел ему в глаза. — Теперь давайте поменяемся ролями. Я разрешаю прерывать меня там, где я уклонюсь от истины. Итак, прием на веру все то, что произошло с вами до встречи с любителем картин. Здесь вам, возможно, нет смысла говорить неправду. Дальше в рассказе сплошная ложь. Никакого справочника в вещах Ранка вы не нашли. Вы просто достали другой справочник, который, конечно, никому ничего не мог объяснить. Именно поэтому вам и нужен был месяц срока, чтобы во всем разобраться. Однажды ночью вы пробираетесь в кабинет Ранка, но и там ничего не находите. Срок близится к концу, возможно, вас еще и торопят. Тогда вы решаетесь на последний шаг — открываете Витлингу карты и предлагаете ему часть вознаграждения с тем, чтобы он помог вам ознакомиться в доме со всеми бумагами. Но Витлинг был честный человек. На следующий день он едет в магистратуру, но никого там не застает. Вы догадываетесь о его намерении и решаете, что Витлинга надо убраться. Но, к вашему удивлению, он сам идет навстречу

этим стремлениям и в эту же ночь стреляется. Не правда ли, Бергман, мы были этим крайне изумлены?

При этих словах легкая бледность разлилась по лицу Бергмана. Под пристальным взглядом майора он опустил глаза и чуть хрипло сказал:

— Не знаю, почему старику вздумалось пустить в себя пулю. Наверное, он давно думал об этом. Вам не удастся обвинить меня в том, что я толкнул его на самоубийство. И как я мог это сделать, если даже не видел его?

— Допустим. Но пойдем дальше. Итак, Витлинг застрелился, и слухи об этом никем не опровергаются. И самое интересное, вы уже в эту ночь пробираетесь снова наверх и забираете из стола все бумаги. Вы хотели разобраться в них без помех. Еще одна интересная деталь — единственный человек, который живет в доме с Витлингом, в эту ночь уходит к своей племяннице, которая, кстати, его совсем и не думала звать. Кто, интересно, сообщил Витлингу, что с ней случилось несчастье? Не знает! Пойдем еще дальше. И в бумагах управляющего вы ничего не обнаружили. Тогда вы в третий раз пробираетесь в кабинет. Надо отдать справедливость, Бергман, вы человек смелый. Вы делаете это несмотря на то, что в доме теперь находится три человека, из которых двое вооруженных. И здесь неожиданно вас ждет удача. На столе лежит справочник геодезиста, тот, который вам нужен. Вы переносите в свой экземпляр отметки, сделанные Ранком, и, несмотря на то, что вас в последнюю минуту замечают в парке и даже стреляют, благополучно уходите. Я где-нибудь ошибся, Бергман? Поправьте меня.

— Ложь, все ложь, — грубо сказал Бергман. — Вы наговариваете на меня. Где доказательства, что я был в доме? Их нет. Это одни предположения и догадки.

— Главное доказательство — то, что вы сидите в этом кресле. Неужели вам не показался странным провал после того, как ваш план, казалось, блестяще удался? Пора поверить, что нам все известно. Скажите фамилию человека, которому должны были передать картину. Когда вы его последний раз видели?

— Пять дней назад, — угрюмо ответил Бергман. — Он мне сказал, что надо спешить, потому что картины усиленно разыскивают. Фамилия его мне неизвестна. Я знаю только, что он иностранец.

— Когда и где вы должны с ним встретиться?

— Завтра в семь утра около того же дома.

— Но ведь он, кажется, уже отчасти восстановлен и в нем кто-то живет?

— Не доезжая до него с полкилометра есть маленький лесок, который подступает к дороге. Он будет ждать меня на опушке.

— Кто еще связан с вами?

— Никто, я действовал один.

— А фамилия Шеленберг вам не знакома?

— Шеленберг? — в голосе Бергмана прозвучало удивление. — Кто это? Я не знаю его...

— Человек, который живет в сторожке у тропинки, ведущей в Мариендорф.

Бергман покачал головой:

— Ни Шеленберга, ни кого-либо другого я здесь не знаю.

— Допустим. Почему вы не попытались достать картины ночью, а сделали это днем?

— Я и при дневном свете не очень-то ориентируюсь в лесу, а ночью вообще бы не нашел места. Да и потом был уверен, что сбил вас с толку.

— Где вы находились эту ночь?

— В восьмом бункере. Это недалеко от разрушенного дома.

— Больше вы ничего не хотите сказать?

— Я сказал все. Я знаю, что чистосердечное признание мне будет зачтено. И прошу вас учесть: я стрелял только из страха. Это был какой-то невольный шаг, безответное действие. Будь это не вы, я все равно стрелял бы. Все равно. Нервы оказались сильнее меня.

— Ваши впечатления? — спросил Воронцов после того, как за автоматчиком, сопровождавшим Бергмана, закрылась дверь. — Врет или говорит правду?

— Это мы проверим утром.

— Да, но только, так сказать, с одной стороны...

Резко и требовательно зазвонил телефон. Майор бросил на стол размятую папиросу и взял трубку.

— Комендатура, майор Воронцов. Да, товарищ генерал, картина Дюрера. Что?! Лучше разбираться... Но... Как Дюрера?! Плохо слышно? Нет, товарищ генерал, слышно хорошо. Ясно.

Воронцов положил трубку.

— Так вот, уважаемый Сергей Семенович, — он впер-

вые за все время назвал меня по имени,— у вас есть спички? Дайте, пожалуйста. Так вот, Сергей Семенович, мы с вами, мягко выражаясь, опростоволосились. Ясно? Никакой это не Дюрер и никаким шедевром здесь и не пахнет. Картины Дрезденской галереи уже найдены, среди них и та, что мы принимали за подлинник. Ранк, видимо, был не только изрядным фокусником, но и отпетым шулером. Если Бергман говорит правду, то завтра мы встретимся с человеком, которого он готовился оставить в дураках. Но скажу вам честно,— в глазах майора загорелись юмористические огоньки,— я бы и сам мог попасться на эту удочку. Хотел бы я иметь сейчас подлинник, чтобы поставить его рядом с этой подделкой. Кто бы смог их отличить? Как вы думаете, может быть, и Ранк принимал ее за настоящего Дюрера?

Я был смущен столь неожиданным оборотом дела, что не сумел собраться с мыслями, и майор ответил себе сам:

— Что ж, такая возможность не исключена. Но подведем итог. Картины, во всяком случае те, которые спрятал Ранк, у нас в руках. Бергман обезврежен. Завтра утром мы проверим его правдивость. Но ночной сигнал, но смерть Витлинга, заявление Шеленберга, который явно старался завести нас в тупик. Связан ли этот тип с Бергманом или действует сам? Шеленберг исчез. В сторожке не нашли ни одной его вещи. Видимо, в лесу за вами следил вчера именно он и, догадавшись, что фрау Лерхе сообщила вам, из какого источника получила сведения, счел за лучшее скрыться. Запугивая ее, он чего-то не учел.

— Влияния мужа,— сказал я.— Лерхе ненавидит Шеленберга. И, кажется, именно из-за жены.

— Ну, это область уж слишком деликатная, чтобы нам ее касаться,— проворчал майор, сбивая в пепельницу пепел.— А о Шеленберге я навел предварительные справки. Знают его здесь не особенно хорошо. Он был назначен только месяцев пять назад на место старого лесника, которого взяли в фольксштурм, откуда он не вернулся. Однако три года назад Шеленберг бывал в Мариендорфе в качестве чиновника по сбору налогов. Дополнительных сведений у вас о нем нет?

Я не успел ничего ответить, потому что в дверях показался дежурный сержант.

— Товарищ майор,— доложил он,— машина вернулась. Человека, за которым вы посылали, не нашли.

— Не нашли? — майор посмотрел на меня с удивлением. — Когда Герхардт должен был вернуться из города?

— Этого я не знаю. По-моему, у него какое-то дело к Гофману.

Майор положил руку на трубку телефона и обратился к сержанту.

— Его нет и в Мариендорфе?

— Так точно, товарищ майор, его там не было со вчерашнего дня.

Майор поднял трубку и позвонил Гофману. Гофман сообщил, что Герхардт был эту ночь у него и ушел в имение еще на рассвете. По его словам, он рассчитывал доехать до развилки на попутной машине или телеге, а оттуда дойти уже пешком.

— По-видимому, он так и сделал,— сказал я.— Когда мы проезжали утром мимо аллеи, мне показалось, что он шел по направлению к имению.

— Странно, куда же он в таком случае мог запропасться? — Воронцов посмотрел на часы. — Ну хорошо, с этим мы разберемся сами. А вам пора ехать прощупать Штейнбока. Заезжайте прямо в комендатуру Вайсзее, а оттуда вместе с комендантом поедете в гости, кстати, комендант и сам собирался сделать это сегодня...

Дорога на Вайсзее ответвлялась от шоссе не больше чем на километр.

Вскоре показалось селение. Оно раскинулось вокруг крохотного живописного озера, заросшего сосновым лесом. Селение было вполне городского типа, с прямыми линиями улиц, кирпичными домами под высокими черепичными крышами.

Комендатура находилась недалеко от озера, рядом с кинотеатром.

Я вошел в небольшое здание комендатуры.

Дежурный сержант сообщил мне, что комната коменданта третья по коридору.

Коридор был совершенно пуст. Третья дверь оказалась полуоткрытой, и я увидел самого коменданта. Такие случаи бывают в жизни, но, наверное, крайне редко. Нужно было три года колесить по дорогам войны, попасть на работу в комендатуру, нужно было случиться несчастьем с Витлингом, для того чтобы после четырех

лет разлуки я смог встретиться с человеком, который находился сейчас по ту сторону дверей. Никакого сомнения быть не могло — за комендантским столом, в комендантском кресле сидел Володя Крайнев — один из моих самых близких студенческих друзей. Он нисколько не изменился за годы нашей разлуки. Его круглое розовое лицо и ясные голубые глаза дышали, как всегда, великим оптимизмом и жизнерадостностью. Только сейчас, разговаривая с сидящей напротив него пожилой женщиной в черном, он напускал на себя известную долю солидности.

Но зато куда она делась, эта солидность, когда он увидел меня. Его выбросило из-за стола, словно из катapultы. Я не успел сделать и двух шагов от двери, как очутился в его объятиях. Бедная немка, кажется, не на шутку перепугалась. Обнявшись, мы стояли в центре комнаты, уподобившись каменным изваяниям, и этим еще более сбивали с толку посетительницу.

— Нет, просто здорово,— сказал Крайнев, хлопая меня по плечу, когда мы, наконец, оторвались друг от друга.— Как ты меня нашел?

— Об этом потом.— Я показал ему глазами на сидящую в кресле женщину.— Ведь ты не закончил еще свои дела.

— Ах да, чуть не забыл,— он вернулся к столу.— Фрау Кранц, я все понял. Насколько это возможно, мы вам поможем.

Когда мы остались одни, он снова с восхищением хлопнул меня по плечу.

— Нет, как это здорово, что ты меня отыскал. Ну где ты, как? — Крайнев забросал меня вопросами.— Садись и давай рассказывай. Или нет, вот что, лучше пойдем ко мне.

— Подожди,— улыбнулся я, садясь в кресло.— Ты, как всегда, решаешь все в слишком стремительном темпе. Где комендант капитан Черкашин?

— Он болен. Меня прислали на его место. Уже неделю, как я копаюсь во всех местных дрязгах.— Он вдруг помрачнел.— Ах, черт возьми, чуть не забыл, ведь пойти сейчас домой не удастся. Должны приехать из соседней комендатуры. Но, по-моему, они запаздывают и, пожалуй, уже не приедут...

— Приедут,— убежденно сказал я,— и даже уже приехали.

Я встал и представился ему по форме.

Он по своей старой привычке чуть присвистнул.

— Так вот чем я обязан столь радостной встрече! Тебе нужен этот Штейнбок. Был у него третьего дня. Должен тебе сразу сказать, тип, по-моему, скользкий. Рассыпается бисером, а в глазах прыгают этикие, знаешь, людоедские искорки. Как и все прочие из его братии, не знает еще, на что можно рассчитывать, и поэтому сдерживается. А вот когда земельная реформа станет реальностью, тогда уж держи ухо востро. Не знаю, как ты, а я за неделю устал. На войне было все куда проще. Не могу свыкнуться с новой обстановкой. Есть здесь батраки, которым скажи только, что у помещика надо бы отрезать и передать таким, как он, немного земли, и они в ужасе шарахаются. Не полагается! А что этот сукин сын десятки лет эксплуатировал все его поколение — это полагается. И вообще, работа не по мне. Подаю рапорт с просьбой заменить меня.

В ответ на тираду я рассмеялся. Горячий характер Крайнева мне был хорошо известен, но самым положительным в этом не совсем положительном качестве было то, что горячился он только на словах.

— Никакого рапорта ты не подашь, Володя. А на немцев нападаешь зря — от груза прошлого освободиться не так-то легко. Брось брюзжать и расскажи подробнее о Штейнбоке.

— Что Штейнбок, — с досадой постучал о папиросную коробку мундштуком Крайнев, — таких, как он, в округе немало. Земли у него гектаров около пятидесяти. Усадьба не особенно большая, батраков человек десять постоянных, живут с семьями. Отзываются о нем как-то неопределенно. «Строг, но зря не обижает». Попробуй разберись, что это значит. Ну что тебе еще сказать? Описать внешность — ты его увидишь сам. Вот тут у меня некоторые данные, заимствованные из ландбуха. Семья — он и дочь. По-видимому, не замужем — фамилию носит отца. У него еще два сына — пропали без вести. По слухам, имеет где-то дом, но где именно, пока не проверил. Во всяком случае, недалеко отсюда. Вот, собственно, и все.

— А тебе неизвестно, какие дела могли связывать этого Штейнбока с управляющим имением Грюнберг?

— Ты слишком много от меня хочешь. Я ведь здесь всего неделю. Можно было кое-что узнать от лейтенанта

Яковлева, он ведет сельскохозяйственные дела в комендатуре, но он выехал встречать свою семью. Знакомиться мне приходится не только с одним Штейнбоком. Помещики да управляющие связаны между собой — это же вполне естественно. Так сказать, внутренние экономические связи капитализма. — Крайнев прикурил папиросу от вспыхнувшей зажигалки и, прищурившись, посмотрел на меня. — А с вашим Витлингом получилось действительно очень некстати.

— Разговоры?

— Вот именно. Особенно в бывших власть имущих кругах. Дескать, честный, порядочный человек, враг нацизма — и тот не выдержал. Фашизм выдерживал, а тут вот, пожалуйста. Конечно, так вслух это не высказывают, говорят больше с сожалением, вздыхают, жалко, мол, человека. Но смысл каждому ясен. У вас-то имеются хотя бы какие-нибудь данные, объясняющие его поступок?

— Данные? Как тебе сказать... Их слишком много, чтобы поверить в самоубийство, и слишком мало, чтобы доказать обратное. Может быть, после встречи с Штейнбоком кое-что и прибавится. Давай отправляться не теряя времени. Машину можешь не брать, моя стоит внизу.

Крайнев встал и, бросив папиросу в пепельницу, покачал головой.

— Подожди. Насколько я понимаю, твое знакомство со Штейнбоком не должно вызвать подозрения последнего. В таком случае машина лучше будет моя. Эта старая лиса уже наверняка запомнила ее. Новая машина и новое лицо может заставить его насторожиться...

Я улыбнулся. Вот теперь со мной разговаривал настоящий Володя Крайнев — спокойный, уравновешенный, умеющий взвешивать все мелочи.

— Правильно. Только шофер пусть будет мой. — Я остановился в дверях. — Ну, а как в отношении рапорта?

— Рапорта? — он с недоумением посмотрел на меня, а потом подтолкнул кулаком в спину. — Напишу непременно. Мы подадим его с тобою вместе, когда окончательно устанем от всех этих дел.

ИМЕНИЕ ВАЙСБАХ

Имение Вайсбах оказалось довольно большим мрачным двухэтажным домом, обнесенным невысокой каменной стеной. Если в Грюнберге господствовало смешение различных стилей, то в этой тяжелой глыбе нельзя было отыскать признаков никакой определенной архитектуры. Сотни полторы лет ему, наверно, было, и если в те времена кубизм уже был известен, то хозяин находился в числе его сторонников.

Мы добрались до имения самым кратчайшим путем — через лес. В этом нам помог случайно попавшийся на дороге попутчик. Человек шагал по шоссе, держа в руке пиджак, голову его прикрывала старая порыжевшая шляпа.

— Куда? — коротко спросил у него Крайнев, притормозив машину.

— Вайсбах, — так же коротко ответил тот. Голос у него был хрипловатым и как будто даже недоброжелательным. Еще издали я его принял за сельскохозяйственного рабочего, теперь, когда он сел рядом, мое предположение стало уверенностью.

Обожженное солнцем, пересеченное глубокими морщинами лицо, большие натруженные руки лучше всего сказали об этом. Было ему около пятидесяти.

— На работу? — снова спросил Крайнев.

— Да вот, думаю пристроиться. Что-то же делать надо.

Он чувствовал себя в машине немного неловко, смотрел куда-то в сторону и вообще, как мне показалось, предпочел бы идти пешком.

— А почему именно к Штейнбоку?

— Да как вам сказать, по старой памяти. До войны приходилось прикладывать руки к его земле, пока не мобилизовали...

— А какой он, этот Штейнбок?

Неловкость как будто стала оставлять нашего пассажира. Он с любопытством посмотрел на Крайнева, его обветренные губы тронула чуть заметная улыбка.

— Как вам сказать? Такой, как все.

— Строгий, но справедливый?

— Вот-вот, — закивал головой тот, неожиданно широко улыбнувшись. — Или, как это у вас говорится, — что хрен, что редька. Так?

Мы рассмеялись.

— Это уже не совсем так: у нас говорят — хрен редьки не слаще. Земли нет?

Лицо его вдруг снова стало хмурым. Он посмотрел на свою шляпу с таким видом, словно этот вопрос исходил от нее.

— Нет, почему, земля есть. Вон она. Только моя не здесь, получать ее надо было где-то там, на Востоке. Так нам всегда говорили...

— И получили?

Он усмехнулся.

— Кое-кто получил. Метра по два. А другим и того меньше досталось.

— Ну и что же теперь? — нарушил я короткую паузу.

— Попробуем найти что-нибудь поближе. А кому надо подальше — пусть добывают сами. Я всем этим сыт по горло. Это так же верно, как и то, что меня зовут Пауль Ринге и что я с самого детства работаю на других. Спасибо вам, что довели. Пожалуйста, остановитесь вот здесь, у поворота.

— Разве вы не в самое имение?

— Зайду к брату. Он здесь работал всю войну. Узнаю, что и как...

Прежде чем Ринге сошел на дорогу, я спросил его:

— Ну, а как же с землей, Ринге, а?

Он бросил на меня изучающий взгляд.

— Да вот, говорят, готовится реформа...

— А если ее не будет? Тогда все по-старому?

Ринге отвел от меня взор и, нахмурясь, посмотрел на свои руки.

— Тогда ее нужно будет сделать самим. Вот этими самыми руками. Я так думаю.

Он повернулся и зашагал в сторону от шоссе, через реденький лесок, за которым можно было различить небольшое приземистое, похожее на барак, здание.

Повернув налево, мы увидели имение Вайсбах.

— Ну вот тебе, к примеру, уже один Пауль, который не только не скажет «не полагается», но и сам готов потребовать, — обратился я к Крайневу.

Тот лукаво улыбнулся.

— Знаю и вижу. Только, понимаешь, мне просто не терпится, чтобы таких Паулей было побольше. Однако смотри, похоже, мы попали в этот Вайсбах в самую сие-сту. Нигде ни одного человека.

Действительно, обширный двор имения был совершенно пуст.

Странное безлюдье имения удивило нас. Но тут двери гаража распахнулись, и из них вышел небольшого роста человек в замасленном комбинезоне. Вытирая тряпкой руки, чуть прихрамывая, он направился к нам.

— Нам нужен хозяин,— Крайнев кивнул головой на дом.— У вас есть масло? Немного смазочного масла для машины.

— Масло? Есть. А хозяин уехал осматривать поля. Госпожа у себя.

Я поднял голову и увидел в одном из окон второго этажа женскую фигуру. Похоже, что она наблюдала за нами. Перехватив мой взгляд, женщина стремительно исчезла. Но ее белый чепец показался в дверях, прежде чем мы подошли к ним.

Ей было немногим меньше сорока, но сохранилась она отлично. Что-то в ее одеянии показалось мне театральным. Как-то не вязалось холеное, привыкшее повелевать лицо с подчеркнута демократическим костюмом служанки — скромным сереньким платьем под темным передником.

Она улыбнулась нам, улыбнулась так радостно и непринужденно, словно ждала нашего приезда.

— Ах, герр комендант,— почти пропела она,— как я рада. Заходите, заходите, пожалуйста. Отца нет дома, но ведь для гостей главное, что дома хозяйка. Не правда ли?

— Вы ошиблись только наполовину. Мы попали к вам в гости, но совершенно случайно. У нас кончилось масло. Если вы одолжите... Надеюсь, у вас оно есть?

— О, наверное. Я сейчас дам указание Гансу и...

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Шоферы в этом отношении договорятся быстрее нас. Ну, а уж раз мы все-таки заехали, я хотел бы выяснить, как обстоит дело с устройством переселенцев. Да, прошу прощения. Мой друг.— Крайнев представил меня, не упомянув, конечно, моей должности.

Фрау Штейнбок церемонно присела.

— Прошу в дом. Отец задержится недолго. В отношении беженцев можете не беспокоиться, герр комендант. Мы уже сделали все возможное. Ведь мы же понимаем, как теперь тяжело людям. Хотя наша семья так много потеряла на этой несчастной войне, нам нужно

тоже внести свою долю в общее дело. Свой второй дом мы передали в распоряжение бедствующих семей. Они уже там разместились.

— У вас есть еще один дом? — равнодушно спросил Крайнев.

— О, совсем небольшой. Это недалеко от Нейштадта. Отец приобрел его совсем случайно незадолго перед войной. Вернее, его навязали ему власти. Он был у кого-то конфискован. А казне всегда нужны деньги, и отца заставили заплатить. Мы так рады, что теперь он будет служить на пользу нашему народу.

Она говорила все это на ходу, ведя нас в дом, и последние слова произнесла уже в обширном мрачном зале, плохо освещенном высокими узкими окнами.

Из этого зала на меня пахло средневековьем. Огромный, размером в хорошие ворота, камин с чугунной решеткой, огромный грубый стол посередине зала, тяжелые балки под потолком. Здесь все было настолько лишено привычных пропорций, все настолько увеличено в размерах, что обычная полочка с книгами, стоявшая в углу, и маленький столик у дверей казались игрушечными, попавшими сюда случайно. Ко мне пришло неприятное ощущение, словно я сам сжался, стал каким-то маленьким, бессильным. Наверное, эту цель — внушить такие же ощущения стоявшему в зале перед окном владельца, и преследовали его строители.

Мой интерес к окружающему не скрылся от взора хозяйки.

— Господина обер-лейтенанта интересует дом? О да, это очень старинное здание. Ему почти четыреста лет. Наверху мы кое-что перестроили на современный лад, а внизу все осталось без изменений, — она вздохнула. — На все нужны деньги, столько денег. А у нас дела никогда не были особенно хороши.

«Что не помешало вам, однако, приобрести «навязанный» дом», — подумал я про себя.

Она словно угадала мою мысль.

— Если бы не эта несчастная покупка, мы, может быть, и смогли бы что-то здесь перестроить. Но мы несколько не жалеем, ведь она пошла на общее благо, не правда ли? Теперь, говорят, там будет коллективное хозяйство, как это произносится, — коммуна, да?

— Там будет то, что захотят его новые хозяева, — сказал я.

— О, что вы! — испуганно воскликнула она. — Разве я осуждаю? Если это на пользу...

— Им, безусловно, на пользу, — чуть иронически вставил Крайнев. — Кстати, фрау Штейнбок, вы, конечно, имели деловые отношения с соседними помещиками. Не можете ли вы сказать, с кем именно и в чем они выражались? Нам хотелось бы восстановить картину экономических связей района. Или, может быть, это сумеет сделать только ваш отец?

На этот раз фрау Штейнбок улыбнулась уверенной, спокойной улыбкой.

— Мой отец очень аккуратный человек, — она подошла к полочке и сняла с нее большую книгу в темном переплете. — Его вполне может заменить вот эта книга. Здесь вы найдете все наши взаимные расчеты за последние два года.

— И до последнего дня?

— Последнюю запись отец сделал сегодня утром, — она положила книгу перед нами на стол. — Вы разрешите мне угостить вас кофе?

— Спасибо, — Крайнев раскрыл книгу. — Как-нибудь в другой раз. У нас совсем немного времени.

— В таком случае разрешите мне оставить вас на несколько минут. Я только дам кое-какие распоряжения по хозяйству.

Она снова очень мило улыбнулась и исчезла в узкой двери.

Крайнев подвинул ко мне открытую книгу и сумрачно посмотрел на ее разлинованные, исписанные крупным почерком страницы.

— Нет, ты скажи, подозревал ли ты когда-нибудь, что будешь интересоваться дебетом-кредитом настоящего помещика? Честное слово, у меня такое чувство, словно меня кто-то схватил и перетащил на эпоху назад, нечто вроде ощущения «янки при дворе короля Артура». Не хватает здесь еще подъемного моста и звука трубы на башнях. Или вот сейчас откроется где-нибудь в стенах дверь, и выпрыгнет прямо на нас шут с погремушками и бубенчиками...

Он вдруг осекся и посмотрел в дальний угол зала.

— Черт, — услышал я его растерянный шепот, — не доставало еще, чтобы я стал предсказателем.

Я проследил за его взглядом и невольно вздрогнул. Из небольшой двери, которую сразу было трудно заме-

тить, по идущим от нее вниз ступенькам спускалось какое-то странное существо. Полумрак не давал рассмотреть его отчетливо. Наконец, когда оно спустилось со ступенек и проковыляло до противоположной стороны стола, мы разобрали, что по направлению к нам двигался, опираясь на палку, небольшого роста, согнутый почти под прямым углом человек. В одной руке у него была палка, но вот что за предмет находился в другой? Похоже, что он держал у рта рог и собирался трубить, как это только что предсказывал Крайнев.

Шаркая подошвами по каменному полу и постукивая палкой, он очень медленно приближался.

В полосе света, падающего из окна, он наконец остановился.

Перед нами был древний старик со сморщенным маленьким бесцветным и безволосым лицом. То, что казалось на расстоянии рогом, готовым затрубить, оказалось слуховой трубой, не уступающей, наверное, в возрасте самому хозяину. На сморщенной коже лица злыми угольками горели два маленьких глаза. Они смотрели на нас не мигая, в упор. Старик вдруг захихикал и, не выпуская из рук палки, поманил нас скрюченным пальцем. Несмотря на то, что мы не двинулись с места, он заговорил свистящим шепотом, проглатывая звуки, а иногда и целые слова.

— Опять сначала. Вздор... все вздор. Это могли мы. Седан, Версаль, Империя... Железо и кровь... Кровь по колено.— Он даже сделал попытку гордо выпрямиться, но у него ничего не получилось.— Нужен император, шута и кривляку на свалку. А потом снова в поход... На Восток, на Запад. Солдаты, миллионы солдат... А «оборотни» — это блеф, миф...

— Клаус!! — Это кричала фрау Штейнбок. Она стояла в дверях, и лицо ее выражало ужас. В ту же минуту она стремительно бросилась к старику и схватила его за руку.— Боже мой, Клаус, зачем ты здесь? Ты хочешь себя убить. Ведь тебе же совсем нельзя двигаться.— Она повернула к нам свое бледное, но уже немного успокоившееся лицо.

— Ради бога, простите и не обращайтесь на него внимания. Это мой дед. Ему девяносто восемь лет, и он уже давно не в своем уме. Всегда говорит непонятные глупости. Простите, я только отведу его в комнату.

Она довольно бесцеремонно потянула старика за со-

бой, и тот, бормоча что-то себе под нос, послушно потащился за ней.

— Как ты думаешь, что будет дальше? — тихо спросил Крайнев, наблюдая за тем, как фрау Штейнбок и ее дед исчезали в маленькой двери. — Явится сюда тень Бисмарка или из какой-нибудь щели вылезет сам Фридрих Второй со своей напудренной гвардией? Честное слово, я особенно не удивлюсь ни тому, ни другому. Однако это говорящее видение не на шутку перепугало нашу уважаемую хозяйку. Если то, что говорил старик, сумасшествие, то таких сумасшедших до недавнего времени было здесь довольно много.

Я молчал. Только что происшедшая сцена произвела на меня довольно неприятное впечатление. Старик был не в своем уме, это не вызывало сомнения, но в словах его проступал отчетливый смысл. «Оборотни»? Почему он заговорил об этой тайной организации, на которую фашистские вожаки возлагали последние надежды. Эта мысль отодвинула от меня другие, то, зачем, собственно, я сюда и приехал. Тем более, что в лежащей передо мной на столе книге никаких деловых отношений между Витлингом и хозяином имения Вайсбах я не обнаружил. Посещение Витлингом имения утром перед самоубийством носило какой-то другой, совсем не хозяйственный характер.

Фрау Штейнбок вернулась. Лицо ее теперь было совсем спокойным.

— Какое нелепое происшествие. В нынешние времена мы даже не можем приставить к дедушке человека. Иногда он ставит нас в страшно неловкое положение. — Она испытующе посмотрела на нас. — Надеюсь, он вас ничем не оскорбил?

— О нет, что вы, — любезно ответил Крайнев. — Напротив, очень милый, приятный старик, вы напрасно его так быстро выпроводили.

— Ах, вы не знаете, сколько он нам причиняет беспокойства. Старость — это такая трудная вещь. Я понимаю, ее никому не избежать, но нам очень, очень с ним тяжело.

Хозяйка улыбнулась и посмотрела на книгу, которую я уже закрыл, но все еще держал в руках.

— Вы хотите ее взять с собой?

— О нет! Мы имеем уже некоторое представление о ваших хозяйственных связях. Больше она нам не нужна.

— В таком случае, окажите мне любезность и поставьте ее, пожалуйста, на ту полочку, что стоит рядом с вами.

Фрау Штейнбок явно начинала кокетничать, стараясь окончательно стереть следы неприятного происшествия.

Пока я подходил к полочке, Крайнев спросил у хозяйки, как лучше добраться к месту, где размещены переселенцы. Она отвечала очень подробно, не забывая при этом сообщить имена переселенцев и упомянуть о материальной помощи, которая им была оказана.

Прислушиваясь к разговору, я положил книгу на ее прежнее место и машинально взял первую из стоявших на верхней полке книг. Это было прекрасное издание «Фауста» Гете, заключенное в коленкоровый переплет. Оно меня сразу заинтересовало.

— Фрау Штейнбок,— сказал я, когда она закончила свои объяснения,— мне давно хотелось ознакомиться с «Фаустом» в подлиннике. Вы разрешите поддержать его у себя несколько дней?

Насколько можно было заметить, эта просьба совсем не огорчила ее. Больше того, она, кажется, была довольна, что наконец отделяется от нас.

— О, я очень рада, что наш великий поэт нашел в вас своего почитателя. Можете держать книгу сколько вам угодно. Передадите ее через господина капитана,— она очаровательно улыбнулась.— Он ведь у нас теперь частый гость...

Мы поблагодарили хозяйку и направились к машине. Накрапывал легкий дождь, и пришлось подождать, пока Селин поднимет тент.

Выезжая из ворот, мы увидели фрау Штейнбок, возившуюся около прикрытой брезентом молотилки. На ее плечи был наброшен просторный, песочного цвета мужской плащ. Она старательно вытирала запачкавшийся смазочным маслом рукав и, встретившись с нами взглядом, беспомощно улыбнулась. Эта улыбка должна была означать — вот видите, мне все приходится делать самой, а я ведь только слабая женщина.

— Жаль, что Штейнбока тебе не удалось увидеть,— заметил Крайнев, когда имение осталось позади.

— Не жалею. Думаю, что сделать это еще придется.

— Но помещичий дебет-кредит кое о чем тебе рассказал?

— Рассказал. Только,— я похлопал ладонью по книжке,— Гете сделал это значительно лучше. Потом я тебе все объясню. Смотри.

Я раскрыл переплет. На внутренней его стороне отчетливо выделялся продолговатый четырехугольник. Точно такой же, какие я обнаружил на некоторых книгах в библиотеке Грюнберга.

Крайнев бросил на книгу внимательный взгляд и, хотя, конечно, ничего не понял, кивнул головой.

— Могу добавить тебе о Штейнбоках еще одно. Пока они ведут себя по отношению к нам более чем лояльно. Любое распоряжение комендатуры выполняется молниеносно, а порою и предугадывается. Не знаю, как покажется тебе, но, по-моему, это обстоятельствостораживающее. Если настоящего своего лица они не покажут и после земельной реформы, значит, копать надо значительно глубже. Я-то уверен, что и у дочки и у отца закладка та же, что и у их древнего предка со слуховой трубкой.— Он вдруг расхохотался и откинулся на спинку сиденья.— Нет, серьезно, в каком музее они раскопали для него эту редкость? Знаешь, по-моему, точно такую же я видел в Малом в «Горе от ума» у князя Тугоуховского.

Когда машина перебралась через прозрачный ручеек, Крайнев подтолкнул меня локтем.

— Смотри.

На вершине холма в просветах редких сосен вырисовывалось несколько человеческих фигур. Среди них четко выделялась одна в знакомой потрепанной шляпе. Все они приветливо махали нам руками.

— Ринге,— Крайнев поднял руку.— Собирает друзей.— Он снова откинулся на спинку и посмотрел на меня.— А что, может быть, и вправду в Германии еще не перевелись настоящие парни. А?

С Крайневым мы расстались в Вайсзее. Он обещал держать нас в курсе всего, что могло произойти в Вайсбахе, и заглянуть к нам в ближайшее время для согласования действий.

Дома меня ждала неожиданность. Не успел я спрыгнуть с остановившейся у комендатуры машины, как вышедший из дверей комендатуры лейтенант Меркулов сообщил мне, что майор находится в госпитале и просил меня немедленно идти туда.

— Что-нибудь случилось?— спросил я с тревогой.

— Час назад привезли Герхардта в довольно тяжелом состоянии. Упал, кажется, с какого-то обрыва и сильно расшибся. Впрочем, вы сами все узнаете.

Госпиталь, как мы громко называли свою санитарную часть, находился в кварталах в двух от комендатуры. Он занимал нижний этаж небольшого двухэтажного дома. В первой же его комнате я нашел Воронцова и капитана медицинской службы Бушуева.

Спустя несколько минут я уже знал все.

После моего отъезда майор еще раз послал машину за Герхардтом. Но его снова не нашли ни в имении, ни в Мариендорфе. Тогда, вспомнив, что я видел Герхардта в районе липовой аллеи, майор направил поиски в это место. В них принял участие и встревоженный Лерхе. И оказалось, что зрение не обмануло меня. Герхардта нашли там, на дне пятиметрового обрыва, куда он каким-то образом свалился. Он был без сознания. Сейчас оно хотя и вернулось к нему, но говорить он еще не мог. Бушуев определил сотрясение мозга, но, по его мнению, опасности большой не было, если бы не возраст.

Каким образом все это случилось, выяснить было нельзя. Бушуев категорически запретил разговоры с больным.

Место, где произошло несчастье, я представлял довольно отчетливо. Обрыв этот находился правее аллеи. Именно с него и открывался вид на потонувшие в зелени черепичные крыши Мариендорфа. По краю обрыва шла узенькая тропинка, которая, спускаясь вниз, пересекала небольшой ручеек и вела прямо в парк Грюнберга. Очевидно, сокращая дорогу, Герхардт пошел по этой тропинке и, оступившись, упал вниз. К счастью, на склоне обрыва рос кустарник. Падая, он зацепился за него. Это прибавило на его теле несколько лишних царапин и ссадин, но зато значительно ослабило силу падения, а может быть, и спасло жизнь.

Случай с Герхардтом наносил нам тяжелый удар. Мы теряли в Грюнберге единственного человека, которому могли доверять. Шмидт, особенно после подозрительного поведения его жены, ни в какой мере не мог заменить нам Герхардта.

Хотя картины и были найдены, главная загадка Грюнберга — смерть Витлинга оставалась неразгаданной. Больше того, за ней всплывали неясные контуры какой-то новой загадки. Туманными видениями они под-

нимались с латинской надписи на одном из рисунков Грюневальда, с корешков книг, к которым добавилась еще одна, обнаруженная мною сегодня в имени Штейнбока. Какие нити связывали имена Грюнберг и Вайсбах? Может быть, смерть управляющего и не была связана с копией картины Дюрера, может быть, у Витлинга была какая-то своя тайна, которую знал Штейнбок и которую он пригрозил выдать?

Можно было бы, конечно, сегодня же допросить Штейнбока. Но чего бы мы добились? Он мог найти десятки объяснений для посещения его Витлингом. Ничего не получив, мы только заставим его насторожиться и без пользы откроем свои карты. Лучше всего не опережать события. Пока можно было установить только один факт — лгал ли Бергман или говорил правду, и, в последнем случае, захватить человека, который послал его на поиски картины.

КАРЛОС МУРИЛЬО

Насыщенный столькими происшествиями день подходил к концу, когда мы с Селиным свернули с шоссе на аллею, ведущую в Грюнберг. Было немногим больше шести часов, и, хотя солнце еще ярко освещало зеленые вершины, легкие тени уже начинали густеть в глубоких провалах долин. Наш вездеход медленно въехал на шуршащую гальку и остановился. Отсюда начиналась тропинка, идущая напрямик в парк Грюнберга. Я спрыгнул на землю и пошел по тропинке. Мне все-таки хотелось увидеть своими глазами место происшествия с Герхардтом. Стена лип осталась позади, несколько десятков шагов — и справа обрыв. Внизу — крутая песчаная стена с пучками укреплявших ее кустов. Вот наконец место происшествия — на полметра тропинка исчезает и на ее месте — глубокий провал. Я остановился и нагнулся ниже. Внизу валялись куски дерна, покрытые осыпавшимся от падения тела песком.

Я вернулся к машине. Во дворе имения нас встретил Шмидт. Чувствовалось, что он ожидал нашего приезда: всегда спокойное его лицо на этот раз было растерянным.

— Герр обер-лейтенант, — сказал он, подойдя ко мне и неловко теребя по своему обыкновению фартук, — это правда, что с Герхардтом случилось несчастье?

— Откуда вы об этом знаете? — спросил я, остановившись на ступеньках.

— Жена только что вернулась из Мариендорфа, и там об этом только и говорят. Лиззи так переживает.

— К сожалению, это так, Шмидт. Он оступился и упал с обрыва. Будем надеяться, что все обойдется благополучно, хотя его состояние и внушает опасения.

— Я мог бы его навестить?

— Боюсь, что в ближайшее время это невозможно: он все еще без сознания.

— Как? — испуганно прошептал Шмидт. — Неужели ему так плохо?

— Дней через пять-шесть, может быть, вам и удастся увидеть его. А пока потерпите.

Шмидт сокрушенно покачал головой и, бормоча что-то под нос, двинулся по направлению к флигельку.

Вечером я, как обычно, закрыл наглухо шторы на окнах и зажег настольный свет. Теперь можно было не сомневаться, что взятый мною у Штейнбоков «Фауст» и обнаруженные здесь на полках книги принадлежали когда-то одному и тому же владельцу. Больше того, «Фауст» оказался откровеннее других книг — черный четырехугольник на его обложке заштрихован был менее плотно, и под стеклом лупы можно было кое-что разглядеть. Первая буква оказалась латинским «P». Надпись состояла из трех слов, причем самым коротким было второе. К сожалению, другие заглавные буквы я разобрать не смог. Год издания книги был 1930.

Но пока я отложил все это в сторону. Завтрашнее утро могло принести много нового, и все сегодняшние мои труды, вполне возможно, окажутся напрасными...

Еще не было шести, когда я вышел из имения навстречу машине майора. Шмидты, по-видимому, еще спали. Кругом была тишина. Свежее ясное утро развеяло последние остатки сна. Ждать у шоссе пришлось недолго. Майор был в машине один. Он передал мне управление. В ясном прохладном воздухе невысокие горы, теснившие нас со всех сторон, казались чистыми, словно омытые дождем. Косые лучи солнца били нам в спину, и дорога, убегающая вперед в розоватых от зари стволах сосен, была отчетливо видна до самого горизонта. Через четверть часа горы расступились, и перед нами предстала равнина, покрытая кое-где лесом.

— Сбавьте немного ход, — сказал майор, внима-

тельно всматривавшийся вперед,— как бы нам не проскочить мимо.

Я переключил газ, и мы поехали тише.

— Интересно, что из себя представляет этот тип? — спросил я, все так же не отрывая глаз от дороги.

— По всей вероятности, это один из тех мародеров, которые появляются обычно на поле битвы после того, как она уже закончена. Посмотрите, вон там, в конце дороги, не тот ли дом, который нам нужен? Возьмите правее, не то нас заметят раньше времени.

— А вот и сама машина! — я крепче впился в руль.— Смотрите влево, у леска.

Нас отбросило к спинке сиденья, ветер, обдувавший стекло, сразу стал тугим и плотным: я дал полный газ.

Темно-синяя, спортивного типа машина стояла километрах в трех впереди, у самого края дороги. Около машины стоял человек. Он тоже заметил нас, взялся за дверцу машины, но потом остановился, не зная, вероятно, как поступить дальше.

Кусты, растущие вдоль дороги, превратились в сплошные зеленые ленты, прыгающая стрелка спидометра приближалась к цифре 90. Незнакомец оценил скорость, с которой мы шли, и понял, что включить мотор и сделать разворот у него не хватит времени. Тогда он быстро открыл капот и сделал вид, что копается в моторе. У машины я резко затормозил. Капот захлопнулся, и мы увидели смуглое лицо с тонкими усиками над верхней губой и зачесанными назад черными с синеватым отливом волосами.

— Здравствуйте,— притронулся к козырьку рукой майор.— Мотор отказал?

— Здравствуйте,— ответил незнакомец тоже по-немецки, но с таким мягким произношением, что я сейчас же определил его латинское происхождение.— Думал, что испортился, оказалось — ничего страшного.

— Майор Воронцов,— представился майор.— С кем имею честь говорить?

— Карлос Мурильо, корреспондент южноамериканской прессы.— Он вытер тряпкой руки и швырнул ее под колеса машины. — Извините, мне нужно ехать.

— Разрешите узнать куда?

— В Дрезден. Там штаб-квартира прессы.

— Но, судя по положению вашей машины, вы ехали из Дрездена.

— Я выехал на прогулку.

— Не слишком ли рано?

— Это не ваше дело,— вдруг вскипел южноамериканец. — Я представитель нейтральной прессы. У меня пропуск, подписанный представителями союзного командования, в том числе и вашим. Здесь нет военных объектов, и я имею право гулять, когда мне вздумается. Вот мои документы.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, не волнуйтесь,— майор открыл переданную ему книжечку. — Итак, значит, синьор Мурильо. Скажите, вы не потомок ли знаменитого художника или, может быть, имеете отношение к изобразительному искусству, к картинам, так сказать, с другой стороны?

— Не понимаю, о чем вы говорите? Какой художник, какие картины?

— Художник Мурильо, испанец, ваш однофамилец, а картины немецкие, ну, скажем, Дюрера. О нем-то вы, наверное, слышали?

— Прошу прекратить этот допрос! — запальчиво крикнул Мурильо. — Это неслыханное отношение к представителям прессы. Я буду жаловаться.

— Не знаю, будете вы жаловаться или нет, но я непременно поставлю в известность, кого надо, о вашем поведении. Жалею, что не могу вас задержать, основываясь только на показаниях Бергмана.

Майор протянул Мурильо его документы.

— Мне очень жаль, синьор Мурильо, что человек, носящий такое имя и являющийся представителем нации, которую мы уважаем, совершает поступки, уголовно наказуемые по законам любой страны. Вы можете сесть в машину. Я вас сейчас отпускаю. Мне хотелось бы сказать еще только два слова. Дело в том, что вам просто морочили голову. Никакой картины Дюрера у Ранка не имелось. Была только копия. Картины Дрезденской галереи найдены еще позавчера, и ни одна не будет потеряна для немецкого народа. А теперь прощайте, синьор Мурильо.

— Как вы думаете,— спросил я майора, когда мы возвращались обратно,— удалось бы Ранку выдать копию за подлинник?

— Вполне возможно,— задумчиво ответил майор, смотря куда-то в сторону,— ведь Мурильо, несмотря на свою фамилию, мало похож на искусствоведа. Да и, кроме того, он заплатил бы, конечно, значительно мень-

ше ее действительной стоимости, а на этих условиях стоило бы рискнуть. Для большего правдоподобия Ранк спрятал картину в горах, чтобы привести покупателя прямо на место. С военными акциями он прогорел, и деньги ему были нужны до зарезу. Что ж, и это тоже вполне правдоподобно.

Я посмотрел на Воронцова. Он говорил таким тоном, словно беседовал не со мной, а отвечал на свои собственные мысли. И вдруг он повернулся ко мне.

— Все-таки скажите мне вот что. Допустим, вы были бы сейчас на месте этого Мурильо. Больше месяца вы охотитесь за редчайшей картиной и вдруг внезапно узнаете, что это была копия. Неужели в это мгновение ваше лицо так ничего и не выразит? Заметили вы, что этот горячий южноамериканец остался слишком спокоен? Похоже, что это сообщение не было для него большой неожиданностью.

— Но если он знал, что подлинник уже найден, зачем же он все-таки приехал для встречи с Бергманом?

— Вот это-то я и хотел бы знать,— майор потер ладонью лоб.— И все-таки задержать его у нас не было никаких оснований. Да тут еще случай с Герхардтом. Пока он не придет в себя, предполагать можно все. Вы, конечно, уже осмотрели место происшествия?

Я кивнул головой.

— Ничего подозрительного я не заметил. Во всяком случае трудно предположить здесь умысел, направленный именно против Герхардта. Под тропинкой осыпался грунт, и она с таким же успехом могла обрушиться и подо мной, если бы я пользовался ею.

— Но вы ею не пользовались.

— Конечно, ведь в город я всегда выезжал на машине.

— А вы думаете, эти соображения не могли прийти в голову кому-нибудь другому?

— Вообще-то да. Но какой смысл этому другому избавляться от Герхардта с таким опозданием? Ведь все, что он знал, давно уже стало известно нам.

Воронцов покачал головой.

— Вы забываете о найденных картинах. Разве, кроме Герхардта, может еще кто-либо сказать, те ли они, что исчезли из Грюнберга.

Такое предположение, конечно, имело основание.

— Что ж, посмотрим, что скажет по этому поводу сам потерпевший,— задумчиво произнес майор.— Будем

надеяться, что оптимистические прогнозы Бушуева в отношении здоровья Герхардта оправдаются как можно быстрее.

У липовой аллеи я затормозил и снова передал управление Воронцову.

— Управались меньше чем за два часа,— сказал он, посмотрев на часы,— в Грюнберге никто, пожалуй, и не заметил вашего отсутствия.

— Кроме Шмидта. Он, наверное, давно уже около своих цветов.

Майор положил руку на руль.

— Кстати, как поживает фрау Шмидт?

Я пожал плечами:

— Не видел ее с того момента, как она сообщила мне о приходе племянницы Герхардта. По-моему, она значительно умнее своего мужа и могла бы кое-что рассказать о Витлинге, но молчит. Пока трудно сказать, с умыслом или просто из осторожности.

Воронцов на мгновение задумался, а потом кивнул.

— Ладно, желаю удачи. Но главное — рекомендую осторожность. Не задавайте этой женщине никаких вопросов. Делайте вид, что она вас не интересует.

Машина пропала за поворотом, а я зашагал по аллее к дому.

И на этот раз я не увидел во дворе ни Шмидта, ни его жены. Он был пустынен, как и два часа назад.

Селин находился в гараже и протирал тряпкой металлические части машины, на которых и так уже нельзя было отыскать ни одного пятнышка грязи.

— Как дела? — спросил я Селина.

— В порядке, товарищ старший лейтенант. Машина, как всегда, на полном ходу. Шмидт час назад попросил немного бензина для зажигалки, а сейчас опять, наверное, копается в саду. Трудолюбивый, надо сказать, человек.

— А фрау Шмидт?

— У себя. С полчаса назад звала мужа, наверное, пить кофе.

Селин подошел ко мне ближе, понизив голос, добавил:

— Может, мне показалось, товарищ старший лейтенант, не знаю...

— Что же вам показалось? — спросил я, тоже невольно понижая голос.

— Музыка...

— Музыка? Какая музыка, откуда?

— Этого я, товарищ старший лейтенант, сказать не могу. После вашего ухода я взял ведра и пошел к колодцу. Иду обратно. В лесу тишина, даже птицы не поют. Подхожу уже совсем близко к гаражу, только с другой стороны, и тут-то она и ударила мне в уши. Будто кто открыл двери в комнату и сразу закрыл.

— А может быть, и вправду показалось?— в раздумье спросил я.

— Может быть, и вправду,— серьезно ответил он. — Но только почему же я тогда запомнил мотив?

— Мотив? За такое короткое время? — удивился я.

— Так он же хорошо знакомый — «Широка страна моя родная».

— Вот как? И это было по ту сторону гаража? С какой стороны шел звук?

— Вот этого, товарищ старший лейтенант, я определить не смог. Справа от меня — стена гаража, прямо — флигель. Получилось такое отражение звука, что ничего не разберешь.

— Значит, возможно, звук шел и из флигеля?

— Может быть, и так. Был бы он немного дольше, я бы определил, откуда он...

— Так, ну ладно. Вы, конечно, еще не завтракали. Откройте пару банок консервов.

Пока Селин возился с банками, я подошел к открытым дверям гаража и посмотрел на флигелек, над которой поднималась вверх чуть заметная прозрачная струйка дыма. Вот и еще одна загадка. Я взял открытые Селиным банки и, оставив его накрывать «на стол», который заменил нам кусок фанеры, положенный на два ската, направился с консервами к флигельку. Окна за густым, покрывавшим всю стену плющом были приоткрыты. Узенькая, посыпанная желтым песком дорожка, опоясывавшая стену, привела меня к крылечку. За отдернутой кисейной занавеской стояла фрау Шмидт. Она нисколько не удивилась, увидев меня.

— Доброе утро,— поклонился я. — Вы разрешите на несколько минут воспользоваться вашей печкой? Если не ошибаюсь, из вашей трубы идет дым.

— О, пожалуйста, заходите. Правда, поленья уже догорают, но я подложу еще. Вам много огня и не надо, не правда ли?

Я кивнул головой.

— Только немного подогреть говядину, мы, солдаты,— народ не особенно требовательный.

— Вам, наверное, страшно надоела эта,— она, по-видимому, хотела добавить «гадость», но остановилась,— эта сухомятка. У нас с Францем осталось с десятка кур, я могу вам дать несколько яиц.

— Спасибо,— я поставил банки на печку,— как-нибудь в другой раз. Сейчас мы уже настроились на консервы. Вы живете в этих двух комнатках?

— В трех,— она открыла еще одну дверь, и я увидел небольшую комнатку. В ней стояли стол, два стула и аккуратный шкафчик. — Здесь жил раньше Герхардт, теперь это наша столовая.

Обстановка всех трех комнат была самая обычная, какую мне приходилось видеть по ту сторону границы. Аккуратные вышивки на стенах, герань на подоконниках, многочисленные статуэтки мейсенского фарфора: балерины, музыканты, пастушки,— но ни одного музыкального инструмента я не заметил.

— Вам, наверное, очень скучно здесь жить, фрау Шмидт? — спросил я.

— Я уже привыкла. Втянулась в хозяйство, так вот и живем.

— И все-таки никакого развлечения — ни книг, ни музыки. Неужели вы не имеете даже патефона?

— Что вы,— она улыбнулась. — Разве Франц когда-либо подумал об этом? Ему нужны только цветы... А знаете, я давно хотела вам сказать: для русского вы очень хорошо говорите по-немецки.

— Это, наверное, потому, что я почти что учитель немецкого языка, фрау Шмидт. Вот вернусь домой, закончу институт и приступлю к своим мирным обязанностям,— я осторожно снял подогревшиеся банки специально захваченной для этого газетой. — Спасибо. Вы напрасно подкладывали дрова, и так уже все готово.

— Вы могли бы разогреть их и больше,— она посмотрела на банки, и вдруг в углах ее рта легла ироническая складка. — У нас офицеры обычно таким делом не занимались. Странные все-таки вы, русские люди.

— У нас все значительно проще. И, наверное, это не так уж плохо. А что наши солдаты и офицеры знают и свои прямые обязанности, об этом говорит хотя бы то, что мы здесь...

— О, я не хотела вас обидеть,— поспешно произнесла она.

— Вы меня и не обидели. Мы просто обменялись мнениями. Еще раз спасибо, фрау Шмидт.

Во время еды мы с Селиным снова вернулись к его предположениям. И чем больше мы об этом говорили, тем тверже становился Селин в своем убеждении, что музыка ему не слышалась.

Закончив завтрак, я вошел в дом. В вестибюле было прохладно и тихо. Только где-то высоко под потолком звенела заблудившаяся пчела. Я сел в стоявшее у лестницы кресло и закурил. Мысли мои вернулись к смерти Витлинга. Вернее, к тем предположениям, которые прервала позавчера в спальне управляющего своим появлением фрау Шмидт. Витлинг мог быть убит выстрелом из открытого окна. Но выстрел был сделан почти в упор. Значит, все дело в том, каким образом стрелявший преодолел расстояние, отделяющее окно от кровати.

Вот задача, которую нужно было решить прежде всего.

Потушив папиросу, я встал и закрыл на задвижку входную дверь. После позавчерашнего происшествия такая предосторожность казалась мне совсем не лишней. И только после этого вынул ключ и повернул его в замке комнаты управляющего. Дверь с легким скрипом открылась. Я задержался у порога. Вот тут мы и остановились с майором в воскресное утро, войдя впервые в эту комнату. Витлинг лежал на кровати, рука его свисала до самого пола. Рубиновые немигающие глаза совы в упор смотрели на нас. Признаться, мне тогда стало не по себе от этого взгляда, словно передо мной было живое существо. Майор подошел к тумбочке и выдернул штепсель, и в этот момент левой ногой задел пистолет.левой ногой, той, что ближе к кровати,— это осталось у меня в памяти.

Опустившись на пол, я снова занялся исследованием.

Вот то место, где лежал пистолет, а вот под выпуклой линзой и едва заметная царапина — след на паркете от проскользившего по нему от удара ноги пистолета. След этот обрывался на том месте, где майор поднял оружие. Теперь все сомнения в том, что пистолет лежал не там, где находилась вмятина от его падения

на пол, отпадали. Тщательно расследовав царапину, я обнаружил, что она имела продолжение. Сантиметр за сантиметром я исследовал новую линию до самого конца и вдруг, совершенно ошеломленный, опустил линзу. Второй след привел меня как раз к той самой вмятине на паркете, которую я заметил прежде всего. Каким же образом все это могло произойти? Пистолет падает к ножке тумбочки, а потом сам совершает движение по полу к кровати! Оставалось только одно предположение: кто-то после смерти Витлинга забросил пистолет в окно, а потом подтолкнул каким-нибудь длинным предметом туда, где ему положено было лежать.

Я отдернул штору и начал внимательно осматривать решетки окна сантиметр за сантиметром. Они были совершенно чисты, только на одном из прутьев, у самого подоконника, прицепилось что-то коричневое, похожее на тонкую пленку. Я осторожно снял ее и положил на вырванный из блокнота лист. Исследование подоконника и пола около него дало мне еще кое-что: два маленьких шарика, очень похожие на сосновые почечки. Больше найти ничего не удалось. Бережно завернув все это в бумагу, я отнес найденное наверх. Там с помощью лупы я стал рассматривать свои находки. Ошибки не было. На бумаге лежала сосновая корочка со свежесрезанной ветви и две маленькие почечки. На близком расстоянии они издавали легкий характерный запах хвои.

Несколько минут я сидел неподвижно, потрясенный представившейся в моем воображении картиной. Кажется, истина была найдена, но для того, чтобы окончательно в ней убедиться, нужно было установить еще одну деталь.

Положив свои находки в ящик стола, я направился искать Шмидта и нашел его все у того же злополучного куста, который, несмотря ни на что, он пытался вернуть к жизни.

— Скажите, Шмидт, кто производил в последнее время уборку комнат — Герхардт или Витлинг?

Как всегда, когда он не совсем понимал, зачем ему задают вопрос, он испуганно посмотрел на меня.

— Они делали это оба.

— Но для того чтобы вытирать верхние стекла в рамах, у них, наверное, была палка?

— Была. Она всегда стоит в углу, около комнаты Герхардта,— он удивленно заморгал глазами.— Будете убирать комнаты сами? Хотите, я скажу Марте?

— Пожалуйста, не беспокойтесь: я только хочу снять паутину с окна в комнате, где я сплю.

Вернувшись снова в дом, я с нескрываемым волнением зашел в вестибюль. Палка, стоявшая здесь, могла или подтвердить или разбить мои предположения. Я вынул палку из темного угла на свет. Она ничего общего не имела с сосной. Это был гладкий, отполированный временем орех или кедр. Теперь я был не только уверен, что Витлинг убит, но и совершенно отчетливо представлял, как это произошло. Чья же рука направила пулю? Бергмана? Ничего другого предположить пока было нельзя.

ПОСЛЕДНИЙ ДОПРОС БЕРГМАНА

В пробивавшихся сквозь шторы лучах солнца лицо Бергмана показалось мне постаревшим на несколько лет. В его маленьких зеленоватых глазах глубоко затаилось какое-то беспокойство. Видимо, второй допрос заставил его насторожиться.

— Ну как, немного успокоились, Бергман? — спросил майор, подвинув к нему открытую пачку папирос.

— Ваш врач мне сделал хорошую перевязку,— осторожно ответил он, сделав вид, что не заметил папирос,— я вам очень благодарен.

— И теперь, надеюсь, вы в состоянии рассказывать дальше?

— Дальше?— Бергман удивленно прищурил глаза.— Вы хотите, чтобы я повторил все сначала?

— Нет. Расскажите нам все, что касается смерти Витлинга.

— Витлинга? Но ведь он же застрелился. Вы же сами сказали об этом. И в чем, собственно, вы хотите меня обвинить?

— Не догадываетесь, Бергман? Ну, в таком случае я вам скажу: в убийстве Витлинга!

— Что? — Бергман вскочил на ноги.— Это ложь, я никого не убивал!

Майор открыл ящик стола и положил перед собой пистолет:

— Вам знакомо это оружие? Нет! В таком случае мне придется снова освежить вашу память. Это тот самый пистолет, что был похищен из кабинета Ранка. Вспомнили? Посмотрите, в обойме не хватает шести зарядов. Одним из них был убит Витлинг. Куда пошли остальные пять? Не знаете? Я вам скажу. Вы тренировались, Бергман. Ведь стрелять из пистолета, насаженного на двухметровую палку, и произвести выстрел с помощью шнура, продетого сквозь спусковой крючок, вещь не такая простая. Не правда ли?

Хотите детали? Вы срезали длинную сосновую ветвь, слегка расщепленную на конце, вставили в нее пистолет и накрепко завязали шнуром. Затем продели другой длинный кусок шнура в спусковой крючок — и приспособление для инсценировки самоубийства готово. Теперь осталось только просунуть это приспособление в окно, дотянуться дулом почти до виска спящего и потянуть шнур. Подбросить к кровати пистолет и подтолкнуть его на место палкой было не так уж трудно. Надеюсь, я нигде не ошибся? Вы не отвечаете. Понимаю, просто вам нечего добавить к сказанному. Если вы ничего этого не отрицаете, Бергман, я передаю вас в руки гражданской власти. Вы совершили уголовное преступление, и вашу судьбу будет решать немецкий суд.

Бергман внимательно следил за словами майора.

— Мне нечего больше говорить, — угрюмо ответил он. — Вы это сделали за меня. Витлинга мне действительно пришлось убрать. Он был слишком упрям, этот старик. Он не только отказался мне помочь, но и угрожал, что заявит о моем предложении в комендатуру. Если бы я раньше нашел справочник, он здорововал бы и по сегодняшний день.

— Вы подпишете свои показания и подтвердите их, если понадобится?

— Пожалуйста, где и когда угодно.

— Вам когда-нибудь раньше приходилось встречаться с Витлингом?

— Наблюдая за именем, я несколько раз видел его, но он меня — нет.

— Куда вы дели бумаги, взятые из письменного стола?

— Я их сжег. В них не было для меня никакого толку.

— Что это были за бумаги?

— Какие-то письма, записи. Они меня не интересовали.

— Но зачем же вам понадобилось с такой тщательностью опустошать ящики стола и забирать бумаги, если нужен был вам только справочник?

— Я захватил их с собой просто так, на всякий случай. Пока справочника у меня не было, я хватался за все, что попало.

— Так. Значит, добавлять вам больше нечего?

— Нет, почему же, можете передать этому идиоту с иностранным паспортом, что ни меня, ни картины ему не дожидаться.

Майор кивнул головой.

— Мы предугадали ваше желание, Бергман, и сделали это вчера без вашего разрешения. Он уже знает, что никакой копии не получит.

Воронцов довольно заметной интонацией выделил слово «копии».

— Ну, что вы на это скажете,— спросил майор, когда мы остались одни.— Заметили, что слово «копия» и на Бергмана не произвело никакого впечатления?

— Конечно, заметил. Но мое внимание больше привлекло другое — короткая, но ясно бросившаяся мне в глаза растерянность Бергмана при вопросе о бумагах. Что же касается слова «копия», то оно могло попросту пройти мимо его ушей.

— Что ж, может быть и так, но ведь и Мурильо оно не особенно взволновало. Вот в чем дело. Давайте пройдем к Герхардту. Ему стало лучше, и наш непреклонный капитан медицинской службы разрешил встречу с ним, правда, ограничив ее всего пятнадцатью минутами.

Пока мы шли к госпиталю, я анализировал в уме происшедшее. Тайна смерти Витлинга раскрыта, причины убийства ясны, преступник сознался. Круг замкнулся полностью. Ну, а все то неясное, что вставало вокруг имени Витлинга в самом имении Грюнберг и незримо нитями уходило в Вайсбах, ведь оно оставалось вне пределов этого круга.

У самых дверей комнаты, в которой лежал Герхардт, я заметил стоявшие у стенки картины, прикрытые брезентом.

— Герхардт уже видел их? — спросил я майора.

— Я хочу это сделать сейчас. Пойдемте.

Герхардт сидел на койке. Он осунулся немного, побледнел, но если бы не несколько царапин на левой стороне лица, трудно было бы предположить, что еще вчера состояние его было критическим. Увидя нас, он искренне обрадовался и сделал попытку встать, но майор остановил его жестом руки.

О своем падении Герхардт ничего нового сказать нам не мог. Он шел по тропинке в имение после того, как слез с машины на шоссе. Совершенно неожиданно тропинка обвалилась, и он упал. Дальше Герхардт ничего не помнил и очнулся уже здесь, в этой комнате. Вот и все.

— Теперь мы отвлечем ваше внимание еще одним делом, — майор поставил на стул первую из внесенных мною картин. — Видели ли вы когда-нибудь эту вещь?

Герхардт с минуту смотрел на портрет, на лице его начали медленно выступать красные пятна. Дрожащими руками он нашел лежавшие на тумбочке очки.

— Да ведь это же Дюрер, — произнес он взволнованно, надев их, — Альбрехт Дюрер. Неужели вам удалось найти дрезденские шедевры?

— Нет, Герхардт, это не Дюрер, — в голосе Воронцова послышалось что-то похожее на удовлетворение. — Вы тоже приняли копию за подлинник, хотя не один раз бывали в залах галереи. Но не волнуйтесь, картины уже спасены. А теперь посмотрите сюда — это вам тоже знакомо?

Майор выдвинул из ящика одну за другой остальные картины. Герхардт не задумался ни на минуту.

— Конечно, это полотна, которые увез Ранк, когда ночью уезжал из имения. Во всяком случае, они пропали после его отъезда. Чьей они работы, я не знаю, но то, что они художественной ценности не представляют, — это бесспорно.

Герхардт был прав. Работы все эти полотна были по меньшей мере посредственной. Сейчас я разглядел их особенно внимательно. На одной очень тщательно, но далеко не столь же талантливо был выписан немецкий пейзаж. Аккуратная мельница у небольшой речушки и пасущиеся на фоне дубовой рощи тучные пятнистые коровы, на второй — живописная долина и в конце ее красивые черепичные конусы крыш не-

большого селения. Но мое внимание привлек третий пейзаж. Он напомнил мне что-то знакомое. Исполнен он был лучше других. Заросшие сосновым лесом склоны гор утопали в лучах заходящего солнца. Далеко внизу виднелось большое строение, затканное золотистым вечерним туманом. Перспектива и глубина были схвачены довольно удачно.

Четвертое полотно являло собой обычный натюрморт — стол с рассыпанной на нем всякой снедью.

— Грюнберг,— сказал Герхардт, заметив, что мое внимание остановилось на третьем пейзаже,— вид с одной из возвышенностей, окружающих имение.

Грюнберг! Как это мне раньше не пришло в голову? Художник писал имение с той возвышенности, с которой я наблюдал за фрау Шмидт, когда шел в Мариендорф. И не вспомнил я этого сразу, конечно, потому, что со времени написания картины в окрестностях кое-что изменилось. Флигелька, например, на картине не было, зато немного правее, где сейчас все заросло лесом, виднелось какое-то странное небольшое строение. Художник набросал его такими скупыми мазками, что угадать назначение этого строения было совершенно невозможно. Нагнувшись ниже, я заметил в самом углу картины дату — 1848. Значит, с момента ее написания прошло почти целое столетие.

— Молельня,— снова сказал Герхардт, угадав и на этот раз, что привлекло мое внимание,— Ранки в свое время были католиками. Сейчас от нее осталось несколько камней.

— Послушайте, Герхардт,— сказал майор, продолжая рассматривать копию Дюрера.— Припомните, может быть, вы все-таки слышали что-нибудь об этой штуке в стенах Грюнберга?

— Нет, никогда. Хотя, по-моему, эта подделка слишком хороша, чтобы прятать ее от взора людей.

— Да, в этом, пожалуй, вы правы,— майор потер ладонью подбородок.— Товарищ старший лейтенант, эти древние пейзажи и натюрморт вы заберете попозже с собой и водворите на место, хотя цена им, наверное, немногим больше красок и холста, затраченных на них, кроме, пожалуй, вот этого вида на Грюнберг...

Я разглядывал пейзаж Грюнберга с возрастающим волнением. Молельня! Но ведь именно на том самом

месте, где она когда-то находилась, так загадочно и исчезла фрау Шмидт, когда я наблюдал за ней с возвышенности!

КОНДИТЕР МЮЛЛЕР

Случилось так, что после ареста Бергмана нам пришлось с головой окунуться в другие дела. Их оказалась масса: нужно было размещать возвращающихся из-за Эльбы беженцев, решать вопросы пуска в ход некоторых мелких предприятий, принимать уйму посетителей, осаждавших комендатуру самыми различными вопросами и претензиями.

Во всем этом неотложном потоке дел события последних дней, начавшиеся с убийства Витлинга и закончившиеся арестом Бергмана, при всей своей важности отодвинулись на второй план. Вернуться к ним мне пришлось совершенно неожиданно при разговоре с человеком, не имеющим, казалось, никакого отношения ко всему этому делу.

Это было на третий день после нашей встречи с Мурильо. Майора вызвали в СВАГ, о дне своего возвращения он не сообщил. Меркулов лежал в санчасти с внезапно открывшейся раной, и вся тяжесть работы легла на мои плечи. Уставать приходилось изрядно.

В этот день прием длился особенно долго, и я вздохнул с облегчением, когда в списке остался последний посетитель.

Макс Мюллер — значилось в нем. Несмотря на усталость, один вид вошедшего сразу вызвал во мне интерес. Это был небольшого роста человек, очень похожий на колобок, каким его обычно рисуют в детских книжках. Толстенькие ножки его были настолько малы, что, казалось, он не вошел, а вкатился в кабинет. У него было приятное добродушное румяное лицо и на нем маленькие, похожие на изюминки, глазки.

Усевшись в предложенное ему кресло, Мюллер стремительно изложил свою просьбу. Он понимает, какие теперь обстоятельства, что людям сейчас не до кондитерских, но он бы хотел, чтобы в комендатуре не забыли о том, что он был здесь по этому вопросу первым. Он поднял вверх короткий пухлый палец: «Моей фирме, герр обер-лейтенант, сорок лет. Голубь, держа-

щий в клюве крендель,— вот ее эмблема. Ни одна свадьба, именины, ни одно торжество не обходились без наших тортов. Даже сам господин Ранк, возвращаясь на короткое время в свое имение, не забывал заказывать у нас торт. У него любимый — с имбирем и корицей. Вы увидите, когда он вернется, его вкусы насколько не изменятся». Маленькие глазки Мюллера излучали такой восторг, словно вернулись добрые времена процветания его заведения. Но самое смешное было в том, что он говорил все таким тоном, будто расположение Ранка к его изделиям могло служить для нас самой лучшей рекомендацией. Это убеждение было написано на его лице настолько ясно, что я невольно усомнился в умственных способностях собеседника. Видимо, почтенный кондитер особой остротой мысли не отличался.

— И вы уверены, что он вернется? — спросил я, не зная, чему больше удивляться — наивности или глупости кондитера.

— Почему же нет, герр обер-лейтенант? — просто-душно воскликнул Мюллер. — У него такое прекрасное имение. И потом, война уже кончилась...

— Вы так говорите, словно слышали об этом от него самого.

Мюллер замотал головой.

— О нет, герр обер-лейтенант, он мне ничего об этом не говорил. И я тоже не сказал ему ни слова. Я только приподнял шляпу, а он кивнул мне головой.

— И даже не сообщил вам, когда закажет очередной торт? — с серьезным видом спросил я.

Мюллер развел руками:

— Нет, он ничего не сказал,— сокрушенно вздохнул он, и я понял, что мое любое замечание этот маленький человечек понимает буквально. — Но я уверен, господин Ранк и теперь останется моим верным клиентом.

— Когда же вы в последний раз видели Ранка? — спросил я, с любопытством разглядывая его лицо, излучавшее такое добродушие, словно война и все, что с ней связано, прошло мимо него, не оставив на нем никакого следа.

— Это было на прошлой неделе по ту сторону Эльбы, в Рематгене. Вы знаете, они там долго останутся без кондитерской: в единственное заведение фрау Лих-

виц угодила американская бомба. Правда, торты Лихвиц никогда никому не нравились. Это не то, что мои. Вы увидите, герр обер-лейтенант, что я не хвастаю, первый свой торт я непременно пришлю вам.

Болтовня Мюллера теперь проходила мимо ушей. Он видел Ранка! Живого и здорового, неделю назад. Можно ли в это поверить? Стараясь сохранить спокойствие, я внимательно смотрел на продолжавшего непомерно расхваливать свои несуществующие изделия Мюллера.

— И вы уверены, что встретили именно Ранка?

Мюллер склонил голову набок и заморгал глазами, словно не совсем понял мой вопрос.

— Господина Ранка? Боже мой, ну конечно,— обиженным голосом наконец произнес он.— Такому клиенту я всегда доставлял заказы лично. Правда, с того времени прошло немало лет. Господин Ранк немного постарел, но это был он. Я даже могу сказать, с кем он шел. Высокий такой человек, с черной родинкой на переносице.

— Ну хорошо, господин Мюллер,— я встал,— мы не забудем, что вы явились к нам первым с предложением. Когда придет время, мы вспомним о вас. Оставьте на всякий случай свой адрес.

Мюллер соскользнул на пол и раскланялся со всей грацией, на которую был способен.

— О, благодарю вас, благодарю. Шиллерштрассе, 10. Это вам укажет каждый. Дом кондитера Мюллера. На фасаде голубь, держащий в клюве крендель.

Продолжая кланяться и благодарить, он выкатился за дверь. Хорошо, что после его ухода в приемной уже не осталось посетителей. Наверяд ли я мог сейчас разобраться в какой-либо очередной, даже самой пустяковой просьбе.

Если Мюллер говорил правду, а лгать ему, по моему мнению, не было никакого смысла, значит, показания Бергмана были лживы. Хотя бы уже в той части, где дело касалось смерти Ранка. По-видимому, подслушав разговор с Мурильо, Бергман решил обокрасть Ранка. Но тогда почему же Ранк столько времени не делал попыток вернуть картины? Может быть, Мюллер все-таки ошибался. И кто такой, собственно, этот кондитер? Можно ли было ему в какой-то степени верить?

Я снял телефонную трубку и попросил, чтобы меня соединили с Гофманом. Он был в этот момент у себя. Да, помощник бургомистра знал Мюллера. Нет, с нацистами кондитер никогда не был связан и к политике относился совершенно равнодушно. Рецепты пирожков, тортов и пирожных — вот единственное, что его интересовало. Но за годы войны могло произойти многое.

Секунду я колебался, сказать ли Гофману, который был занят налаживанием жизни в городе не меньше меня, о том, что я услышал от Мюллера, но решил отложить разговор до более удобного времени. Можно было, конечно, вызвать сюда Бергмана, находящегося в ожидании суда в одном из сохранившихся корпусов городской тюрьмы. Будь у меня побольше времени, я бы немедленно это сделал и выяснил, что заставило Бергмана солгать, но, во-первых, я не был уверен, что Мюллер не ошибся, а во-вторых, этого времени в тот момент у меня как раз и не было. Нужно было еще объехать город, посмотреть, как идут работы по очистке развалин, осмотреть дома, в которых можно было разместить оставшихся без крова, и сделать еще много самых различных дел. А тут ко всему вчера случилось очень неприятное происшествие: неожиданно рухнула стена четырехэтажного дома и завалила временно живущие в подвале две рабочие семьи. Правда, их всех удалось спасти, но несколько человек из них, в том числе и дети, получили серьезные ранения. Подобные случаи необходимо было в будущем совершенно исключить, и с утра по моему заданию все поврежденные бомбежкой и пожарами дома уже осматривали оставшиеся в городе собранные нами техники, но я не был спокоен, пока сам не посмотрел на их работу. Осмотр домов я закончил поздно вечером. Вернувшись в свой кабинет совершенно усталым и разбитым, я только тогда вспомнил о Бергмане. Было половина одиннадцатого, и я решил отложить встречу до утра. Позднее я понял, что совершил непростительную ошибку. Но как я мог предположить, что единственная нить, которую мы держали в руках, в эту ночь оборвется?

Рано утром я получил известие, что Бергман ночью пытался бежать. Каким-то образом ему удалось взломать решетку, но дальше счастье изменило ему, и он сорвался с высоты в несколько метров на битые кирпичи. Когда его обнаружила охрана, он был уже мертв.

Что касается Мюллера, то я попросил Гофмана заняться им и окончательно выяснить, ошибался он или нет.

Копия Дюрера продолжала находиться в кабинете майора вместе с другими картинами, ожидая, когда для нее найдется более подходящее место в городе, только начинавшем подниматься из развалин. А развалины, что ни день, то давали о себе знать. Мне сообщили, что ночью обвалилась еще одна стена сгоревшего дома. На этот раз дело обстояло значительно хуже — три человека было ранено, один — убит.

Спустя несколько минут я был уже у места происшествия. Лица и костюмы жителей, разбиравших кирпичи, были розовато-серые, словно обсыпанные красноватой мукой. Передо мной находились развалины большого четырехэтажного дома, одна стена которого каким-то чудом еще держалась.

— Господин обер-лейтенант! — окликнул меня кто-то.

Я остановился. Прыгая по кирпичам, ко мне спустился человек. Костюм и лицо его были запачканы известковой и кирпичной пылью, и я не сразу узнал в нем Лерхе.

— Вы? Значит, все-таки приложили руки?

Он подошел ко мне.

— Мобилизовали, — голос его прозвучал весело. — Вы оказались правы. Кое на что я еще годен. — Он бросил озабоченный взгляд на возвышающуюся над нами стену. — Надо убрать. А то, чего доброго, рухнет. Хорошо, что в подвале никто не жил. Раненые попали в беду случайно.

— А убитый?

— Убитый? — он нахмурился. — Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Пойдемте со мной. Тут совсем недалеко.

За крутой горой кирпича лежали балки. Мы перебрались через них и остановились.

У края оставшейся целой стены образовалась довольно глубокая воронка, на дне которой я увидел лежащего на кирпичах человека в темном костюме. Тело его было сильно помято, лицо прикрыто кепкой. Лерхе нагнулся и поднял кепку. Испачканное известью, искаженное гримасой лицо было мне совершенно незнакомо.

За четыре года войны я видел немало убитых, но те-

перь, после полутора месяцев мирной жизни, вид раздавленного кирпичами человека заставил меня вздрогнуть.

— Шеленберг,— вдруг сказал Лерхе.— Франц Шеленберг. Вы, кажется, желали с ним познакомиться...

— Шеленберг?! — невольно воскликнул я. Несмотря на то, что это было для меня полной неожиданностью, почувствовав в голосе Лерхе злорадство покорило меня.— Каким образом он здесь очутился? Находился в подвале?..

— Нет, здесь никого не было. Те трое были ранены в соседнем доме отлетевшими кирпичами. А этот... — он пожал плечами.— Что ж, каждый человек волен кончать жизнь так, как ему нравится.

— Самоубийство? Не совсем понимаю.

— Видите? — Лерхе толкнул ногой лежавший рядом с убитым небольшой ломик. — Этот идиот долбил им стену в том месте, где она еще держалась наиболее крепко. Вчера я осматривал ее, и сегодня мы должны были разделаться и с той и с другой. А он... — Лерхе посмотрел мне в глаза. — Вы думаете, что я мелкий, мстительный человек и что я доволен? Поверьте, мне доставило бы большее удовольствие разделаться с ним собственной рукой. Из-за него пострадали невинные люди. Среди них пятилетняя девочка. Возможно, она на всю жизнь останется калекой.

— Когда вы его откопали, он был мертв?

— Еще бы. Удивительно, что у него сохранился для потусторонней жизни сносный человеческий вид.

— Черт возьми, все-таки вы действительно желчный человек, Лерхе.

— Об этом, конечно, вам прежде всего сообщила моя супруга, — усмехнулся он. — Двенадцать лет ее заставляли воспринимать жизнь, как она есть, и не сетовать на несправедливости, на подлости вот таких типов, — носком сапога он указал на убитого. — И она хотела научить этому и меня...

Я взял кепку Шеленберга у Лерхе и отогнул подкладку. Лапки кнопок были целыми.

— Послушайте, Лерхе,— серьезно сказал я,— мне бы не хотелось касаться ваших личных взаимоотношений с этим человеком, но скажите, наконец, что вы о нем знаете.

— Личных взаимоотношений? — губы Лерхе скривились. — По-моему, их не было. Дело в том, что он один из

подлецов, которые сидели за нашими спинами, когда ради их же благополучия нам дырявили шкуры. Три года он был уполномоченным по сбору зимней помощи, а потом, когда стало ясно, что до очередной зимы не дотянуть, его сунули в лесничество, а старого Клауса послали под ваши танки. И вы хотите, чтобы я печалился при его смерти...

— Если это так, значит, его кто-то поддерживал из фашистской верхушки...

— Поддерживал? Ну ясно, ведь он же близкий знакомый самого Ранка, владельца Грюнберга...

— Вот как? — удивился я. — Но почему же Герхардт не сказал мне об этом? Ведь я расспрашивал его о Шелленберге.

Лерхе усмехнулся.

— Дядю моей жены вообще мало что интересует в текущей жизни. Спросите его, в каком часу Моцарт закончил писать свой «Реквием», и он не ошибется ни на минуту, а докапываться до родственных или дружеских связей своего хозяина, это не в его привычках. В Кельне я сам дважды видел в машине Ранка и этого типа...

— Но почему вы не сказали об этом в наш прошлый разговор?

— Потому что мы сами должны были разделаться с ними. Но мы не сумели. Кончайте с ними вы. Это ваше дело.

— А вы будете только брюзжать и изливать вокруг себя желчь? Эх, Лерхе, Лерхе. Не нам же, в конце концов, жить в Германии, кому, как не хозяевам, наводить порядок в собственном доме. Эти люди принесли вам неисчислимы беды, но они не успокоились.

— Ну этот-то уже успокоился. — Он испытующе посмотрел мне в глаза. — А почему вы не спрашиваете, зачем он все-таки сюда пришел?

— Жду, пока вы сами скажете.

— Проверяете? Что ж, ваше право. Вы не забыли, конечно, что я техник-строитель? Не забыли? Тогда, — мне показалось, что он колебался, — тогда я хотел бы, чтобы вы поднялись со мной наверх.

Он указал на оставшиеся целыми пролеты лестниц дома.

В первом же пролете Лерхе приостановился.

— Только имейте в виду, я ничего не утверждаю. Это всего-навсего мои предположения...

— Не слишком ли длинные вступления, Лерхе? — с досадой произнес я, споткнувшись о засыпанные щебнем ступеньки.

Он промолчал.

С верхней площадки лестницы, где мы сейчас стояли, открылась довольно обширная панорама города. Прямо перед нами поднималась стена рухнувшего утром дома, дальше — параллельно ей — стена семиэтажного, опиравшаяся на остатки стен двух других домов. Еще дальше, в зелени листвы, вырисовывались крыши приземистого дома комендатуры, санчасти и небольшого здания больницы, где помещались бывшие заключенные, спасенные из находившегося недалеко от Нейштадта концлагеря.

— Видите эту стену? — Лерхе указал на остатки семиэтажного дома.

— Конечно. Мы ее осматривали. По-моему, она не внушает никаких опасений.

— Сама по себе нет. Но если бы она рухнула наружу, а не внутрь?

— Этого не может быть. Ее поддерживают остатки стены соседнего дома.

— Но если в нужном месте заложить вот это...

Лерхе вынул руку из кармана. На его ладони я увидел кубик размером с кусок хозяйственного мыла.

— Это лежало рядом с Шеленбергом, — сказал он коротко.

Я взял кусок в руки. Это был тол. Так вот какая цель привлекла бывшего лесничего! Я еще раз посмотрел на вытянувшиеся передо мною стены. Лерхе был прав. Чтобы представить окончательный результат падения стен, не нужно было иметь большого воображения. Раздавила бы вторая стена, падая наружу, комендатуру и прилегающие к ней здания, сказать было трудно, но жертвы не исчислялись бы единицами, в этом не могло быть сомнения.

Я протянул Лерхе руку.

— Спасибо. Сейчас я пришлю грузовик за убитым. Пока все наши соображения пусть останутся между нами. Но не кажется ли вам, что вы сейчас изменили вашей доктрине — находиться в блистательном одиночестве?

Он не принял шутки, а, нахмурившись, посмотрел в сторону.

— Нет, просто сегодня мне показалось, что в своем

доме я нужен, хотя бы для того, чтобы помочь добить тех, кому еще мало жертв...

— Рад, что это так, Лерхе, — ответил я так же серьезно. — Ну, а ваша жена, как ее дела? Она больше не обращалась к Штейнбоку?

Лерхе усмехнулся.

— Хватит. Я больше ни перед кем не собираюсь снимать шапку. Как-нибудь станем на ноги и без него.

— А может быть, даже и вопреки ему?

— Может быть, и так, — он неожиданно рассмеялся. — Ему сейчас совсем не до этого. Требования земельной реформы кое-кого давно лишили сна. Я все хотел поблагодарить вас от имени жены за заботу о ее дяде. Она так переволновалась.

— Как его здоровье? Я не видел Герхардта два дня.

— Уже хорошо, но жить у нас не хочет. Перебрался в Грюнберг, и Лиззи теперь не один раз придется ходить к нему.

Я знал, что Герхардт упорно не соглашался покидать имения, и спросил о нем только для того, чтобы узнать, не переменил ли он своего решения. Но старик, как видно, был упрям. Он чувствовал себя в Грюнберге нужнее, чем где-либо. Так и было на самом деле. Селин и сержант Ковалев находились там вместе с ним.

Мы подошли к тому месту, где все еще лежал Шелленберг. Я посмотрел вверх на стену.

— Когда будете рушить? Сейчас? Давайте, Лерхе. С ненужными жертвами пора кончать. Грузовик за убитым придет через десяток минут. Да, еще одно слово. Помните, тогда у вас в доме вы мне сказали, что ваша жена, возможно, кое-что знает об отношениях между Витлингом и Штейнбоком, но не скажет... Может быть, теперь она передумает?

Лерхе пожал плечами.

— Я не могу ее заставить. Да и в этом, наверное, нет ничего важного.

— А если она узнает, что Витлинг был убит?

Лерхе вздрогнул.

— Как убит?!

— Очень просто. Убит расчетливо и хладнокровно в своей постели, а не покончил жизнь самоубийством. И возможно, что кое-какие нити от этого дела ведут в имение Штейнбока.

— И это правда?

— Разве я говорил об этом раньше, когда у нас не было неопровержимых доказательств?

Он сжал кулак с такой силой, что побледнели кончики пальцев.

— Если это так, то она скажет, — произнес он глухо, — скажет все, что знает. Даю вам слово. А что касается Штейнбока, то я всегда подозревал, что он большой подлец.

На этом мы и расстались.

Работы на меня в тот день навалилось не меньше, чем в предыдущий. Количество возвращающихся к своим очагам жителей возрастало с каждым часом, прибывали и переселенцы. Административные дела, растущие, как снежный ком, поглощали собой все. Только урывками я мог возвращаться к событиям в Грюнберге и ко всему тому, что с ним было связано.

Крайнев, несмотря на обещание, так и не приехал. Работы у него было, конечно, не меньше нашей. Вечером, когда неотложные дела уже подходили к концу, мне позвонил Гофман. То, что он сообщил, моментально вернуло меня в прошлое. Мюллера, с которым по моей просьбе он пытался увидеться, нигде не нашли. В доме, где он жил один, его не оказалось. По-видимому, он даже в нем не ночевал. Гофман предполагал, что кондитер мог находиться у кого-нибудь из своих знакомых, и пока не терял надежды, но я не был настроен так оптимистически. Утреннее происшествие насторожило меня.

Шеленберг не мог действовать один, и, если предположение Лерхе было правильным, похоже, что сегодня ночью потерпел неудачу террористический акт, задуманный кем-то довольно хитро. Его успех мог парализовать на время нашу деятельность и облегчить проведение новых враждебных нам актов. Не было ли это началом активизации пресловутых «оборотней», на которых возлагал последние надежды разгромленный нацизм?

С кем был связан Шеленберг? Прежде всего, наверное, с Ранком, если тот действительно жив.

Витлинг перед смертью был у Штейнбока, а лесник, используя жену Лерхе, пытался направить нас на ложный путь. Интуитивно связь между этими двумя людьми давно угадывалась, но фактов для ее подтверждения не было, как, впрочем, не было их у нас и сейчас. Шеленберг, несомненно, мог быть связующим звеном между Грюнбергом и Вайсбахом.

Наиболее подозрительной фигурой в первом имении оставалась фрау Шмидт, хотя муж ее не вызывал никаких опасений. Однако Герхардт утверждал, что она всегда занималась одним только хозяйством, никогда не покидала имение и ни с кем не общалась. Несколько лет, за исключением последних полутора месяцев, он жил во флигельке в тесном общении со Шмидтами, и сомневаться в его словах значило сомневаться в нем самом, на что у нас, конечно, не было оснований. Никаких обвинений не могли предъявить мы и Штейнбоку. На что реально опирались наши подозрения? На «Фауста» Гете и посещение имения Вайсбах Витлингом. Что бы ни подсказывала нам наша интуиция, оставалось только выжидать и вести наблюдение. Необоснованные действия могли все испортить — с этим выводом Воронцова я был вполне согласен.

Пока майора не было, меня крепко связывали по рукам и ногам текущие дела, и вырваться в Грюнберг нечего было и думать. Я все еще находился под впечатлением той новой загадки, которая вставала с корешков книг и латинской надписи на трагической картине Грюневальда.

За этими мыслями и застал меня телефонный звонок. Звонил Воронцов из своей квартиры, куда только что прибыл. Он готовился принять душ и просил меня остаться в кабинете до его прихода.

Ровно через двадцать минут он сидел уже в своем кресле, и я рассказывал о всех событиях.

— Все? — спросил он, когда я закончил. Этот вопрос удивил меня. Неужели рассказанное мною было так незначительно? Но Воронцов, казалось, думал совсем не об этом и просто не заметил моей досады. Он вынул из черного конверта, который держал в руках, фотографию и положил ее передо мной.

— Узнаете?

Я придвинул фотографию ближе. На меня смотрело гладко выбритое лицо человека в форме офицера СС. Маленькие, глубоко сидящие глаза прищурились в презрительную усмешку. И вот эти-то глаза заставили меня сразу вспомнить этого человека.

— Бергман. Курт Бергман.

— На это я вам отвечу позже. Теперь смотрите сюда.

На второй фотографии на фоне однообразных барачков, опоясанных колючей изгородью, были сняты три че-

ловека и лежащая у их ног огромная овчарка. В крайнем левом я узнал Бергмана, двое других с сигаретами в зубах мне были неизвестны.

Палец майора лег на того, что стоял в центре.

— Комендант лагеря Ранк, справа — его заместитель Пельцер, слева — Кестнер. Тот самый, что выдавал себя за Бергмана. Снято в июне сорок четвертого года в лагере Нидерталь. В апреле следующего года по приказу этой троицы в лагере были уничтожены почти все заключенные. Ранк и Пельцер скрылись. Кестнер был задержан, но через неделю, в позапрошлый вторник, ему удалось бежать.

Слова «позапрошлый вторник» майор произнес с особенной интонацией. Но для меня она была лишней.

— Позапрошлый вторник,— повторил я недоверчиво,— и просидел до того неделю? Но ведь Витлинг был убит на два дня раньше.

— В том-то и дело. Я сам проверил все факты. Сходятся не только внешний вид, но и все особые приметы. Бесспорно, Кестнер и Бергман одно лицо.

— Значит, Кестнер наговорил на себя?

— Лучше принять обвинение в убийстве одного человека, чем многих сотен. Вспомните, он сделал это только после того, как узнал, что мы передадим его в руки гражданских властей. Наверное, он предположил, что так ему легче будет бежать. И вот, наконец, смотрите третье фото.

На этот раз передо мной лежал снимок с листка бумаги, вырванного из блокнота. «Займитесь копией. Сделайте все возможное. Вам окажут полную поддержку»,— было написано на нем.

— Эта записка была найдена у Кестнера при задержании. Десять дней назад ее содержание для нас осталось бы загадочным. Теперь дело обстоит иначе. Как видите, ни Кестнер, ни Мурильо никогда не тешили себя надеждой, что найдут уникальную вещь.

— Но в случае неудачи им нужно было оставить нас в этом убеждении.

— Вот именно. Что ж, будем справедливы: в какой-то степени им это удалось, и мы слишком быстро решили, что ларчик уже распахнулся перед нами. На самом деле открыть его не так-то просто. Убийцу Витлинга нужно еще найти. Я вполне допускаю, что Ранк жив. В словах Кестнера не может быть, конечно, ни капли правды. Зав-

тра возвращайтесь в Грюнберг, а мы с Гофманом постараемся отыскать Мюллера. Что касается Шеленберга, то Лерхе прав. Не кирпич же он выковыривал из развалин. Фашистское подполье начинает шевелиться. Что ж, задумано остроумно. Но они переоценивают свои силы. Главное, простые немцы, даже такие, как Лерхе, не только на нашей стороне, но и начинают активно участвовать в становлении новой жизни. Однако надо принять меры предосторожности. Помните, когда от патруля ускользнуло двое неизвестных?

Да, случай, о котором напомнил майор, был еще свеж в моей памяти. Патруль остановил вечером группу горожан для проверки их личности, но двое из них, воспользовавшись сумерками, исчезли в развалинах. Поиски не дали никаких результатов.

— Но с тех пор все было спокойно, — сказал я. — Эти двое, наверное, исчезли из города.

— Кто знает, уверенности в этом у меня нет. Затаяться — это еще не значит исчезнуть. Да и было ли их только двое? Больше всего сейчас я хотел бы знать, зачем этой шайке нужна копия. Теперь совершенно ясно, что никто не сумеет выдать ее за подлинник. Кестнер действовал не один, ему оказывали поддержку. Но кто? Вот вопрос. Шеленберг? Но только ли он один?

Я хотел добавить — и фрау Шмидт, но сдержался. В отношении к этой женщине во мне всегда жила какая-то двойственность — с одной стороны, поведение ее не могло не вызвать подозрения, с другой — мне, несмотря на это, казалось, что она честный человек.

— Вы играете в шахматы? — вдруг спросил майор. Не ожидая такого поворота, я с удивлением посмотрел на него.

— В шахматы? Вообще-то, да. Но вот уже три года...

— Помните, как называется начало, когда, жертвуя пешку, получаешь активную игру?

— По-моему, гамбитом.

— Правильно. Так вот, не избрать ли нам в новой партии этот вариант и не отправить ли завтра утром копию в Грюнберг? Посмотрим, не клюнет ли рыбка на эту наживу. Да, еще вот что. В СВАГе мне повстречалась группа журналистов. Я передал им показания Бергмана-Кестнера. Там был один аргентинец. Я спросил его о Мурильо, и он сказал, что знает его, но раньше никогда с ним не встречался ни в Европе, ни в Америке.

Уставший после трудной поездки, майор ушел отдыхать, отложив обсуждение деталей своего плана на раннее утро. Я спрятал все бумаги в стол и готовился последовать его примеру, когда меня остановил звонок. Звонил Гофман. Он сказал, что Мюллер все еще не найден, и просил разрешения отнять у меня немного времени завтра на беседу с человеком, который придет вместе с ним. Я ответил, что приехал майор и что лучше обратиться к нему, тем более что с утра я буду занят.

— Но я хотел бы, чтобы при этом присутствовали и вы,— с мягкой настойчивостью сказал Гофман. — Но, конечно, если вам некогда...

— Кто этот человек?

— Эльза Грубер, бывшая служанка покойного профессора Абендрота.

— Профессора Абендрота? — переспросил я, не знаю почему произнося эту фамилию по складам и прислушиваясь к ее звучанию. — Хорошо, Гофман, я позвоню вам завтра утром.

Наконец я направился домой. Несмотря на усталость, сон никак не шел ко мне. Произнесенная Гофманом фамилия все время крутилась в моей голове. Мне казалось, что в ней было что-то знакомое.

И вдруг, словно от внутреннего толчка, я сел на кровать. Перед моими глазами возник клочок бумаги, найденный нами в одном из ящиков стола Витлинга, с единственным и к тому же не оконченным словом «Abend...». Ну да, конечно, поэтому фамилия Абендрот и показалась мне знакомой!

Успокоившись, я снова лег на подушку и закрыл глаза: все дело оказалось в созвучии немецкого слова «вечер» с началом фамилии покойного профессора. Только и всего.

ЖЕРТВА ФИГУРЫ

Выполнить просьбу Гофмана мне не пришлось. Я позвонил ему рано утром и узнал, что раньше девяти часов фрау Грубер не сможет прибыть в комендатуру. Поэтому беседа с ней должна была состояться без меня. Попутно я выяснил, что о Мюллере все еще ничего не известно. Последнее уже не на шутку начинало тревожить меня, но сейчас отвлекаться от основного дела было нельзя, и я уехал в Грюнберг, захватив с собой все картины.

В имени ничего не изменилось за эти дни. Зеленые склоны гор манили таившимися под ними свежестью и прохладой. Особенно хороша была липовая аллея, замечательная белым, как снег, пухом цветения.

Герхардт, еще довольно слабый, лежал во дворе на раскладном кресле. Шмидт показывал ему клубни какого-то растения и что-то убежденно доказывал. Над флигельком, где хозяйничала фрау Шмидт, как обычно, поднимался сизый дымок.

Все дышало здесь миром и покоем и заставляло забывать об окончившейся совсем недавно войне и о развалинах города, которые я только что покинул.

Герхардт встретил меня очень радушно, даже Шмидт, лицо которого было всегда неподвижным, улыбнулся. Селчн приветствовал меня из гаража, а вышедший из дома сержант Ковалев доложил, что никаких происшествий в мое отсутствие не произошло.

— Помогите снять эти картины,— я указал на машину,— потом их надо будет отнести наверх.

Через несколько минут картины были сняты, и вздох майора пропал в белой пене липовой аллеи.

— Как?— Герхардт даже привстал на своем кресле.— Вы привезли сюда и копию?

— Куда же ее девать? Пусть висит пока здесь.

Я взглянул на Шмидта. Тот с сосредоточенным видом смотрел на полотно. Кажется, каменное лицо садовника оживало только тогда, когда он общался с цветами. И вдруг, обернувшись, я увидел фрау Шмидт.

— Франц, я тебя ищу: ты забыл поколоть мне дрова,— она улыбнулась.— Здравствуйте, герр обер-лейтенант, с приездом. А мы думали, что вы совсем оставили нас.

— Это будет очень скоро,— ответил я.— Вы уже слышали, наверное, что имение переходит в руки городского самоуправления и здесь будет дом отдыха для рабочих.

— О, нам все равно. Мы с Францем так далеки от всех этих дел.

— Ну и, кроме того,— сказал я,— моя миссия здесь закончена: убийца Витлинга арестован.

Я увидел, как дрогнули ее руки, опущенные в карманы передника.

— Как убийца? — спросила она шепотом, и глаза ее расширились. — Разве?..

Я кивнул головой:

— Да, фрау Шмидт, ваш друг управляющий был убит, и убийца его во всем сознался. Жаль только, что ему удалось уйти от возмездия,— он погиб при попытке к бегству. И знаете, что явилось причиной убийства? Вот эта картина,— я указал ей на стоявшую у стены копию Дюрера.

Она уставилась на нее широко открытыми глазами, и в них я не прочел ничего, кроме страха.

— И самое трагическое, что здесь произошла ошибка: это всего только копия, и стоит она, конечно, куда меньше жизни человека.

Мои слова потрясли не только фрау Шмидт, но и Герхардта и даже самого садовника.

— И вы нашли этого человека? — спросил Герхардт дрогнувшим голосом.

— Да, это некто Бергман. Он был связан с одним иностранцем, который, собственно, и толкнул его на это дело. Но он не дожил до суда.

— Все равно, убийца получил свое,— Герхардт протянул мне руку.— Спасибо. Спасибо от нас всех, кто знал Витлинга и жил вместе с ним.

Шмидты медленно направились к дому. У флигелька фрау Шмидт пошатнулась, и садовник неловким движением подхватил ее под руку.

— Для них это тяжелый удар,— печально сказал Герхардт, глядя им вслед.— Витлинг сделал им столько хорошего.

Спустя час картины висели на своих местах. Для копии Дюрера мы нашли место в центре зала, между двумя окнами. Здесь она находилась в полном одиночестве, и этим как бы отдавалась дань мастерству создавшего ее неизвестного художника. Повесив копию, я взял репродукции картин Грюневальда и спустился в комнату Герхардта.

Герхардт надел очки, внимательно осмотрел рисунок с латинским изречением, заштрихованную фамилию на переплете «Фауста» и пожал плечами. Витлинг почти никогда не говорил с ним о том, что выходило за рамки хозяйственных дел имения. Но он подтвердил, что латинское изречение было сделано не рукой Витлинга.

— Вы знакомы со Штейнбоком? — спросил я Герхардта.

— Со Штейнбоком? — переспросил он. — Как вам

сказать? Между нами была слишком большая дистанция. Лиззи работала у него вместе с другими женщинами, я бывал там, но видел его только на расстоянии.

— Ваша племянница чем-то обязана ему?

— Ну, как и некоторые. Он давал ей работу. Лиззи было очень трудно после того, как Карл попал в неблагонадежные, а Штейнбок не обратил на это внимания. Конечно, ему нужны были рабочие руки, на иностранных рабочих он не особенно полагался. Но все равно Лиззи считает, что он ей очень помог.

— Витлинг имел с ним дела? Бывал в Вайсбахе?

— Не знаю. Об этом мне ничего не известно. Вообще, из имени он отлучался редко.

— А Штейнбок? Вы его здесь никогда не видели?

— Штейнбока? Нет, никогда...— Герхардт вдруг остановился и как-то странно посмотрел на меня. Лицо его было растерянным. — Я... Возможно, тогда это был его голос. Помните, я говорил вам, что слышал разговор, когда проходил через вестибюль. Начинало темнеть, я направился к Шмидтам, случайно обернулся и увидел в липовой аллее привязанную лошадь и тележку на рессорах. Я только сейчас вспомнил: потом на этой тележке я видел Штейнбока. Когда я вернулся от Шмидтов, на аллее уже никого не было.

— Как же вы не вспомнили раньше об этом? — с досадой сказал я.

Он с виноватым видом развел руками.

— Не знаю. Если бы вы сейчас не спросили, я бы не вспомнил совсем.

Это было все, чем Герхардт мог сейчас мне помочь.

Поднявшись в кабинет, я снова принялся рассуждать, вставляя новые факты в цепочку старых. Утром Витлинг был в Вайсбахе, к вечеру его хозяин совершил ответный визит. Лерхе показалось, что при первой встрече они крупно поссорились. Зачем же Штейнбок ищет второй за день встречи? Ясно, дело его не терпит отлагательства.

Фигура Штейнбока начинала понемногу вырисовываться на фоне всей этой истории. Не был ли он главным действующим лицом развернувшейся в Грюнберге драмы?

И все равно для ареста Штейнбока оснований у нас

не было. Их надо настойчиво и осторожно искать, искать не только здесь, но и в Вайсбахе.

Передо мной на столе лежали отобранные в прошлый раз книги вместе с взятым у фрау Штейнбок томиком «Фауста» Гете. С репродукции Грюневальда на меня смотрели умные, усталые глаза обреченного на мучение человека. «Все свое ношу с собой» — эти полные трагизма слова, стоило мне всмотреться в его лицо, начинали звучать в моих ушах.

Потом я прошел в зал. И передо мной встало другое лицо, с немного широким носом, пухлыми губами и глубокой складкой на подбородке. Темные глаза смотрели куда-то мимо меня с задумчивым спокойствием. Какую загадку хранили они? А они ее хранили — в этом не было сомнения. Еще в комендатуре мы обследовали портрет со всей тщательностью. Стекло лупы отражало с одной стороны мазки кисти, с другой — ровный промасленный холст. Рама сейчас была другая: старая осталась в комендатуре, но и она не могла ничего сказать.

Стояла полная тишина. Узкий серп молодого месяца, еще недавно чуть серебривший края неплотно задернутых штор, потонул в заволакивающих небо тучах, и ни одной искорки света не проникало в обширное пространство зала. Ветер совершенно стих, только, если внимательно прислушаться, можно было уловить доносившееся из вестибюля едва слышное равномерное тиканье больших старинных часов.

Вечером мы распрощались со Шмидтами. Накрапывал небольшой дождь, и наш вездеход покрылся тентом. Но когда машина тронулась, в ней находились только шофер и Герхардт. Я, как было условлено, остался в Грюнберге. Ни садовник, ни его жена не показались во дворе в момент нашего «отъезда».

Единственное, что нам стоило труда, — это уговорить Герхардта покинуть имение. Но потом он понял, что это необходимо для осуществления задуманного плана, и покорился.

За окнами чуть слышно снова зашумел весенний дождь. Стрелки на светящемся циферблате моих часов показывали, что время перевалило за полночь. Я находился в маленькой курительной комнате, расположенной между кабинетом и обширным залом, где висели картины. Это было самое удобное место, так как отсюда я мог наблюдать за обеими комнатами.

До моих ушей донесся какой-то странный глухой звук. Он шел с противоположной от окна стороны, совсем не оттуда, откуда я его ждал. Он приближался с лестницы, ведущей от входных дверей, закрытых мною на ключ. Значит, у кого-то был второй ключ. Этого я не предполагал.

Попадавший в дом через окно по громоотводу, для того чтобы попасть в кабинет, должен был непременно миновать комнату, в которой я находился. Поднимавшийся же по лестнице мог пройти туда, минуя меня.

Я скорее угадывал шаги, такие мягкие, осторожные, и порою мне казалось, что их создает мое возбужденное воображение.

Вот тихо скрипнула дверь, ведущая в зал, и все сомнения сразу отпали. Сдерживая дыхание, я осторожно вынул пистолет и чуть приподнял край портьеры. Сейчас меня интересовало только одно: не пропустил ли всего этого Ковалев, находившийся в противоположном конце зала, за колоннами.

Шаги остановились, и вдруг узкий луч света, возникший из середины зала, лег на стену. Поскользвив по стенам, он задержался на одном месте и стал медленно укорачиваться. В самой его середине, в узкой бронзе рамы вспыхнул густым пурпуром фон знакомого портрета.

Палец моей левой руки лег на кнопку электрического фонаря, но в этот момент раздался какой-то странный сухой треск. Пурпур портрета исчез, и вместо него засветилось матовое голубоватое пятно.

Я надавил кнопку фонаря. Мог ли я предполагать, что в это мгновение совершаю самый большой промах за все время пребывания в Грюнберге. Но я сделал это безотчетно. Мне показалось, что портрет уничтожен.

Два луча почти одновременно пересеклись в одной точке: Ковалев последовал моему примеру. Раздался приглушенный крик, стук упавшего на пол фонаря и опять тот же, похожий на треск, звук. Небольшая человеческая фигурка в резком свете фонариков взмахнула руками и опустилась на пол.

Перед нами на паркетном полу, закрыв лицо ладонями, неподвижно лежала фрау Шмидт. На ней было все то же скромное клетчатое платье и мягкие матерчатые туфли. Рядом валялся, свернувшись в трубочку, кусок голубоватой бумаги и карандаш. Жена садовника не поше-

велилась, когда мы подошли к ней. Похоже, что она была в обмороке.

Мы подняли ее и положили на небольшой диванчик, стоявший у стены. В доме снова воцарилась тишина.

Мы прикрыли портьерой фонарь и оставили только легкий отблеск света на лице фрау Шмидт. Возможно, все-таки она была не одна. Для меня теперь было ясно, что ее неожиданное появление в комнате Витлинга не было случайным.

Прошло немногим больше двух минут, пока фрау Шмидт приоткрыла глаза и, разглядев нас, снова закрыла их.

— Что вы здесь делали? — спросил я, наклонившись к ней.

Она молчала.

Я поднял с пола бумагу.

— В таком случае скажите, кто вас послал и зачем?

В ее глазах метнулся испуг.

— Пустите меня, — невнятно сказала она. — Пустите, я ничего не сделала плохого.

— Фрау Шмидт, — сказал я, — даю слово, что мы это сделаем, если вы честно скажете, кто заставил вас прийти сюда.

Она слабо качнула головой:

— Я сама. Сама, и больше никто.

— Хорошо. В таком случае через полчаса мы взорвем развалины молельни...

Удар попал в цель. Фрау Шмидт глухо вскрикнула и откинулась на спинку дивана. Я испугался, что с ней снова случится обморок.

— Нет-нет, не делайте этого, — в страхе прошептала она. — Я скажу, я все скажу... Он ведь тоже не сделал ничего плохого.

— Кто?

— Пауль Бодмер, мой брат. — Она схватила меня за руку. — Но ведь его заставили...

— Ладно, фрау Шмидт, об этом потом. Где находится второй выход из молельни? У колодца?

— Да. — В ее глазах снова заметался испуг. — Но вы не убьете его? Нет?

— У него есть оружие?

— Наверное...

— Фрау Шмидт, — я помог ей встать, — вы пойдете сейчас вперед. Возьмите с собой бумагу. От вашего пове-

деня теперь зависит жизнь брата. Если он ни в чем не виновен, постараюсь ему помочь. Вы меня поняли? Но для этого нам надо захватить его живым...

При последнем слове она вздрогнула, и по ее лицу прошла судорога.

— А где ваш муж?—спросил я, подавая ей фонарик.

— Он спит, спит и ни о чем не подозревает,— устало сказала она. — Он знает только свои цветы и больше ничего...

— Так вы поняли меня?

Она кивнула головой.

Держа в руках фонарик и бумагу, она медленно пошла вперед, мягко ступая по лестнице матерчатыми туфлями. Я шел за ней один. Ковалев отстал, чтобы рассказать о случившемся Селину, который находился в противоположном конце дома.

Во дворе было так же темно, как и в комнатах. Мелкий гравий чуть слышно шуршал под ногами.

Фрау Шмидт точно выполняла мои указания. Она двигалась вдоль стены дома. Я шел в нескольких шагах позади, не спуская глаз с прыгающего по земле светлого пятна ее фонарика. Мы обошли флигелек и углубились в лес.

Рядом со мной внезапно возникла фигура. От неожиданности я вздрогнул, но сейчас же узнал Ковалева. Он сказал, что Селин занял свой пост у колодца.

Теперь мы вдвоем шли за скользящим между деревьями лучом фонарика. В его свете возникали и пропадали неподвижные, уходящие вверх стволы сосен, потом мелькнула густая стена молодого сосняка и сейчас же растворилась в темноте. Несколько мгновений мне казалось, что фонарик погас, но потом я понял, что его скрыли от нас ветви.

Неожиданно луч фонарика пропал, но, сделав несколько шагов, мы заметили его снова. Теперь он стоял на месте. Его отблески, лежавшие на заросших травой камнях, неясно обрисовывали фигуру фрау Шмидт. Потом луч резко сократился, словно весь вошел в землю, и вместо него там, где стояла фрау Шмидт, осталось темное отверстие. Спуск был очень неровный, зигзагами.

На третьем повороте фонарик неожиданно погас. Но теперь он был не нужен. Неяркий, чуть колеблющийся свет пробивался снизу. Ступеньки кончились. Я остановился. Перед нами внизу открылась просторная ниша, в

середине которой на каменной, похожей на стол глыбе горела свеча. Она освещала фигуру человека, в напряженной позе всматривающегося в проход.

— Все в порядке, Марта? — хриплым голосом спросил он и протянул руку.

Я не слышал, что ответила фрау Шмидт. Раздался уже знакомый шелест разворачиваемой бумаги.

— Ничего не вышло? Да говори же ты, в чем дело?..

Он схватил ее за плечи и с силой встряхнул.

И в этот момент я совершил оплошность. Но кто мог предполагать, что ступенька, в которую упиралась моя нога, держится на честном слове? Раздался довольно сильный шум. Осыпались камни, я ударился о стену, и, прежде чем успел прыгнуть вниз, человек, державший фрау Шмидт, оттолкнул ее и отскочил в сторону. На мгновение я увидел совсем близко от себя его искаженное страхом лицо. Как ни странно, но в этот момент я подумал, что это опять был не тот человек, которого я видел на горе. Ударом руки он сбросил свечу. И сейчас же все потонуло во мраке. Что-то тяжелое обрушилось мне на плечи. По врезавшейся мне в спину стали автомата я понял, что это был наткнувшийся на меня Ковалев.

До сих пор я не могу вспомнить точно, в какой последовательности развивались события в каменном склепе, в абсолютной темноте, после того, как ветхая ступень сыграла с нами такую злую шутку. Я помню только первую мысль, которая прорезала мой мозг: «Здесь два выхода, уйдет. Что, если Селин не добрался до колодца?» Затем услышал глухой удар — и яркий свет фонаря, как молния, прорезал тьму. Прямо над собой я увидел сапог, словно повисший в воздухе. Почти безотчетно я толкнул его рукой. Что-то тяжелое рухнуло на камни, и кованый каблук с силой ударил меня в ключицу. Луч фонаря, описав кривую, расплылся по полу неярким пятном.

— Товарищ старший лейтенант, фонарь, — донесся до меня прерывистый голос Ковалева.

Я вскочил на ноги, и упавший фонарь очутился у меня в руках.

На зубчатых ступеньках лицом вниз лежал человек. Ковалев навалился на него сверху и крепко держал.

Не теряя ни минуты, я зажег свечу. Яркое пламя осветило склеп с тремя плоскими гранитными возвышенностями в центре. В углу неподвижно лежала фрау Шмидт.

За ее спиной у самого пола темнело небольшое отверстие, образованное приподнятой каменной плитой. Вот почему Бодмер не воспользовался вторым выходом — его наполовину прикрыло тело упавшей на пол сестры.

Бодмер пошевелился и сделал попытку освободить руки.

— Отпустите его, сержант,— сказал я,— и посмотрите, что там с фрау Шмидт.

Лежавший вниз лицом человек медленно перевернулся, сел на ступеньки и зажал голову ладонями.

— Вставайте, Бодмер, неужели вы не хотите знать, что с вашей сестрой?

Он повернулся. Его лицо поразило меня большим сходством с сестрой, только черты его были значительно крупнее, чем у Шмидт, и между бровями резко выделялась черная родинка.

— За сколько вы купили эту тварь? — хрипло произнес он. — Пусть лежит. Для нее будет лучше, если она не встанет. Она уже подписала свой приговор.

— Вы, кажется, забыли, Бодмер, что времена изменились и ни карать, ни миловать уже не в вашей власти. Да и потом, она хотела спасти вас.

— И поэтому передала вам в руки,— он хмуро посмотрел на сестру.— Черт бы ее побрал, эту размазню! Она и падать толком не умеет.

— Если вы имеете в виду выход у колодца, то это только бы облегчило нам дело.

— Ах вот как,— Бодмер встал.— Значит, все выболтала...

В этот момент фрау Шмидт наконец пришла в себя.

— Пауль, Пауль,— простонала она,— боже мой, что здесь произошло? Пауль, где ты?!

Бодмер даже не посмотрел в ее сторону.

— Будете надевать наручники? — спросил он.

— Мы не гестаповцы. Но хочу вас предупредить, что жизнью вашей не особенно дорожим. Так что всякие фокусы оставьте. Вам ясна моя мысль, Бодмер?

— Можете быть спокойны, ходить с битой карты не в моих привычках.

В это время из щели, где стояла фрау Шмидт, показался Селин.

— Разрешите, товарищ старший лейтенант, я тут кое-что нашел.

Он нагнулся и вытащил небольшой ящик.

— Рация. Так что в отношении музыки я не ошибся. Вот еще какая-то штуковина, вроде рогатины.

Селин держал в руке палку метров двух длиной, разветвляющуюся на конце.

Бодмер еле слышно произнес:

— Наследство Бергмана...

— Не лгите. Смерть Витлинга — дело ваших рук, Бодмер. Зачем вы ее сохранили? Кто был бы следующий?

Фрау Шмидт глухо вскрикнула. Схватившись обеими руками за ворот платья, она смотрела на брата широко раскрытыми, невидящими глазами. Я шагнул в ее сторону, и в этот момент на нас обрушилась темнота. Воспользовавшись минутой, Бодмер ударил наотмашь по свече и, оттолкнув Ковалева, бросился в проход. Я рванулся вперед, но у самого выхода с такой силой столкнулся с сержантом, что едва устоял на ногах. Еще секунда — Бодмер будет наверху и растворится в темноте ночи. И в это время короткая очередь прорезала темноту. Я зажег фонарик. Первое, что я увидел, — была медленно валившаяся на меня широкая спина Бодмера. Потом его тело тяжело рухнуло со ступенек вниз и осталось лежать неподвижно на замшелых камнях.

О ЧЕМ ГОВОРИЛА КОПИЯ

Бодмер был убит. Ковалев не мог поступить иначе, в противном случае тот бы ушел. Фрау Шмидт после пережитого потрясения была тяжело больна.

Что собиралась делать жена садовника с бумагой и карандашом? Ответ на этот вопрос можно было получить только от нее самой, но сейчас об этом не могло быть и речи.

Я ругал себя за то, что в зале, у копии Дюрера, не добился от нее ответа на этот вопрос. Боясь упустить человека, который ее послал, я не хотел терять ни минуты.

Как было условлено, рано утром из комендатуры пришел мой вездеход. Фрау Шмидт вместе с мужем, не совсем ясно понимавшим, что же все-таки произошло, я отправил в город.

Из города машина привезла майора. Я доложил ему о происшедшем. Лицо мое, наверное, было настолько расстроенным, что он, внимательно посмотрев мне в глаза, улыбнулся.

— Хорошо, давайте ознакомимся со всеми вашими экспонатами.

На первые два много времени тратить не пришлось. Сосновая палка с развилкой на конце оказалась именно такой, какой ее майор описал Кестнеру. На ней были довольно отчетливо видны следы рукоятки пистолета и шнура.

Рация оказалась в полном порядке, но, видимо, использовалась Бодмером в основном для приема передач, иначе наши локационные станции засекали бы ее. С его смертью мы лишились возможности установить, с кем эта связь поддерживалась. Но можно было почти не сомневаться, что передатчик находился по ту сторону демаркационной линии. Рация находилась в нише склепа. Из ниши на поверхность шла отдушина. Настроиваясь, Бодмер неосторожно зацепил другую волну, и находившийся неподалеку Селин услышал музыку.

Загадочной оставалось назначение бумаги и карандаша. На столике в комнате фрау Шмидт мы обнаружили пачку точно таких же голубоватых листков.

Мы стояли около портрета. Майор рассматривал карандаш. Это был самый обыкновенный фаберовский карандаш, каких в моем планшете находилось с десятков. Но у майора была своя система. Он любил двигаться к цели, начиная с самых незначительных на вид деталей.

— Вы заметили, что грифель заточен очень тупо? Или кончик его отломился?

— Скорее всего последнее, товарищ майор. Карандаш упал на пол и остался лежать здесь до нашего возвращения из склепа.

— А отломленный кусочек нашли?

— Я не пытался это сделать. Его, наверное, уже раздавил подошвой кто-нибудь из нас. Впрочем, можно поискать.

— Нет, не надо. Давайте лучше рассуждать, опираясь на то, что мы знаем. Итак, фрау Шмидт подошла к картине и приложила к ней лист бумаги. Большого она сделать не успела. Представим теперь себя на ее месте. Зачем это нам могло понадобиться? Снять контуры с портрета? Но, во-первых, бумага совсем не прозрачна, во-вторых, лист захватывает по площади не больше одной четвертой картины, да тут еще сломанный или просто не подготовленный для такого дела ка-

рандаш. Последнее мне все-таки кажется более вероятным. Посмотрите, на грифеле нет острых граней, а при свежем переломе они непременно были бы. Итак, что же все-таки при этих условиях могла сделать фрау Шмидт? Мне кажется, только одно — приложив бумагу к портрету, штриховать ее грифелем, как в детстве не раз делали мы, копируя на бумагу рельеф монеты.

— Что ж, это вполне возможно, — я медленно провел пальцем по портрету. — Но кожа моя ничего не ощущает, кроме масляной краски.

— Бумага может оказаться более чуткой. Впрочем, зачем гадать, давайте проверим. Возьмите бумагу. Только выньте из пачки другой лист — проверим сначала на нем. Но прежде снимем картину. Фрау Шмидт не пыталась это сделать? Нет. В таком случае ее интересовала нижняя половина портрета. Я достаю до его верхнего угла, а она на голову ниже меня.

Мы начали с левого угла. Штрихи грифеля покрывали бумагу все гуще и гуще, пока она вся не стала темной, но, как я и предполагал, кроме мазков кисти и мелких, как сыпь, точек нерастершейся краски, на ней ничего не оказалось.

Заштрихованная на правом углу портрета бумага вообще ничего не отобразила, и никакая фантазия не смогла здесь помочь.

— Может быть, дело все-таки в самом листе, — сказал я, когда мы убедились в бесплодности всех попыток.

Воронцов с сомнением покачал головой.

— Не будем гадать на кофейной гуще. У вас есть какие-нибудь другие соображения?

— Только одно — ждать, пока фрау Шмидт станет лучше.

— Да, пожалуй, это единственный выход, — майор усмехнулся. — Но похоже на капитуляцию. Давайте проверим еще раз. Может быть, на этот раз нам повезет. — Майор снова взял в руки бумагу, карандаш и вдруг остановился. Глаза его как-то странно блеснули.

— Мы с вами забыли детство, Сергей Семенович, — продолжал он взволнованно, — а вот фрау Шмидт, кажется, нет. Мы же использовали совсем не тот конец карандаша. Посмотрите, на тупой стороне его чуть срезаны грани. И, честное слово, мне кажется, это не случайно!

Прижав карандаш той стороной, у которой не было граней, к листу, Воронцов начал медленно и очень легко водить его из стороны в сторону. Вместо беспорядочных линий на бумагу легли широкие легкие полосы. И прежде чем он успел покрыть весь лист, в центре его на этот раз обозначились правильно расположенные точки, которые совершенно отчетливо создавали иллюзию геометрических фигур.

Самые крупные точки, которые при их мысленном соединении прямыми линиями образовывали неправильный четырехугольник, заключали в себе шесть других точек, которые, в свою очередь, при соединении их прямыми линиями могли образовать равносторонний шестиугольник. Внутри четырехугольника, на нижней его стороне, чуть заметно вырисовывались буквы «О. М. М. Р.». По всей вероятности, то, что лежало сейчас перед нами, являлось планом. Но планом чего? Где находились те реальные предметы, которые изображали эти фигуры? Ни одного даже самого смутного указания на место мы не имели. Буквы? Но о чем они говорили?

Изучив еще раз чертеж, майор положил его на стол и сел в кресло.

— Ну, а теперь оставим на время эту загадку и займемся судьбой профессора Абендрота.

— Профессора Абендрота? — переспросил я, никак не ожидая услышать сейчас от Воронцова эту, уже знакомую мне, фамилию.

Он с невозмутимым видом кивнул головой.

— Вот именно. Профессора-искусствоведа Эриха Абендрота, одного из крупнейших художников Германии тридцатых годов. Как сообщила нам сегодня его бывшая служанка Эльза Грубер, перед своим арестом Кестнер был у нее и очень интересовался бумагами и вещами профессора Абендрота.

— Профессора Абендрота... Эриха Абендрота,— я повторил фамилию еще дважды и снова поймал себя на мысли, что делаю это под давлением какого-то непонятного, смутного чувства.

— Да, профессора Абендрота,— повторил еще раз и майор.— То, что сообщила его служанка...

— Товарищ майор, разрешите, только одну минуту... — Сдержаться я не мог. Никак не мог. Никакая сила не удержала бы меня сейчас в кресле.— Разрешите отлучиться на одну минуту.

Я торопливо вышел и сейчас же вернулся со взятым у Штейнбоков «Фаустом» и репродукциями с картин Грюневальда. Ну конечно же, первое слово заштрихованной надписи начиналось на букву «Р», последнее слово начиналось с «А», и между ними короткое слово, в два раза меньше других!

Майор ничего больше не спрашивал, взял перо и написал на листе бумаги по-немецки: «Профессор Эрих Абендрот».

Не было сомнения — книга эта и те, что хранились в библиотеке имения Грюнберг, когда-то принадлежали профессору Абендроту. Но каким образом они попали сюда и почему их разделили между Грюнбергом и Вайсбахом? Возникали и другие вопросы: зачем понадобились Кестнеру бумаги и вещи профессора Абендрота? И принадлежала ли копия Дюрера тоже профессору?

— Об этом я и спросил фрау Грубер, — майор зашагал по комнате, — но она твердо заявила, что никогда в доме Абендрота не видела этой картины, хотя прожила в нем около двадцати лет. И Кестнер, расспрашивая ее о бумагах, ни словом не обмолвился о картине.

— Тогда, — я раскрыл репродукции Грюневальда, — эта латинская надпись, о которой я вам говорил раньше, сделана, по-видимому, рукой профессора.

Воронцов подошел к столу и несколько минут смотрел на рисунок.

— Да, надпись несет в себе глубокий смысл. И может быть, относится не только к рисунку, но и ко всей жизни самого профессора. «*Omnia mea mecum porto*», — майор повторил изречение еще и еще раз.

— Посмотрите же сюда, лейтенант! — вдруг воскликнул он. — Видите?

Воронцов показал начальные буквы латинского изречения.

— «О. М. М. Р.»! — Я схватил в руки заштрихованный лист. — Те же буквы, что и на картине! Значит, все-таки копия принадлежала профессору.

— Бесспорно! Ну, а теперь вы убедились, что нам крайне необходимо заняться судьбой покойного профессора Абендрота?

Но о судьбе профессора мне пришлось узнать немного позже.

В тот момент, когда Воронцов произносил послед-

ние слова, внизу около дома остановился старенький «газик», и спустя минуту в комнату быстрыми шагами вошел Гофман. Он сообщил нам, что час назад под развалинами одного из домов был найден Мюллер. Так же, как и Шеленберга, его придавили рухнувшие кирпичи. Однако жизнь еще теплилась в нем. Находившийся около него Гофман сумел уловить несколько произнесенных им слов:

— Магазин... Парке... Ранк...

— Где его нашли? — спросил майор.

— В развалинах на Рингштрассе. Каким образом он туда попал, не знаю. Может быть, сбился с дороги в темноте и упал.

— Кто такой Парке?

— Это бывший владелец магазина по той же улице, дом № 15. Он давно умер. На месте магазина сейчас развалины. Вообще, на всей этой улице от пятого до тридцать третьего номера не осталось целым ни одного дома. Как раз сегодня с утра мы осматривали участок, где скрылись тогда неизвестные.

— Но подвалы там, конечно, есть?

— Не только подвалы, но и бомбоубежища. Целая система бомбоубежищ, ведь в этом районе находились дома наиболее имущих жителей города.

— Самочувствие его тяжелое?

— Да. Измята грудная клетка, сильно ушиблена голова. Надежды очень мало.

Лицо Воронцова стало жестким.

— Я не верю, что Мюллер мог сбиться с дороги в своем родном городе и упасть в развалины. Скорее, это дело рук кого-то из шайки Ранка. Мюллер мог случайно столкнуться с кем-нибудь из них, и тот постарался от него отделаться.— Воронцов прошелся по комнате.— До сих пор мы устанавливали факты, теперь настало время действовать.

В комендатуре подтвердилось, что двое неизвестных ускользнули от патруля как раз в районе дома № 15.

У ЗАКРЫТЫХ «ДВЕРЕЙ»

Я спрыгнул на цементный пол. После царящего наверху хаоса, образуемого горами кирпича и торчащими из них скрюченными балками, здесь было относительно

чисто. Отверстие в потолке пропускало в обширное, совершенно пустое помещение достаточно света, чтобы его можно было осмотреть, не прибегая к помощи фонаря. Через минуту рядом со мной и спрыгнувшим сюда первым сержантом Ковалевым очутился Селин. Лучших помощников мне не надо было искать.

Мы находились в центре самого обыкновенного бомбоубежища гражданского типа, какие нам приходилось видеть десятками. Слева от нас были ступеньки входа, заваленные рухнувшими стенами, прямо — запасные, наглухо закрытые двери на массивных железных петлях.

Местонахождение дома № 15 нам удалось установить с большим трудом. Самое тщательное исследование развалин не помогло найти входа в подвал. Пробиаться к нему сквозь руины было бессмысленно. Если выход был где-то в другом месте, Ранк, услышав шум, мог уйти. Захватить его можно было только врасплох.

И здесь нам на помощь неожиданно пришел Лерхе, которого мы расспросили о расположении бомбоубежищ. Он вспомнил, что в старой магистратуре должен был храниться план всех бомбоубежищ города. Хотя здание магистратуры наполовину сгорело, Лерхе с помощью Гофмана перерыл все оставшиеся бумаги и все-таки нашел план. Правда, не весь, приблизительно третья часть его сгорела. Но и оставшееся позволило судить о системе бомбоубежищ. Оказалось, что почти все бомбоубежища соединены между собой ходами и теперь, после того как большинство выходов было завалено, представляли настоящий лабиринт.

Мы решили пробираться к дому № 15 под землей двумя группами. Первую вел я, вторую младший лейтенант Меркулов. Наш подземный маршрут был точно нанесен на карту. Моей группе предстояло миновать двенадцать бомбоубежищ, Меркулову — десять, но это в том случае, если бы никому из нас не пришлось совершить обходного движения.

И все-таки гарантии в успехе не было. Сгоревшая на плане западная часть города, наиболее пострадавшая от бомбежек, являлась для нас белым пятном. Куда вели здесь запасные выходы из бомбоубежищ, оставалось только гадать.

Разыскивать бывших жителей разрушенных домов было очень сложно и заняло бы не один день. Выход

имелся только один — держать во время подземной операции эту часть развалин под наблюдением. И хотя комендантский взвод насчитывал не так уж много людей, нужных к тому же и для иных дел, другого ничего не оставалось.

Из двенадцати дверей, которые нам предстояло пройти, перед нами была сейчас первая.

Пока нам везло. Двери в бомбоубежища, которые встречались нам по пути, были либо открытыми, либо без особого труда отпирались ключами. Освещая дорогу фонарями, мы осторожно двигались вперед, преодолевая местами кучи обрушившегося с потолка щебня и кирпича. На всем пути стены, окружавшие нас, были испещрены стрелками, показывавшими ближайший выход на поверхность. Но теперь все эти указатели не могли нам помочь. Мы старались двигаться бесшумно, и только скрип петель какой-нибудь открываемой двери нарушал тишину.

Без особого труда мы проникли в соседний подвал. Коридор, пересекавший улицу, оказался целым.

Я вздохнул с облегчением. Больше всего мы опасались, что этот проход будет завален и тогда пробиться к подвалам нечетной стороны улицы было бы значительно сложнее.

Стены прохода, покрытые известью, зеленели пятнами плесени, оттуда тянуло сыростью. Пол его чуть заметно опускался вниз, под ногами захлюпала вода.

— Прорвало водопровод, — тихо сказал Селин, ощупав стену лучом фонарика, — вот здесь, наверху.

Через десяток метров черная, поблескивающая под ногами лужа осталась позади. Коридор пошел вверх. И наконец мы очутились под левой, нечетной стороной улицы. Оставалось пройти еще только одно бомбоубежище, и вот тут-то нам изменило счастье. Дверь, прикрывающая проход, висела на петлях, а рухнувшие сверху груды земли и кирпича наглухо завалили его.

Видимо, упавшая бомба нашла самое слабое место в верхних перекрытиях, и они осели вниз, уничтожив узкий коридор.

Бомбоубежище дома № 11 ничем не отличалось от других. Обычное обширное пустое помещение и те же стрелки на стенах, указывающие на несуществующие теперь выходы. В углах несколько пустых банок из-под консервов и обрывки какого-то тряпья.

Пока Ковалев осматривал с помощью фонарика стены, я занялся обвалом. Селин попытался втиснуться в дверь, но сейчас же вылез обратно.

— Вода, товарищ старший лейтенант,— он протянул мне руку. На ней была грязь.— Вода по ту сторону обвала. Водопровод прорвало и там.

— Значит, разбирать не имеет смысла? — спросил я, водя лучом в дверях.

— Смотрите, сырость до самого верха, значит, воды натекло полный тоннель,— ответил Селин.— Разберем — может и нас затопить.

Селин был прав. Единственное препятствие, встретившееся на нашем пути, оказывалось непреодолимым. И это — когда до дома № 15 оставалась какая-нибудь сотня метров! Что было делать? Возвращаться обратно и искать другие пути?

— Товарищ старший лейтенант,— подошел в этот момент Ковалев,— а ведь рухнуло-то не от бомбы.

— Как не от бомбы? — рассеянно спросил я, занятый разглядыванием обвала.

— А вот посмотрите,— сержант поднял луч вверх по стене.— Нигде ни одной трещины, даже штукатурка не осыпалась. Разве ж так могло быть?

Замечание было вполне резонным.

Препятствие, остановившее нас, было воздвигнуто искусственным взрывом изнутри. Не так-то легко оказалось добраться до убежища Ранка. Он обезопасил себя настолько, насколько это было в его силах. И, однако, это обстоятельство помогло еще раз убедиться в том, что слова Мюллера не были пустыми. Мы находились на верном, хотя пока и закрытом для нас пути. Но ведь где-то выход из находившегося впереди убежища все-таки был! Может быть, Меркулову повезло больше, чем нам? Прикладывая ухо к стене, мы поочередно прислушивались. Какие-то неясные звуки доносились сквозь них, но кто знает, откуда они исходили, изпод земли или с поверхности, где шли работы по разборке развалин.

Я разостлал перед собой план и при свете фонарика начал снова изучать его. Да, другой дороги в бомбоубежище дома № 15 не было. Попытаться, несмотря на воду, разобрать завал? Своими силами мы навряд ли сможем сделать это. Да и те, кто находился по ту сторону, несомненно, были настороже. Ведь не замуро-

вали же они себя со всех сторон! Какой-то выход у них на поверхность оставался. Любой подозрительный шум со стороны завала мог заставить их покинуть убежище, если они в нем находились. В этих условиях нам оставалось только подняться на поверхность и присоединиться к Меркулову.

Выйдя на поверхность, мы узнали, что и его группе повезло не больше, чем нашей. Проход с их стороны был также взорван, и осевшее вниз толстое бетонное покрытие делало все попытки расчистить завал невозможными. И самое главное — это был единственный коридор, который вел в систему убежищ западной части города. Другого выхода из бомбоубежища дома № 15 не было.

— Они несомненно там, — хмуро проговорил лейтенант Меркулов, рассматривая свои исцарапанные о бетон руки. — И с нашей, и с вашей стороны взрывы были произведены изнутри. Сидят, как в стальном сейфе, но дверь захлопнули совсем недавно. Посмотрите, это осталось после них, — он кивнул головой на валявшиеся рядом несколько консервных банок и скомканный плащ, основательно испачканный известью и кирпичами. — Банки внутри еще даже не подсохли. Ручаюсь, что открывали их не позже чем вчера днем. Самое милое дело открыть эти двери тем же ключом, каким они были заперты. Вложить в замочную скважину сотню килограммов тола, и они вылетят вместе с петлями.

— Или закроются еще крепче. Вы забываете, что над перекрытиями горы битого кирпича, — ответил я.

На этих горах кирпича мы сейчас и сидели, снова разглядывая план. Однако и при солнечном свете он оставался тем же, что и под лучом фонаря.

— Может быть, они замуровались сознательно, так сказать, с ритуальной целью, — пробурчал Меркулов, — принесли себя в жертву какому-нибудь фашистскому богу. Тогда уж лучше им не мешать.

Из остановившейся внизу на расчищенном асфальте машины вышел майор. Следом за ним выпрыгнул Лерхе. Я доложил Воронцову о сложившейся обстановке.

— Что вы на это скажете, Лерхе? — спросил он, беря в руки план. — Не рассчитывают же они пройти сквозь стены.

Лерхе ответил не сразу. Он окинул внимательным взглядом развалины и сказал:

— Ни одной щели, ведущей вниз, здесь нет. Я достаточно хорошо все осмотрел. По моему мнению, остается только канализация. Но тут я сказать ничего не могу: плана канализационной сети в магистратуре не сохранилось. Насколько мне помнится, главная ее магистраль проходит через центр города к реке, но есть еще несколько других.

Майор и Лерхе отошли в сторону, и техник что-то объяснил ему, показывая рукой вперед. Меркулов все с тем же хмурым лицом сидел на согнутой железной балке и тянул папиросу. Поодаль, у валявшихся на кирпичах банок и плаща расположились Ковалев, Селин и два автоматчика из группы лейтенанта.

Настроение у меня было тоже не из веселых. В самом деле, возможно, сейчас мы находились в каких-нибудь ста метрах от тех, кого так долго искали, и, может быть, от разгадки тайны, которая доставила нам столько хлопот, и были бессильны что-либо предпринять.

— Товарищ старший лейтенант,— услышал я знакомый голос,— разрешите обратиться.

Передо мной стоял Селин.

— Пожалуйста. Садитесь, где удобнее.

Он сел.

— Вы видели плащ, что нашли в убежище?

Видел ли я плащ? Конечно, видел. Плащ был самый обычный, гражданский, с пелеринкой. На нем не было ни инициалов владельца, никаких других примет, говорящих о его принадлежности.

— Видел. Ну и что же?

— А то, что, товарищ старший лейтенант, он мне кажется знакомым.

— Вы хотите сказать, что на ком-то видели его раньше?

— По-моему, видел, когда мы были у помещика Штейнбока. Помните, вы с капитаном вошли в дом, а я заливал масло? Потом пошел дождь. А шофер их, который дал мне бидон, набросил на себя точно такой плащ.

Я улыбнулся:

— В первый же дождь я обещаю вам, товарищ Селин, показать здесь, по крайней мере, десяток точно таких же плащей.

— Я это знаю, товарищ старший лейтенант,— спокойно ответил он.— Но пуговица. На том плаще была

обломлена в двух местах верхняя пуговица. Это я хорошо заметил.

— А на этом?

— И на этом тоже,— Селин принес плащ.— Вот, смотрите.

Действительно, на верхней пуговице не хватало двух кусочков. Но это обстоятельство не особенно убедило меня. Хотя Селин в свое время и был одним из лучших разведчиков взвода, в такой мелочи и он мог ошибиться. Мало ли старых плащей с поломанными пуговицами? Ефрейтор понял мои сомнения.

— Конечно, товарищ старший лейтенант, я утверждать не могу, но сдается мне, что пуговица сломана совсем так же, как и та.

— Шофер вам не показался подозрительным?

— Нет, да я его и видел очень мало. Пока я поднимал тент, он прошел в дом, а потом вышла хозяйка, сняла с него плащ и надела на себя, и, когда уже вы с капитаном сидели в машине, она пошла накрывать брезентом молотилку.

Да, в тот момент и я видел фрау Штейнбок, возившуюся с брезентом. Меня и тогда удивило, почему именно она пошла к машине, когда во дворе был другой человек. Этот плащ был очень похож на тот, который я видел на фрау Штейнбок в последний раз. Я и сейчас помнил, как она, провожая нас, беспомощно и в то же время кокетливо улыбнулась, вытирая испачканный рукав. Эта пришедшая на ум деталь заставила меня тщательно осмотреть рукав, отряхнув его предварительно от кирпичной и известковой пыли.

— Вы можете определить, что это за пятно? — обратился я к Селину.

Он внимательно осмотрел его со всех сторон и даже поднес к носу.

— По-моему, масло, товарищ старший лейтенант. Обыкновенное смазочное масло.

— Ну, если так, то вы, пожалуй, не ошиблись,— в раздумье сказал я.— Могу вас поздравить, глаза ваши не уступают фотоаппарату.

Я подошел к майору, все еще беседующему с Лерхе, и коротко объяснил ему, в чем дело.

— Все это вполне правдоподобно,— сказал он.— Мы здесь пока справимся и без вас. Лучше всего отправляйтесь в Вайсбах. На месте вам все станет ясно.

ВТОРОЙ ИНГРЕДИЕНТ

Дежурный сержант в комендатуре Вайсзее сказал мне, что комендант у себя дома.

Крайнев мылся после дороги, но на правах старого друга я прошел в его комнату. Вытирая полотенцем голову, он вышел мне навстречу.

— Наверное, поругиваешь, что не заглянул, как обещал,—сказал он, пожав мою руку влажной холодной ладонью.— Три дня отсутствовал. Дела. Район сельскохозяйственный, для нас реформа—главное дело. Но теперь уже скоро. Народ первый раз по-настоящему вздохнет. Ну, а тебя опять интересует Штейнбок?

— Больше, чем прежде. Одевайся, а я пока буду рассказывать.

— Так,—сказал он, выслушав мой рассказ.—Что же, все вполне закономерно. Эти люди затаились до поры до времени и ждут только удобной минуты, чтобы начать действовать. На многое они, конечно, не рассчитывают, но убийства, саботаж, поджоги—это еще в их силах. Расчет на слабонервных. А как наша милая хозяйка чистила рукав плаща, я тоже помню. Каким же, черт возьми, путем плащ попал в логово этой шайки?

— Кто такой их шофер?—спросил я вместо ответа.— Ты его знаешь?

— По их словам, работает в имении уже лет двадцать. Был на фронте, вернулся контуженный... Вообще-то, я уточнял, так оно есть и на самом деле. Едем?

— Если ты не устал.

— Коменданту уставать не полагается по уставу,—рассмеялся Крайнев.— А посещение Штейнбока все равно входит в мои обязанности. Машину возьмем опять мою.

— Теперь это не имеет значения.

Залитая ярким полуденным солнцем кубическая громада дома имения Вайсбах на этот раз не показалась мне такой мрачной, как при первом знакомстве. Еще с вершины холма мы заметили во дворе людей и несколько напряженных лошадей подвод.

Въехав в ворота, мы увидели такую картину. На крыльце, окруженный десятком людей, стоял приземистый лысоватый человек в сапогах и галифе. Похоже было, что он обращался к ним с какой-то речью. Наше появление оказалось для всех неожиданным. Все по-

вернулись в нашу сторону, а стоявший на крыльце человек растерянно остановился на полуслове. Однако он быстро взял себя в руки, повелительным жестом заставил всех разойтись к подводам и неторопливо спустился вниз со ступенек.

Мясистое, с крупными чертами лицо его было гладко выбрито. Между пухлыми розовыми губами светился ряд золотых зубов. Темные щелки глаз под белесыми бровями показались мне очень знакомыми — они были точно такие же, как и у старика со слуховой трубкой.

Я догадался, что навстречу нам шел сам Штейнбок.

— Рад, что вы приехали, господин комендант, — голос у него был низкий и немного сипловатый. — А я только что хотел навестить вас сам.

— Вот как? — Крайнев вышел из машины. — И чему же я был бы обязан такой честью?

— Да вот мы здесь решили, что ждать больше нельзя. Эти люди слишком долго работали, и они должны получить свое. Почему, собственно, мы должны ждать распоряжение свыше? Разве нам здесь не виднее, что нужно сделать, чтобы восстановить справедливость? Мы всегда жили одной семьей, сообща вкладывали свой труд в нашу землю.

— Подождите, подождите, — остановил его Крайнев, — я что-то не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Господин Штейнбок решил провести реформу сам.

Мы обернулись. Позади стояли Ринге и еще несколько батраков. Штейнбок нахмурился:

— Вы получили свое и идите. Здесь решится вопрос и без вас.

— Одна из особенностей реформы как раз заключается в том, господин Штейнбок, что ни один вопрос не решается без них, — Крайнев кивнул головой в сторону Ринге и его друзей.

— Мы тоже так думаем, — Ринге остановил жестом руки тех, кто хотел отойти. — И лучше подождем, что скажет настоящая реформа.

Штейнбок горько усмехнулся.

— Этот человек никогда не был доволен. Я столько лет содержал его брата, в трудные минуты он и сам кормился около меня. Сейчас я ему даю больше, чем другим, и вот благодарность...

Морщинистое лицо Ринге потемнело. Сжав кулаки, он шагнул вперед:

— Мне не нужно подачек, господин Штейнбок. Мой брат оставил половину жизни на вашей земле, да и моих соков в ней немало.

Ринге круто повернулся и зашагал по двору.

— Видели, господин комендант, все довольны, только что благодарили меня, а один человек готов все испортить.

— Так о чем здесь все-таки идет речь? — спросил Крайнев.

— Дело в том, господин комендант, что я прекрасно понимаю благотворные последствия социальных перемен. Мы в старых условиях были бессильны что-либо изменить, провести какие-то оздоравливающие мероприятия. Но теперь... Теперь у нас самое широкое поле деятельности.

— Господин Штейнбок, — перебил Крайнев, — исторические факты и сопоставления меня не интересуют, я все еще не знаю, что здесь происходит.

— Я решил восстановить справедливость, господин комендант. Свой второй дом мы уже передали под организацию коммуны. Теперь я хочу отдать тем, кто помогал мне работать, излишки земли и инвентарь. Имею ли я право на это или комендатура будет чинить мне препятствия?

— Мы восхищены вашим великодушием, которое тем более трогательно, что до реформы осталось так немного. Но мне кажется, господин Штейнбок, что те, кто ее составляет, учтут интересы всех безземельных крестьян значительно полнее, — Крайнев подчеркнул слово «всех». — Да и ваши батраки, как мы только что видели, не особенно восторженно...

— Один только этот смутьян, — злобно перебил Штейнбок, — один только он. Кто откажется от такого подарка?

— Оставим пока этот разговор, господин Штейнбок. Может быть, вы пригласите нас в дом?

— О, простите, — пробормотал тот, — я так был занят всеми этими делами. Прошу, пожалуйста, за мной.

Грузно ступая толстыми ногами, затынутыми в голенища сапог, он двинулся к дому.

Пока происходил весь этот разговор, я наблюдал за Штейнбоком. Роль благодетеля своих батраков ему явно не удавалась. В этом отношении ему следовало бы кое-чему поучиться у дочери. Ход, задуманный им, конеч-

но, меньше всего был рассчитан на то, чтобы обмануть нас. Для этого он выглядел слишком наивно. Расчет крылся в другом — привлечь на свою сторону работающих в имении батраков, настроить их против нас, если мы не утвердим его «подарка». Потому-то маленькие глазки Штейнбока, обращенные на Ринге, вспыхнули ненавистью, когда тот осмелился отказаться от «подарка».

Когда мы поднялись по ступенькам, я еще раз оглядел двор. Около конюшни стояла группа людей, о чем-то оживленно беседовавшая. В центре ее поднималась высокая фигура энергично жестикулирующего Ринге.

В огромном зале было все так же пустынно и мрачно. Даже сиявшее на дворе солнце, пробиваясь сквозь окно, не могло разогнать господствовавшего здесь полумрака.

Штейнбок указал на стоявшие у стола кресла.

— Прошу. Они скрипят, но еще держатся. В моем доме, к сожалению, все уже пришло в ветхость...

— Господин Штейнбок,— сказал я,— не будем терять времени. У меня есть к вам один вопрос.

Еще во дворе я заметил, что глаза хозяина с какой-то скрытой тревогой следили за мной. Новое, незнакомое лицо, наверное, настораживало его.

— Пожалуйста. Рад служить, чем могу.

— Когда вы в последний раз видели Витлинга?

В эту минуту я пожалел, что мы ушли от дневного света, и какая тень промелькнула в маленьких темных глазах Штейнбока, осталось для меня неясным.

Неожиданно он засмеялся дребезжащим смехом.

— У меня столько бывает посетителей из соседних имений, что сказать точно...

— И все они бывают по делу?

— Конечно. Теперь не время для званных обедов.

— И все дела, которые вы с ними имеете, заносите, конечно, в особую книгу?

Он кивнул головой.

— Витлинг был тоже по делу?

— Не совсем. Речь шла о долге его хозяина. Я считал, что управляющий обязан расплатиться за него, если того нет в живых...

— Витлинг отказался?

— О покойниках плохого не говорят, но это был очень упрямый, несговорчивый человек.

— И вы согласились?

— Я пытался его убедить, но все оказалось напрасным.

Голос Штейнбока становился все увереннее. С каждым его ответом я убеждался, что он заранее подготовился к вопросам.

— Вы разговаривали с ним здесь или в Грюнберге?

Штейнбок ответил не сразу. Казалось, он колебался, не зная, насколько далеко распространится наша осведомленность.

— И здесь и там. Я ехал в город и завернул по пути в Грюнберг... Вы разрешите оторваться на одну только минутку, я позову дочь. Нужно отдать кое-какие распоряжения по хозяйству. Элизабет! — крикнул он, подойдя к одной из дверей, затем вернулся к столу.— Слушаю вас.

— А теперь, господин Штейнбок,— сказал я, посмотрев ему в глаза,— скажите, что вы знаете о профессоре Абендроте?

Вот с этого мне и надо было начинать. Даже полумрак зала не смог скрыть бледности, которая разлилась по мясистому лицу хозяина. Этот вопрос, казалось, вызвал у него нервный удар. Тяжелое тело его обмякло и опустилось в заскрипевшее под его тяжестью кресло. Такого эффекта не ожидали ни я, ни Крайнев. Последний подошел к столу и налил из графина воды в высокий граненый стакан.

— Фрау Штейнбок,— обернулся он к показавшейся в это мгновение встревоженной хозяйке,— помогите, пожалуйста, отцу: ему плохо.

— Это сердце,— прохрипел Штейнбок,— проклятое сердце. Все чаще и чаще. Оно загонит меня в гроб... Так о чем вы спросили,— сказал он глухим голосом,— о профессоре, профессоре...

— Абендроте,—медленно и ясно повторил я.— Может быть, вы, фрау Штейнбок, ответите на этот вопрос?

Она держала взятый у Крайнева стакан, который так и не успела подать отцу. Лицо ее оставалось каменно спокойным.

— Не понимаю, о чем вы говорите,— холодно ответила она, ставя стакан на стол.—И вообще не знаю, чего добиваетесь. Можете отнять у нас все — это ваше право, право сильного, но издеваться над людьми, которые не могут ответить вам тем же...

— На это обвинение я отвечаю, фрау Штейнбок,—

сказал я,— если вы сейчас принесете сюда плащ, в котором были, провозжая нас в прошлый приезд...

Дочь оказалась покрепче отца. Но и на этот раз удар, несомненно, достиг цели. Кровь отхлынула от ее лица, пальцы вцепились в угол стола.

— При чем здесь плащ? Он принадлежит моему шоферу. Я надела его случайно. Может быть, вчера он променял его вашему солдату за бутылку водки...

— Значит, его нет?

— Я ничего не утверждаю,— зло сказала она.— Но я не обязана знать, как распоряжаются своими вещами мои слуги.

— В таком случае, я думаю, и вам, и вашему отцу лучше говорить все.

Она окинула меня презрительным взглядом:

— А я думаю, что эта провокация вам не удастся и вы напрасно тратите время.

— Что ж, останемся каждый при своем мнении.

Больше ничего добавлять я не стал. Наглость этой женщины начинала меня раздражать. Я подошел к двери и позвал Селина.

— Останетесь здесь,— сказал я ему.— Эти люди никуда не должны уходить отсюда.

Все это время исподлобья смотревший на нас Штейнбок глухо спросил:

— Это значит, что я арестован?

Не ответив, я повернулся к фрау Штейнбок:

— Как лучше пройти в вашу библиотеку?

Бросив на отца быстрый взгляд, она упрямо сжала губы. Как ни старалась она держать себя в руках, в этом коротком взгляде я не мог не заметить отчаяния. Но она не двинулась с места.

Я пожал плечами:

— Тогда мы найдем ее сами.

И хотя на лестнице, ведущей на второй этаж, нам не попало ни души, мы нашли библиотеку. Расположение комнат второго этажа этого дома во многом напоминало Грюнберг. Библиотека здесь также являлась одновременно и кабинетом.

— Что ты рассчитываешь здесь найти? — спросил Крайнев, останавливаясь на пороге.— По-моему, оснований для задержания этой пары вполне достаточно. Что тебя интересует? Картины?

— Пока я ничего не думаю, но в Грюнберге все свои

находки мы делали в библиотеке. Бери левую сторону комнаты, я возьму правую. Начнем с книг. Если найдешь что интересное — зови меня.

Я не помню случая, чтобы нам повезло больше, чем на этот раз.

Не успел я снять с полки вторую книгу, как услышал за своей спиной удивленный возглас. Крайнев протянул мне объемистый том в темно-зеленом переплете.

— Открой,— сказал он, прищурясь.

Я открыл переплет. Это был один из томов «Истории немецкой литературы» Франке. Заштрихованной надписи на нем не было.

— Не там, открой в середине.

Я последовал его совету и чуть не уронил на пол пакет. В нем находилась толстая тетрадь в синей обложке. На ней в углу я заметил надпись карандашом: «Передаю начало зап. В. и второй ингредиент. Третий доставлю сам». Ни подписи, ни числа не было, но я не сомневался, что держу в руках пропавшие из Грюнберга записи Витлинга. По-видимому, эти бумаги были готовы к отправке.

— Второй ингредиент,— произнес Крайнев, смотревший через мое плечо на запись.— У тебя имеются по этому поводу какие-нибудь соображения?

— Если за первый принять копию,— в раздумье произнес я,— то...

— То вторым должна являться тоже картина? Но в этой комнате я не вижу ни одной. Значит, это не картина или ее здесь нет. Минуту,— вдруг остановил он сам себя.— Ты обратил внимание, сколько здесь пыли! Ручаюсь, что с неделю этих полок не касались ни тряпка, ни щетка. Хозяйка, наверное, эти дни была занята куда более важными делами. Ты знаешь, почему я снял первой именно эту книгу? Думаешь, интуиция? Ничего подобного. Мне просто показалось, что слой пыли на полке перед нею немного тоньше, чем перед остальными. Так вот, давай этот факт и возьмем за основу. Если неаккуратность хозяйки один раз помогла нам, почему она не поможет второй? Давай продолжим поиски: если пакет и этот второй ингредиент доставлены сюда одновременно, то мы его найдем.

— Ты мыслишь безупречно,— сказал я.— Что ж, давай начнем. Деление комнаты остается прежним.

На моей стороне, кроме полок с книгами, находился

длинный, похожий на сервант, шкафчик, на котором стояли различной формы вазы и фарфоровые статуэтки. Тончайшая серебристая пленка пыли покрывала гладкую полированную поверхность шкафчика. Одну за другой я приподнимал статуэтки и убеждался, что под ними оставался свободный от пыли отпечаток основания. Давно уже их не трогали с места. В вазе к тому же лежала пыль и на внутренних стенках. Последней оказалась небольшая ваза, мало отличающаяся от двух других, стоявших рядом. Я приподнял ее. На серванте остался отпечаток не круга, а тонкого кольца. Вазу поставили сюда позже всех остальных стоявших рядом с ней предметов. И в середине ее пыли было значительно меньше. Я внимательно осмотрел ее со всех сторон. Она была цилиндрической формы на массивной литой подставке. Стенки ее были покрыты тончайшей резьбой — замысловатым восточным орнаментом. По теории Крайнева, это и должен был быть второй ингредиент. Но так ли это на самом деле? Как это проверить? Я знал, что ни Штейнбок, ни его дочь не подтвердят этого.

Я постучал пальцем по стенкам вазы и услышал ясный мелодичный звук. Несомненно, она была вылита из чистого серебра. На обратной стороне подставки был вдавлен в металл четырехугольник пробы. Я поднес его к глазам и вдруг вместо цифр увидел четыре буквы «О. М. М. Р.».

Да это и был второй ингредиент!

— Товарищ капитан,— позвал я Крайнева, торжественно ставя вазу на письменный стол.— Ваш метод гениален. Вы имеете все данные, чтобы стать первоклассным детективом.

Он поклонился с серьезным видом, а потом бросил хмурый взгляд на свои испачканные пылью одежду и руки.

— Нет уж, увольте. Никогда не думал, что эта работа настолько пыльная. И, честно говоря, не думал, что все закончится так быстро. Просто обидно, что хозяева были такого низкого мнения о наших умственных способностях.

— Теперь они заговорят. Другого им ничего не остается. И все-таки очень правильно, что мы вели себя так осторожно в наш прошлый приезд. Вызови мы малейшее подозрение, и сегодняшней удачи не было бы.

Темнело, когда наша машина въезжала в Нейштадт.

Мои предположения, что под давлением обстоятельств отец и дочь станут разговорчивее, не оправдались. Оба они утверждали, что ни о тетради, ни о вазе ничего не знают. Книга, по их словам, была давно куплена в букинистическом магазине вместе со многими другими и они никогда не открывали ее. Ваза тоже была приобретена у антиквара вместе с двумя другими.

Штейнбок отвечал на вопросы немногословно и был в подавленном состоянии, но зато у дочери несколько не убавилось самоуверенности. Она категорически отрицала всякое знакомство с Кестнером и Бодмером, имя профессора Абендрота ей было совершенно не знакомо.

В Нейштадте за мое отсутствие ничего не изменилось. Попытки пробиться к заваленному бомбоубежищу были временно прекращены, а вся окружающая местность взята под наблюдение. Но в развалинах пока царили тишина и покой.

СУДЬБА ПРОФЕССОРА АБЕНДРОТА

Тетрадь, привезенная из Вайсбаха, была исписана крупным отчетливым почерком. Мы сейчас же узнали в нем руку Витлинга.

«Впервые за двенадцать лет я берусь за перо с давно позабытым чувством уверенности, что мои записи не попадут во враждебные мне руки. Нет больше нужды ни скрывать написанного, ни прибегать к методу Эзопа. Двенадцатилетняя кровавая трагедия закончена. Я начал и закончил ее простым незаметным статистом.

Но сколько жизней она унесла, прежде чем опустился занавес! Нет больше Эриха, Анны, нет Вернера, погиб Карл. Правда, для меня Карл погиб значительно раньше, когда они сумели растлить его душу и сделали тупым орудием в своих руках.

Странное чувство овладевает мною сейчас, когда я сижу за столом и пишу эти строки. Впервые за много лет я услышал щебетание птиц, шелест листвы за окном. Барабанная трескотня, под которую бесновались малые и большие фюреры, не долетала сюда, в эти горы, но она всегда стояла в моих ушах. Да мог ли я ее не слышать, когда она гремела над Германией, моей Германией, где гибли в застенках лучшие представители нации? Начало

было трагическим, конец — ужасным. Кто воскресит миллионы погибших и замученных людей?

Но зачем я это пишу? Ведь я взял перо совсем не для того, чтобы изрекать истины, известные теперь любому мальчику. Наверное, пишу потому, что все эти мысли выстраданы в те долгие ночи и дни, которые я провел здесь почти в полном одиночестве.

Десять лет назад, когда Ранк потребовал от меня сведения об Эрixe, я сжег свой дневник. Было ли это проявлением трусости? Боялся ли я за себя? Не знаю. Но в тот момент мне казалось, что опасаясь я только одного, чтобы дневник не попал в другие руки. А дальше? Дальше я принял предложение Ранка. Я пошел на службу к палачам Эрixa, иначе мне могло грозить то же, что и ему. Струсил ли я снова? На этот раз я мог ответить твердо: нет.

Эрих мог быть спокоен — я не нарушил бы ни одного его завета.

Как сейчас я помню наши последние редкие встречи. Эрих работал. Как он работал это время! Он будто чувствовал, что это были его последние дни.

Однажды, перешагнув порог его комнаты, я не узнал всегда невозмутимого лица Эрixa.

— Гейнц,—воскликнул он, протягивая мне газету,—объясни мне, что происходит в Германии? И кто в ней сошел с ума — мы или эти люди?

Я знал, что так возмутило Эрixa. Это было сообщение о том, что группа ученых, в жилах которых текла не совсем арийская кровь, подала просьбу разрешить им продолжать свои научные изыскания. И им было отказано.

— Что случилось в этом мире, Гейнц? — Эрих потряс газетой над головой.—Некий доктор Лей заявляет с трибуны, что любой арийский дворник полезнее неарийского академика. Сотни ученых увольняются за неблагонадежность! Куда мы идем, Гейнц? Объясни мне, пожалуйста!

Что я мог ответить? Сказать, что так дело обстоит не только в науке и искусстве, что тысячи и тысячи людей арестовываются, заключены в лагеря, подвергнуты пыткам, убиты? Если бы он не был так занят своей работой и хотя бы один раз посмотрел вокруг так же внимательно, как смотрел на палитру, то увидел бы все это и сам.

И он, кажется, сделал это, потому что я не замечал в нем больше былой жизнерадостности. Он стал угрюм, замкнулся в себе.

— Гейнц,— как-то сказал он,— моя работа почти закончена. Но я не рад этому. Ведь они все, что только возможно, используют в своих интересах.

Я знал, что то, над чем работал Эрих, безусловно, могло умножить его славу как художника. Но я знал также, что нацисты любой его труд используют для своих целей. В Германии тех дней иного применения не могло быть ничему. И я не стал скрывать этого.

— Ладно, Гейнц,— произнес он каким-то чужим, незнакомым голосом.— Помнишь, когда мы сидели с тобой еще на школьной скамье, мы дали клятву быть всегда честными? Не настало ли время вспомнить об этом?

Написав все это, я снова задумался над тем, кому нужны мои воспоминания. Ведь самого главного, что завещал мне Эрих, я не выполнил, хотя был не так далеко от цели. И все-таки я пишу, потому что мне не с кем делить свои мысли, потому что я привык не к людям, а к бумаге, привык к одиночеству. И еще потому, что мне навсегда запомнился этот трагический день, последний день, в который я видел Эриха.

За два дня до него взяли Вернера. Несколько месяцев он скрывался, жил по нескольку дней у Эриха, который очень любил его. Этот маленький, щупленький человек мог стать известным художником, не меньшим, чем Эрих. Но у него были особые качества. Он мог бросить картину, для которой не хватало всего несколько мазков, картину, которая могла бы принести ему славу, и бросить только потому, что она перестала его увлекать. Он не только не гнался за славой, но даже смеялся над ней. Этот человек был полон иронии к окружающему, у него был глаз сатирика. Он мог бы стать Вольтером в живописи, но он создавал только великолепные копии с картин прославленных мастеров. И при всем своем скептицизме был страшно доволен, когда какую-нибудь из них путали с подлинником.

Создай он портреты руководителей рейха — и ему было бы обеспечено полное благополучие. Но на первое же такое предложение он ответил, что не умеет писать декорации для фарса.

Спустя два дня после нашей последней встречи с Эрихом случилось несчастье.

Я узнал об этом на следующее утро и спустя час был уже у него в доме. Да, этот день врезался мне в память на всю жизнь. Я запомнил мертвенно бледное лицо Анны и ту странную тишину, которая господствовала в доме.

Я опоздал — за Эрихом уже пришли. Когда я вошел в кабинет, он стоял у своего стола удивительно спокойный, только немного бледный, и, старательно протирая платком стекла очков, наблюдал за обыском, который уже подходил к концу.

Меня спросили, кто я такой.

— Мой школьный товарищ, — ответил за меня Эрих таким голосом, словно представлял меня присутствующим. — Мы сидели за одной партией, но можете быть спокойными, тогда политика нас не интересовала.

— Товарищ государственного преступника? — значительно произнес высокий человек с неприятными ключими глазами. — Пройдите в соседнюю комнату, вам придется дать кое-какие показания.

— Господин Ранк, — уже в дверях услышал я насмешливый голос Эриха, — вы были одноклассником Вернера, не обвинят ли и вас в общении с государственным преступником?

Тогда я не обратил на фамилию Ранк никакого внимания, я был просто раздавлен происшедшим. Эрих внешне оставался все так же спокоен. Мне удалось встретиться с ним глазами, и его взгляд потряс меня больше, чем все происшедшее. Он что-то хотел сказать мне, я это чувствовал совершенно ясно. Но у него не было для этого возможности.

Дверь в комнате, где теперь я сидел под наблюдением здравовенного штурмовика, была приоткрыта, и я прислушивался к тому, что происходило в кабинете. Я не мог не уловить, что голос Эриха стал значительно громче. Мне казалось, что он делал это для того, чтобы я услышал его, потому что вопросы, обращенные к нему, до меня не долетали.

— Я ошибся в своих силах, господин Ранк, — говорил Эрих, — моя работа оказалась бесцельной. Все прочее я уничтожил. Берите меня, какой я есть. Помните латынь? «*Omnia mea mecum porto*».

Он дважды повторил это изречение.

Конечно, Ранк не помнил латыни. Эрих это прекрасно знал. Слова были обращены ко мне. Я не мог этого не понять, потому что мысленно был там, в кабинете, рядом с Эрихом и чувствовал на себе его выразительный, стремящийся так много сказать взгляд.

Потом его увели.

Меня не тронули, только записали фамилию и адрес.

Я остался с Анной. Оставить ее тогда было просто невозможно. Она лежала на диване и молчала. Лицо ее ничего не выражало. Оно было удивительно безразличным. И это меня больше всего пугало. В таком состоянии люди способны на что угодно. Я сидел рядом, не в силах произнести ни одного слова.

— Гейнц,—наконец сказала она едва слышно,—мы больше никогда не увидим Эриха...

Я пытался ее утешить.

Она упрямо покачала головой.

— Нет, Гейнц, не надо. Эрих давно подготовил меня к этому. В последнюю минуту он что-то хотел сказать мне и не успел. И вам тоже... Вот,—она протянула мне руку, в которой лежала скомканная бумажка.—Он писал вам, но ему не дали закончить.

Я расправил бумагу. С тех пор прошло много лет, но я и сейчас вижу не только этот листок, но и каждую букву на нем.

«Гейнц, ты мне очень нужен. Приходи немедленно. Если не успеешь — знай, я назначаю тебя своим душеприказчиком. Помни — картина и...»

Я смотрел на скомканную бумажку, и снова передо мной вставали знакомые близорукие глаза, выражение которых я так и не понял. Эх, Эрих, Эрих, зачем тебе понадобилось быть таким многословным? Четыре строчки — и в них только одно слово, говорящее о чем-то определенном. Если бы ты сразу начал с него! Но ты не знал, что тебя так быстро прервут.

— Почему он не позвонил мне? — спросил я жену Эриха.

— Телефон не работал с вечера. Они отрезали нас от всех.

— О какой картине он говорит?

Анна печально улыбнулась.

— Ничего не знаю, Гейнц, ничего. В последнее

время Эрих был таким скрытным. И потом это странное общение с нацистами... Я его совсем не узнавала... Он не любил этих людей, но все их заказы... Он часто уединялся с Вернером. И теперь этот арест. Я ничего не понимаю, ничего...

Да, я тогда многого не понимал в поведении Эриха...

На следующий день Анна исчезла. Отправили ли ее вслед за мужем или ей удалось скрыться у друзей, я так и не узнал. Ранк на допросе кричал на меня, требовал, чтобы я сообщил ее местонахождение. Еще настойчивее он требовал сведений о пропавших картинах Эриха. Ни в первом, ни во втором случае он ничего не добился. Никакая пытка не могла вырвать из меня того, чего я не знал. И, может быть, в эти минуты я был рад, что Эрих не сумел сообщить мне большего.

Через несколько месяцев до меня дошла весть, что Анна умерла. К тому времени меня оставили в покое. Но я ни на минуту не мог забыть Эриха. Часто, глядя на его неоконченную записку, я думал о том, что хотел сказать Эрих. Что было главным для него — записи или картины? По-видимому, последнее. Чем чаще я думал об этом, тем большей проникался уверенностью, что это так.

Эрих назначил меня своим душеприказчиком, но не успел высказать свою волю. И все-таки я знал, что она заключается в том, чтобы плоды его труда не попали в руки палачей. Не знал я только одного — каким образом выполнить желание Эриха.

И тут я вдруг удостоился неожиданной чести. У дверей моего дома остановился черный лимузин Ранка. Вот тогда-то он и предложил мне ехать в Грюнберг, куда были доставлены многие книги и записи Эриха, и добиваться цели, которая у нас с Ранком была, по-видимому, совершенно одинакова.

— Почему вы не узнаете у него сами, где находится то, что вас интересует? — спросил я.

— Ваш школьный товарищ слишком упрям, — с раздражением ответил он. — Ему приятнее носить полосатый костюм. Но вам-то этого не хочется? И потом, добившись успеха, вы облегчите его участь. Даю вам слово.

Я горько усмехнулся. Слову Ранка я, конечно, не

верил, но в конце концов путь, который он мне предлагал, был для меня единственным, если я хотел добиться цели.

Так я стал нечто вроде управляющего Грюнбергом. В тот момент я еще не знал, что Ранк солгал и что Эрих уже умер в концлагере, не надолго пережив Вернера.

Началась война, и Ранку стало не до меня. Но то немногое, что мне удалось узнать, ни в какой степени не могло окупить затраченное время и энергию. Мои поездки к Штейнбоку тоже ничего не дали и...»

Это была последняя страница тетради. В ней мы обнаружили еще отдельные, плохо связанные друг с другом записи.

«...Когда я вечерами просиживал здесь, в библиотеке Грюнберга, изучая бумаги и книги, оставшиеся от Эриха, я неизменно приходил к одному заключению: ни сам Эрих, ни склонный ко всему оригинальному Вернер не могли так тщательно спрятать свою тайну. Думать так меня прежде всего заставляло одно обстоятельство, о котором я вспомнил совсем недавно.

Если бы однажды, находясь в доме Эриха, я не был столь рассеян, возможно, все сложилось бы иначе. Я отлично помню многие другие разговоры, но этот почти весь прошел мимо моих ушей. Такова уж сила случайности. И эта случайность заключалась в том, что я в тот вечер увлекся только что приобретенным Эрихом великолепным альбомом репродукций Гойи. Правда, нельзя сказать, что я ничего не услышал из этого разговора, но главное, то, что я тогда счел игрой фантазии Эриха, так и не осталось в моей памяти.

Это было незадолго до всех трагических событий. Мы сидели в круглой комнате — Эрих, Вернер, Анна и я. Эрих только что вернулся от антиквара, откуда привез увлекшие меня офорты и две серебряные вазы. В этих вазах, по-моему, было не так уж много от настоящего искусства, но Эрих утверждал, что они представляют великую ценность не сами по себе, а некоей тайной, которая якобы скрыта в них. Эрих всегда приходил из лавки антиквара не в меру восторженным. Старинные вещи, впитавшие в себя пыль веков, будили в нем романтика. Эрих обладал удивительным даром воссоздавать историю любой вещи, на которой поче-

му-либо останавливалось его внимание. В этой области он мог бы стать непревзойденным новеллистом. И именно поэтому я и не придавал значения восторгу Эриха и занялся пахнувшим временем и нафталином фолиантом, заключающим в себе слепки таланта великого мастера живописи. Я перелистывал офорт за офортом, любуясь нежным колоритом созданных Гойей ранних портретов, и в который раз поражаюсь трагической фантастике его знаменитых «Капричос» — этому яростному нападению на человеческие подлость и порок. Несмотря на то что я не однажды видел эти фантастические картины, которые, казалось, могли возникнуть только в воспаленном воображении, в тот раз они особенно поразили меня. Пожалуй, именно тогда, в трагический момент истории моей Родины, я мог ощутить это с такой потрясающей силой.

Я медленно листал репродукции и думал еще о том, что какие-то периоды в жизни Эриха и Гойи были очень похожи. Ведь было такое время в жизни последнего, когда он, откровенно презирая жизнь высшего общества, стал придворным живописцем испанских Бурбонов. И разве Эрих, несмотря на свою ненависть к фашизму, к нацистским бонзам, не идет сейчас по тому же пути?

Вот эти мысли и не дали мне возможность услышать то, что услышать было крайне необходимо. До моего сознания доходили только отдельные слова. Эрих говорил очень восторженно о том, что поведал ему владелец лавки. Это была довольно занимательная история о вольнодумце, который жил в далекие времена здесь, в доме, находившемся на месте нынешнего, о человеке, чем-то похожем на Эразма Роттердамского, борвшемся на стороне восставших крестьян не только против католицизма, но и религии вообще и бывшем другом Томаса Мюнцера. Кажется, он погиб от рук церковников, но его трактаты, приводившие в трепет духовенство и так и не попавшие на печатный станок, остались найденными. Он спрятал их достаточно надежно, а ключ от тайны скрыл в копии одной из картин Дюрера и двух вазах, которые сегодня и попали в руки Эриха. Но самым интересным оказалось еще одно обстоятельство. По удивительному совпадению человек этот носил одну с ним фамилию. Только имя его было Магнус. Магнус Абендрот. История эта чрезвычайно

заинтересовала Эриха, тем более что антиквар обещал ему отыскать и третье основное звено тайны — картину.

Впервые я вспомнил об этом здесь, в Грюнберге, когда увидел копию «Молодого человека» Дюрера. Ранк привез ее сюда вместе с остальными вещами. Значит, Эрих все-таки сумел ее приобрести и, наверное, перед самым своим арестом, иначе бы я об этом знал.

Кто подсчитает, сколько часов просидел я над этой картиной! Временами я забывал о тайне, которая была в ней скрыта. Я думал о том, кто ее создал. Это был, бесспорно, большой мастер. И главное...»

На этом первый листок обрывался. Запись на втором была значительно короче.

«...Я не смог понять до конца в те дни ни Эриха, ни Вернера. Ничто не могло заставить меня усомниться в их честности. Но их поведение. Они отгородились...»

Здесь несколько строк были тщательно зачеркнуты, дальше можно было разобрать: «Кому-то сегодня нужно это больше, чем наци... Кому? Если...»

На этом записи Витлинга обрывались.

Мы сидели втроем — майор, Гофман и я в кабинете первого. Многое становилось теперь ясным.

Первым нарушил молчание Гофман.

— Мне кажется, я слышал имя профессора Абендрота в концлагере. Он умер за несколько месяцев до моего ареста, но многие заключенные помнили о нем.

— Его бывшая служанка фрау Грубер утверждает, что, по крайней мере, год до своего ареста Абендрот не покидал Лейпцига. Значит, разгадка находится, по-видимому, там, а ключ от нее здесь, но между ними пока демаркационная линия. — Майор встал из кресла и прошелся по комнате. — Но почему Ранк и все прочие спустя столько лет снова взялись за это дело? По собственной инициативе или получили от кого-то приказ? От Штейнбоков нам пока ничего не добиться. Им может развязать язык только очная ставка с сообщниками. — Он круто повернулся и остановился около стола. — Ваши полицейские все на месте, Гофман? Это надежные ребята?

Гофман чуть заметно улыбнулся.

— Они ненадежны только в том смысле, что я не доверил бы им ни жизнь Ранка, ни жизнь его сообщников. Половина из них побывала в концлагере.

— Завтра с утра мы начнем операцию под землей. Ваши с Меркуловым группы,— обратился майор ко мне,— будут ударными. Задача — выгнать на поверхность тех, кто засел внизу. Кстати, Гофман, как состояние Мюллера и фрау Шмидт?

— Без перемен, но за нее опасаться не приходится. В живых она, конечно, останется. А вот за кондитера не поручусь.

— Товарищ майор,— сказал я, когда мы остались одни,— у вас была жена Лерхе?

Он кивнул головой.

— Искала вас. Она сообщила, что не один раз видела Витлинга у Штейнбоков, несмотря на то, что замечала неприязнь, которую питали они друг к другу. Особенно не любил управляющего муж фрау Штейнбок — Пельцер.

— Муж? Разве она замужем?

— Несколько месяцев назад официально развелась. Не хотела иметь дело с нацистом. Нечто вроде запоздалого раскаяния. Он бывал в Вайсбахе только изредка. Но самое интересное, что Лерхе утверждает, будто видела его в сопровождении неизвестного ей человека недалеко от Грюнберга в тот день, когда шла передать вам слова Шеленберга...

— В тот день? Значит, это они следили за мной по дороге в Мариендорф и кепку кого-то из них я поднял в лесу.

— Возможно, но пока оставим это. Время уже позднее, идите набирайтесь сил. Завтра предстоит, по всем данным, нелегкое дело. Война для нас еще не окончилась. Однако где же все-таки находится третий ингредиент? Вот что я хотел бы знать.

ПОД ЗЕМЛЕЙ И НА ЗЕМЛЕ

У нас была единственная возможность пробиться в бомбоубежище дома пятнадцать — это камень за камнем разобрать завал. Если засевшие в нем услышат шум и попытаются уйти — наверху их ждала достойная встреча.

Трудность крылась в другом — пройдя по щиколотку в воде по узкому проходу, мы увидели, что он тоже завален. На разбор первого завала нам потребовалось

несколько часов, но работать в просторном бомбоубежище было куда легче, чем в узком сыром коридоре.

Однако другого пути у нас не было.

Я разостлал на полу план и при свете фонарика начал снова изучать его.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите,— прозвучал вдруг надо мной голос Селина.

— Да, пожалуйста...

Он присел на корточки и положил палец на бумагу.

— Вентиляция. Трубы идут вдоль всех бомбоубежищ и через определенные промежутки срastaются в узлы. Видите?

— Чем они нам могут помочь?— пожал я плечами, вспомнив небольшие круглые отверстия под потолками, закрытые густыми сетками.— Использовать их мы не сможем. Они слишком узки.

Селин покачал головой и снова повел пальцем по плану.

— Это только у входов, смотрите по масштабу— они диаметром сантиметров восемьдесят. Такие, как сержант, вдвоем пролезут.

Он, пожалуй, был прав. Но какой риск! Я представил себе, как голова кого-то из нас показывается под потолком в подвале дома № 15. Снизу непременно открывается стрельба. Причем оттуда бьют по одному и тому же месту, а ты должен отвечать наугад в темноту, да еще зажатый железной трубой. И не говоря уже о том, что прежде нужно было выбить еще решетку. Но другого нам ничего не оставалось.

Поставленная к стенке оторванная дверь помогла подняться до решетки. Селин потянул за нее. Решетка легко отскочила вместе с широкой круглой рамкой, открыв за собой прямую и длинную трубу.

— Разрешите мне первому, товарищ старший лейтенант,— обратился Ковалев,— я же потоньше вас всех...

— Потому-то вы и должны быть позади,— ответил я.— Пролезть нужно всем или никому. Ясно? Один человек ничего здесь сделать не сможет.

Я вполз в трубу. В ней было довольно просторно.

Для того чтобы луч фонарика не выдавал раньше времени моего присутствия, я обмотал стекло носовым платком. Теперь труба освещалась не более чем на метр, но этого было вполне достаточно.

Лицо мое ощущало легкое движение ветерка. Я миновал разветвление труб, прополз еще с десятков метров, слыша за собой шорохдвигающихся позади Ковалева и Селина, и вдруг почувствовал какой-то странный толчок. Но сейчас же до меня донеслось еще несколько звуков. Как ни приглушали их земля и бетон, я отчетливо разобрал сначала взрыв ручной гранаты, а потом три пистолетных выстрела.

Мы двигались со всей быстротой, на какую только были способны. Стрельба усилилась. Резкий запах газов тянулся навстречу, заполняя трубу. Теперь впереди шло настоящее сражение. Видно, Меркулов оказался удачливее нас.

Наконец я добрался до сетки и ударом приклада поданного мне сзади автомата вышиб ее. Никто внизу не обратил на это внимания. Блеснул луч фонарика и сейчас же погас. Сверху мне было отчетливо видно две точки, откуда шла стрельба. Одна находилась в противоположном конце бомбоубежища. Где были свои, где чужие — определить было трудно. Но никто, конечно, не мог предполагать наше присутствие над их головой. И я решил рискнуть. Я нажал кнопку фонарика. Резкий луч мгновенно вырвал из темноты полуоткрытую дверь запасного входа и целившегося из пистолета человека во всем черном. Ослепленный светом, он в замешательстве замер, и в этот момент из темноты ударила короткая автоматная очередь. Человек взмахнул руками и упал за дверь, которая так и осталась полуоткрытой.

Наступила тишина. Мой фонарь все еще освещал пустоту двери.

— Меркулов! — крикнул я, воспользовавшись паузой. — Это вы? Не стреляйте, я спускаюсь к вам.

— Откуда вы взялись? — прозвучал совсем рядом голос лейтенанта. — Уж не с вами ли мы вели эту дуэль?

Я спрыгнул вниз.

— Их было трое, — сказал Меркулов, разобравшись наконец, откуда мы появились. — Один, с вашей помощью, кажется, остался...

Но задерживаться около лежавшего в проходе человека мы не могли. Каждая минута была дорога. Те двое могли уйти. Мы бежали теперь по невысокому коридору, и я не сразу обратил внимание, что это была

главная артерия вышедшей из строя городской канализации. Так вот что служило Ранку выходом на поверхность! Далеко впереди мы слышали гул шагов. Один раз прогремел выстрел, но пуля никого не задела. Коридор спускался вниз, потянуло сыростью. Наверное, мы приближались к реке. И вдруг резкий поворот. Дорогу преградил обвал. Слева в каменной кладке зияло отверстие. Пробравшись в него, мы снова очутились в небольшом подвале. Впереди была дверь. Ранк мог уйти только в нее. Она была заперта и не поддавалась нашим усилиям. Ключи Селина оказались также бессильными. Оставалось только взорвать ее. Это было рискованно, но ничего другого придумать было нельзя. Подложенные под нее три ручные гранаты лопнули с таким мощным гулом, что, казалось, одна звуковая волна способна была пробить стены.

Эффект получился самый неожиданный. Вверху под потолком образовалась довольно широкая щель, в которую продолжал сыпаться щебень. Дверь была сорвана, но открывшийся за ней проход обвалился.

Пока Меркулов со своими людьми пытался его разобрать, мы с Ковалевым, цепляясь за трещины, поднялись вверх по стене и протиснулись в отверстие, образованное взрывом.

На землю уже опускались легкие летние сумерки. Мы стояли на развалинах небольшого двухэтажного дома, расположенного почти на самой окраине города. Впереди поднимались только два-три строения, и за ними в легком тумане блестела река.

Я вдруг увидел, как в стенах ближайшего к нам дома мелькнула человеческая фигура. За ней сейчас же промелькнула вторая.

Пригнувшись, два человека бежали к следующему дому и пропали в его стенах.

— Меркулов! — крикнул я в щель. — Бросайте работу: они здесь.

Мы с Ковалевым спрыгнули на асфальтированную дорогу и побежали к дому. Через несколько минут я остался один. Сержант опередил меня на две сотни метров.

Главное теперь было отрезать Ранку и его сообщнику путь к реке.

В этот момент из-за стены дома хлопнул выстрел. Ковалев только пригнулся, но бега не замедлил. Я добе-

жал до первого строения и, перескочив через ограду, прыгнул в канаву, заросшую кустарником. Теперь заметили и меня: две пули одна за другой ударились в стену дома.

Я наблюдал из кустов за домом. До него было отсюда не более пятидесяти метров. Ровная лужайка, покрытая зеленой травой, отделяла его от кустов. В этой части города дома далеко отстояли друг от друга и напоминали скорее изолированные усадьбы. Сумерки продолжали сгущаться, но стены дома, где укрылся Ранк, были видны еще довольно отчетливо.

Позади меня раздалась шаги. Я услышал голос Меркулова:

— Где вы, товарищ старший лейтенант?

— Здесь,— негромко ответил я.— Будьте осторожны: из дома стреляют. Они там. Берите левее и окружайте дом.

Он коротко ответил: «Есть!» Раздался легкий треск кустов, и все стихло.

Я прицелился в одно из пустых окон и наугад послал туда одну за другой две пули.

«Неужели ушли?» — мелькнула мысль. Я раздвинул кусты и чуть было не поплатился за свою неосторожность. Левое плечо обожгло, словно по нему ударили хлыстом. От неожиданности я упал на бок. К счастью, пуля только поцарапала кожу. Но теперь было ясно, что Ранк и его сообщник были там и через несколько минут будут окружены. На этот раз им уже исчезнуть не удастся. Главное, захватить живьем Ранка. Но как это сделать? Судя по тому сопротивлению, которое нам оказывали, сдаваться они не собирались.

Словно в ответ на мои мысли, справа прозвучала короткая автоматная очередь. «Ковалев»,— подумал я. Потом такая же очередь раздалась слева. Дом был окружен. Теперь я мог двигаться вперед.

Сумерки сгущались. Лишенные стекол глазницы окон дома начали уже сливаться со стенами. Я осторожно выполз на лужайку. На этот раз в меня никто не стрелял. Тем, кто находился в доме, было сейчас не до этого. Им приходилось отбиваться от группы Меркулова, которая приближалась к дому. Я вскочил на ноги и, описывая на всякий случай зигзаги, побежал вперед. Вот уже невысокая чугунная ограда и за ней каменная стена дома. Я перепрыгнул ограду и прижал-

ся к шершавым камням. Короткие автоматные очереди перемешивались с хлопками pistolетных выстрелов.

Надо было спешить. Еще четверть часа — и все вокруг потонет во мраке. Именно на это и рассчитывал Ранк, продолжая оказывать сопротивление.

Я проскочил в дверь и, держа pistolет наготове, стал медленно подниматься по ступенькам. Стрельба доносилась с противоположной стороны дома. По слуху я определил, что вели ее сразу два человека, и пока можно было не опасаясь двигаться вперед. Дверь комнаты, откуда вели стрельбу, находилась уже совсем недалеко. Но здесь мне пришлось остановиться. Упавшая бомба пробила потолок и снесла кусок пола коридора от стены до стены. Прыгать через пролом было опасно.

Треск автоматов усилился, выстрелы из комнаты, напротив, становились все реже. Там, под покровом густеющей темноты, видимо, готовились замести следы.

Неужели я не успею? А что, если обойти коридор комнатами? Я толкнул первую дверь слева и, вздрогнув, поднял pistolет. В чуть светлевшем четырехугольнике окна медленно поднималась, словно росла, человеческая фигура. Мое появление было для нее не менее неожиданным, так как она сейчас же прижалась к раме.

— Стой! — резким шепотом сказал я. — Не двигаться! Буду стрелять.

— Товарищ старший лейтенант, это я.

Только теперь я разглядел, что это был Ковалев.

— Они в угловой комнате. Сейчас будут уходить канавой, что ведет к реке, — быстро зашептал он.

— Почему именно канавой?

— Другого пути нет, я уже все осмотрел.

— Очень хорошо сделали. Имейте в виду — хотя бы одного из них нужно захватить живым. Стрелять только в крайнем случае.

Он хотел ответить и не успел: совсем рядом, внизу, одна за другой взорвались две гранаты. И почти в это же мгновение в комнату вбежал человек. Это было настолько неожиданно, что, прежде чем мне удалось пошевелинуться, он был уже в коридоре, не заметив никого

из нас. Ковалев рванулся за ним. В комнату вбежал еще один человек. Инстинктивно я прижался спиной к стене, чтобы он не сбил меня с ног, и нанес ему сбоку удар рукояткой пистолета. Человек качнулся и свалился на пол.

В коридоре прозвучал выстрел, послышался удар и за ним — приглушенный стон. Меня ослепил яркий свет фонаря. Я отпустил человека и вскочил на ноги. Рядом со мной стояли Меркулов и Селин.

— Селин, возьмите этого на себя! — крикнул я. — Второй должен быть здесь!

Мы с Меркуловым бросились в коридор и в самом его конце наткнулись на лежащего у стены человека.

Это был сержант Ковалев. В свете фонаря лицо его отливало мертвенной бледностью; стиснув зубы, он держался рукой за левое плечо.

— Ушел, товарищ старший лейтенант, — проговорил он, тяжело дыша. — Не удержал, стрелять-то было нельзя.

В самом верхнем пролете лестницы нас встретила пуля. Меркулов погасил фонарь.

— Обходите с тыла, — приказал я.

Лейтенант Меркулов исчез. Я остался в темноте один. И вдруг откуда-то сверху упал луч фонаря. Он начал медленно спускаться вниз, ощупал стену, пошарил в углу и пошел вправо, вырывая из темноты засыпанный штукатуркой пол. Один за другим в темноте вспыхивали выстрелы. Ранк стрелял вверх. Но луч неумолимо двигался к своей цели. Он падал из узкого оконца под самым потолком. Там был Меркулов. Луч остановился, и я наконец увидел бывшего владельца Грюнберга. Он лежал на площадке лестницы, прижавшись спиной к стене, и держал в полусогнутой руке пистолет. Левая нога его была неловко подвернута.

Ослепленный светом, он щурил глаза и прикрывал их ладонью.

— Бросайте оружие, Ранк! — крикнул я.

Я видел, как в бессильной ярости он снова выбросил вперед руку с пистолетом. Но на этот раз вместо выстрела раздался короткий сухой щелчок. Ранк швырнул пистолет на пол и остался сидеть неподвижно.

ПОСЛЕДНЯЯ ОПЕРАЦИЯ

Ранк, его адъютант и Штейнбоки находились в наших руках, но очная ставка всех их не дала нам ровно ничего. Они категорически заявляли, что виделись в последний раз только несколько месяцев назад. Ранк сказал, что он и адъютант скрывались от плена и провели в бомбоубежище более месяца, питаясь консервами и пребывая в полном неведении, что делалось на поверхности. Никаких бумаг ни при них, ни в бомбоубежище найдено не было. Правда, вопрос о третьем ингредиенте заставил их несколько измениться в лице, но несколько не сделал разговорчивее. Будь здесь Мюллер, он мог бы поставить Ранка в безвыходное положение. Но об этом пока нечего было и думать, так как кондитер находился в тяжелом состоянии.

Что представлял из себя третий ингредиент и у кого он находился? Мы могли подозревать трех человек: Мурильо — журналиста, который проявлял в свое время интерес к картине, исчезнувшего из Вайсбаха шофера, владельца плаща, и, наконец, того неизвестного, кто наблюдал за мной вместе с Пельцером в лесу и которого раньше там встретила Лерхе.

Первых двух мы знали в лицо, внешность третьего оставалась неизвестной, так как фрау Лерхе заметила только его фигуру, но лица не разглядела.

Единственное, что мне было знакомо на этом человеке, — это его кепка. На убитом Пельцере было совсем другого покроя и цвета кепи. Примета очень ненадежная, но другой мы не располагали.

С такими скудными сведениями мы втроем — Гофман, Селин и я выехали из Нейштадта.

Прежде всего мы направились в имение Штейнбока и здесь, к своему удивлению, узнали, что шофер уже находился на месте. Вчера он был в Вайсбахе у родственников, и о причинах его отсутствия хозяева были осведомлены.

Это был пожилой человек, скромный, тихий — именно такой, каким он мне показался при нашей первой короткой встрече. Все знавшие его не один год работники имения были о нем хорошего мнения.

Плащ, привезенный нами, он сразу узнал. Вещь эта не принадлежала ему, хотя он ею и пользовался, но однажды ночью она исчезла.

В эту ночь шел дождь, ревматизм не давал ему покоя, и он почти не сомкнул глаз. Его комната выходила в узкий коридор, заканчивающийся черным ходом. Он услышал чьи-то голоса и приоткрыл дверь. До него донесся голос хозяйки и другой, очень похожий на голос ее бывшего мужа. С ними был еще кто-то. Шумел дождь, но он все-таки сумел уловить одну фразу, хотя и не ручался за ее точность — «послезавтра на огородах, у озера». Потом зашелестел плащ, и вскоре все ушли.

Вот все, что мог рассказать нам шофер.

Послезавтра — это было сегодня. Место нам известно, но каким образом отыскать человека, если никто не знал его в лицо?

У Ринге мы узнали, что огороды, выделенные городским жителям и переселенцам, находились на берегу Вайсзее. Здесь же, в старых казармах, размещались временно и сами переселенцы.

Это, безусловно, было самое удобное место для человека, который хотел затеряться в людской массе. Да и встретиться здесь во время работы на огородах было легче всего.

Ринге вызвался быть нашим провожатым, и, не теряя ни минуты, мы двинулись к цели.

Я старался представить облик этого человека. Во-первых, ему должно было быть не больше пятидесяти лет, иначе он отстал бы от меня в лесу. И во-вторых, исходя из тех же соображений, — у него должны быть здоровые ноги и сердце. Если принять во внимание, что большинство оставшихся в селении мужчин были либо старики, либо инвалиды, эти предположения намного облегчали нашу задачу.

Не успели мы проехать и половины пути до развилки дороги, соединяющей казармы и завод, как увидели двигавшуюся нам навстречу большую группу мужчин и женщин. У некоторых были в руках лопаты.

Мы вышли из машины и, оставив в ней одного Ринге, направились к тому месту, где дорога превращалась в улицу, и, скрытые деревьями, подошли к ней в тот момент, когда идущим с огородов оставалось до нее не более сотни метров.

Идущие впереди увидели нас и сразу остановились. Подошли остальные. На их лицах была написана тревога.

Гофман поднял руку.

— Просим прощения за задержку,— сказал он,— мы проводим учет мужчин, годных к физическому труду. Мужчины старше шестидесяти лет и женщины могут не задерживаться.

— Это какие еще работы? — угрюмо произнес кто-то позади всех.— Пусть городские управляют, у нас и своих дел хватает.

Ни я, ни Гофман не ответили на это замечание. Женщины и старики не заставили себя упрашивать и прошли мимо. Перед нами осталось не более двух десятков человек. Двое из них были в кепках, точно в таких же темно-синих кепках, какую я несколько дней назад поднял в лесу.

Я внимательно изучал этих людей, стараясь в то же время не задерживать на них взгляда больше, чем на других. Один из них был небольшого роста, лет сорока пяти, сутуловатый, с угрюмым выражением лица, второй, приблизительно одного с ним возраста, чуть выше среднего роста, легкий шрам пересекал его левую щеку. Он немного неловко держал левую руку и чуть прихрамывал.

Переписав всех и сообщив, что в случае надобности им будут высланы повестки, Гофман захлопнул свой блокнот.

— Еще одну минутку,— сказал я,— вы знаете, что было распоряжение сдать оружие. Может быть, у кого-нибудь из вас оно сохранилось?

Они все, как по команде, закачали головами.

— Извините, но мы все-таки вынуждены проверить.

Я сделал знак получившему инструкции Селину, и тот лениво, словно для того чтобы просто отделаться от надоедавшей ему обязанности, похлопал каждого по карманам.

— Ничего, товарищ старший лейтенант, может быть, в шляпах?

— В шляпах? — я рассмеялся.— Ну что ж, проверьте в шляпах.

Селин с самым серьезным видом принимал от каждого головной убор и тщательным образом ощупывал его. Он делал это с таким старанием, что вызвал улыбку у обыскиваемых.

— Опять ничего, товарищ старший лейтенант,— в голосе Селина прозвучало разочарование.

— Он думал найти там пулемет,— засмеялся кто-то из мужчин,— у вас неважный солдат, господин оберлейтенант.

— Что делать, не все одинаковы,— пожал я плечами, удивляясь в душе артистическим способностям Селина. Лицо ефрейтора было спокойным, и совершенно невозможно было угадать, с каким результатом окончился осмотр.

Кивнув головой задержанным, я повернулся снова к казармам. И в этот момент Селин тихо сказал:

— Товарищ старший лейтенант, кепка с кнопками без лапки у того, что повыше.

От неожиданности я даже вздрогнул и повернулся к Гофману. Тот открыл свой блокнот и сказал:

— Гельмут Каплер.

Мы посмотрели вслед ушедшим. Каплер шел, чуть прихрамывая, держась немного поодаль от остальных. На углу улиц группа разошлась — одни пошли прямо, другие, с кем был Каплер, свернули направо.

Неужели нас ждала удача?

Что делать? Немедленно задержать этого человека или проследить за его действиями? Второе дало бы больше, но он мог ускользнуть от нас.

И все-таки я решил рискнуть.

Наш «газик», в котором за рулем уже сидел Гофман, медленно выполз из-за деревьев и двинулся по улице.

Впереди шли теперь только четыре человека. Прихрамывающая походка Каплера делала его особенно заметным. Наконец на одном из углов Каплер остался в одиночестве. Приближающаяся машина, кажется, внушала ему беспокойство. Он несколько раз, словно невзначай, оборачивался, но шага не ускорял. Потом свернул налево.

— Куда ведет эта улочка? — спросил я Ринге.

— Она упирается в рощу, за которой находится шоссе.

По моему знаку Гофман притормозил машину, и мы с Селиным вышли на дорогу. Улица была совершенно пустынна.

Из-за одного из штакетов мы заметили синюю кепку Каплера. Он приостановился, увидел проехавшую по улице машину и, видимо успокоившись, пошел дальше.

Последний домик остался позади Каплера, впереди начинался молодой сосняк, переходящий в рощу. Здесь

Каплер снова замедлил шаг, оглянулся вокруг и пропал в зеленых ветвях. Мы подождали, пока его фигура мелькнула на небольшой прогалине, и двинулись следом.

Так от дерева к дереву, от кустарника к кустарнику мы прошли километра три. Когда Каплер проходил через открывшуюся между деревьями поляну, я заметил, что он больше не хромал.

Он шел уверенно, прекрасно ориентируясь на местности, держась приблизительно в полукилометре от шоссе.

Стрелки моих часов показывали без десяти минут пять. Не было никаких признаков, что человек, за которым мы следили, думает остановиться. Наоборот, он шел все быстрее и быстрее. Если так будет продолжаться и дальше, то наступят сумерки, за ними — темнота, и тогда все пропало. Не сделал ли я глупость, не задержав его сразу?

Прошло еще минут сорок. Насколько мне удавалось сориентироваться, мы должны были находиться теперь приблизительно на уровне дота № 4, лежавшего по другую сторону шоссе. Километрах в пяти впереди находился одинокий домик.

И вдруг фигура Каплера исчезла. Это было так неожиданно, что показалось, будто он провалился сквозь землю.

Мы остановились.

— Яма,— высказал шепотом предположение Селин. И вдруг схватил меня за руку.— Дот, товарищ старший лейтенант, еще один дот!

Я внимательно присмотрелся и увидел, что Селин был прав.

Я вспомнил, что оборонительная линия пересекала шоссе как раз в том районе, где мы сейчас находились. А что, если этот дот соединен с другим, как это уже мы обнаружили однажды во время поисков картин?

Мы быстро двинулись вперед, к доту. И в этот момент, когда мы увидели амбразуру, до нашего слуха донесли отдаленные звуки голосов.

Селин взял под наблюдение вход, а я опустился на землю около амбразуры. Гулкая пустота внизу усиливала все звуки, и теперь они доносились до меня достаточно ясно, чтобы не упустить ни одного слова.

— ...Нет никаких известий. Бодмер, по-видимому,

провалился. Я предупреждал, что этот парень для такого дела недостаточно умен...

— И вы считаете, что все потеряно?

В голосе второго прозвучала легкая ирония, но не она заставила меня насторожиться. Сам голос показался мне знакомым. Кто это говорил? Каплер? Но ведь в моем присутствии он не произнес ни одного слова.

— Не понимаю, почему они так заинтересовались этим делом. Кестнер убрался вовремя, да и он мало что знал. Шеленберг вообще не успел открыть рта. Я не вижу ни одной нити, которая могла попасть к ним в руки. И все-таки чувствую, понимаете, чувствую, что вокруг меня сжимается кольцо. Скажу вам больше, когда сегодня меня остановили, я решил, что это уже конец. А тут еще никаких известий от Ранка. Сегодня он должен был прислать человека.

— У вас просто расшатаны нервы,— второй тихо рассмеялся.— Это результат проигранной войны, мой дорогой Вульф. Примиритесь с действительностью и возьмите себя в руки. Не так уж все плохо, как вам представляется. Ранк осторожнее вас — он днем не назначает свиданий. Кстати, операция в городе так и не удалась?

Этот человек говорил слишком тихо, чтобы я мог вспомнить, где я его слышал. Но уверенность в этом нарастала во мне с каждой произнесенной им фразой.

— Первый у вас? С собой?

— Не здесь. Я выложу его только на месте.

— Понимаю. Бойтесь, что делитель может уменьшиться еще на одну единицу? На вашем месте я поступил бы так же...

Теперь я вспомнил, где я слышал этот мягко произносящий согласные голос. Перед моим взором всплыло освещенное лучами раннего солнца шоссе, синяя спортивная машина и смуглое лицо с тонкими ниточками усиков. Карлос Мурильо — вот кто находился сейчас в доте с Каплером. Этот представитель нейтральной прессы был, оказывается, более вездесущим, чем мы могли предполагать.

— А теперь идите, Вульф. Я подожду темноты. Да и, кроме того, мой путь лежит к шоссе, а ваш — напрямик через лес. Ждите меня в подвале дома у опушки. Утром я переправлю вас за Эльбу...

Оставаться дальше у амбразуры было уже нельзя. Селин понял мой жест и скользнул вслед за мной в гу-

щу деревьев. Через минуту мы увидели на поляне темную человеческую фигуру. Каплер, или, как называл его Мурильо,— Вульф, некоторое время постоял, прислушиваясь к лесной тишине, а потом быстро зашагал вперед.

Мы подождали, пока его шаги замерли вдаль, и снова вернулись к доту.

Узкая щель чуть светилась от зажженного фонарика. За дверью послышался легкий шелест бумаги, потом фонарик погас. Дверь медленно приоткрылась. Мурильо поставил ногу на первую ступеньку и тотчас же откинулся всем телом к земляной стене. Прямо перед собой он увидел направленное на него дуло автомата ефрейтора Селина.

ЗАПОЗДАВШИЙ ПРОЛОГ

Второй раз после случая с фрау Шмидт я допустил грубую ошибку. Но если первую нам удалось исправить, то на этот раз рассчитывать было не на что. Первый раз я дал возможность Вульфу уйти, и он привел нас к Мурильо, второй раз он должен был привести к третьему ингредиенту, но этого не случилось. Подвал дома, где он договорился ждать журналиста, оказался пустым. Вульф исчез. Вернулся ли он обратно и увидел все, что происходило у дота, или каким-то иным путем узнал о провале — оставалось неизвестным. С ним пропала надежда найти третий ингредиент. Но зато наш старый знакомый оказался куда разговорчивее всех остальных. Очная ставка с ним потрясла их всех, и особенно Штейнбоков. Нам удалось воспроизвести пролог всех событий, действие которых развернулось почти полтора месяца назад по ту сторону демаркационной линии, разделяющей советские и американские войска.

...В первых числах мая по засыпанном щебнем улицам Лейпцига медленно двигался защитного цвета джип. Пробившись сквозь каменный хаос, он выполз на шоссе и остановился у подъезда скромного двухэтажного особняка, каким-то чудом не пострадавшего от бомбардировок.

Два человека — один в штатском костюме, другой в мундире старшего офицера войск СС — в сопровождении гигантского роста сержанта прошли мимо стоявшего у дверей часового и вошли в дом.

— Бессмыслица,— пробормотал один из них, оглядев вестибюль.— Вы понимаете что-нибудь, Пельцер?

— Заткнись! — вдруг рявкнул позади сержант. — Заткни свою глотку, или я расшибу ваши паршивые головы друг о друга! Понятно?

Поднявшись на второй этаж, сержант кивнул головой на одну из полуоткрытых дверей и уселся в кресло, закулив сигарету.

Дверь распахнулась, и смуглый человек в безукоризненно сшитом костюме сделал рукой приглашающий жест.

— Прошу, господа.

В просторном кабинете, открывшемся за дверями, находился еще один человек. Забросив ногу за ногу, он почти лежал в глубоком темном кресле, квадратная тяжелая голова его чуть возвышалась над кожаной спинкой.

— Мистер Коллинз, — представил его смуглый и повернулся к вошедшим. — Оберштурмбанфюреры фон Ранк и фон Пельцер.

Коллинз кивнул головой и сделал гримасу, которая должна была означать улыбку.

— Бывшие, не так ли, вы забыли внести эту существенную деталь, мистер Квесада. Но это неважно. Садитесь, господа. Сигареты или сигары на ваш выбор рядом, на столе.

Он подождал, пока они усядутся в стоявшие напротив него кресла.

— Мистер Квесада, объясните господам причину их нахождения в этом кабинете.

Квесада наклонил голову, сделал артистический жест рукой.

— Господа, мы деловые люди и поэтому приступим прямо к делу. Господин Ранк, начнем с вас. Вы извините, если придется коснуться предмета, немного неприятного для вас. Но что делать, война еще не окончена, а где, как не на войне, больше всего встречаются неприятности? Речь будет идти о событиях двенадцатилетней давности. Поверьте, нам тоже очень неприятно касаться этого вопроса...

Коллинз сделал нетерпеливый жест.

— Одним словом, — заторопился Квесада.

— Одним словом, мистер Ранк, — Коллинз разжал свои тяжелые челюсти, — нам нужна находящаяся у вас копия с картины Дюрера.

Ранк чуть заметно вздрогнул.

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите...

— Не лгите,— голос Коллинза звучал холодно.— Не лгите и не заставляйте нас вспоминать обстоятельства, при которых вы ее получили.

Ранк одно мгновение колебался, потом покачал головой.

— Здесь произошла какая-то ошибка. Никакой картины у меня нет.

Лицо Коллинза стало каменным.

— Мистер Ранк, не считайте нас за дураков, мы прекрасно понимаем, что заставляет вас говорить «нет». Обвинительный акт против штурмбанфюрера фон Ранка уже почти готов, и внесение в него еще одного обстоятельства, которое бы он подтвердил, признавшись, что картина в его руках, значительно усилило бы тяжесть обвинения. Не так ли?

Ранк молчал.

— Кому принадлежал этот дом? Вы, надеюсь, не забыли? Я могу напомнить: профессору Эриху Абендроту, погибшему при весьма неясных обстоятельствах в концентрационном лагере, комендантом которого был...

— Хорошо, картина у меня,— поспешно произнес Ранк.— Вернее, была у меня.

— Что значит была? Бросьте изворачиваться, это вам не поможет.

— Я говорю правду. Мне пришлось спрятать ее недалеко от своего имения по ту сторону Эльбы.

Коллинз чуть приподнялся в кресле.

— По ту сторону Эльбы? Вы идиот, Ранк. Неужели вам не известно, что там уже красные.

— Известно. И именно поэтому я не успел...

— Но с какой целью вы это сделали?

Ранк снова заколебался.

— Эта копия настолько хороша, что, воспользовавшись исчезновением подлинника, можно было бы продать ее за таковой. Я не предполагал, что красные могут прийти так быстро, думал, что это будете вы и...

— И рассчитывали оставить в дураках кого-нибудь вроде меня,— уже раздраженно произнес Коллинз.— Ко всем вашим качествам нужно прибавить еще одно — вы, оказывается, в душе мелкий жулик, господин Ранк. Но выслушайте теперь меня внимательно. Мне не будет ни малейшего дела ни до всех этих ваших качеств, ни до вашего прошлого, если картина окажется в моих руках.

Ранк сделал попытку встать.

— Но, мистер Коллинз, я нахожусь под арестом и...

— Сидите,— Коллинз наклонил голову,— разговор еще не окончен. Об этом поговорим потом.— Он перевел тяжелый взгляд на сидевшего все это время молча Пельцера.— Помощником начальника лагеря, в котором погиб Абендрот, числился некий Пельцер. Вы, конечно, не будете утверждать, что это был ваш однофамилец? При разделе имущества погибшего дело, кажется, обошлось без ссоры, и две серебряные вазы восточной работы с гравировкой перешли в руки этого самого человека. Где эти вазы, Пельцер?

— Мистер Коллинз, клянусь, у меня их нет.

— Знаю. Где же они?

— Я их продал.

— Кому?

— Антиквару в Кельне, месяцев шесть назад.

— По Рудольфштрассе?

— Да. Старинный дом с двумя башенками, похожими на колокольни.

— Вы сказали правду, Пельцер. Я просто хотел проверить вашу правдивость. В Нейштадте есть некий кондитер — Мюллер. Он живет по Шиллерштрассе, 10. К вашему счастью, антиквар имел обыкновение записывать адреса своих клиентов. Так вот, Пельцер, вы завладеете этими вазами и доставите их мне. Господин Ранк и господин Пельцер, даю вам на это дело ровно месяц. Если вы выполните это требование, дело против вас будет прекращено, вы получите паспорта любой южноамериканской республики, по вашему выбору, и,— он поднял палец,— и по три тысячи долларов наличными.

Ранк и Пельцер переглянулись.

— Но, мистер Коллинз,— нерешительно произнес Ранк,— для двух человек эта задача почти не под силу.

— Сколько же вам нужно?

— Ну хотя бы человек шесть-семь.

— У вас есть подходящие люди?

— Мы могли бы найти, только многие из них скрываются и...

— Понимаю. Им, как и вам, нужно получить отпущение грехов. Я выдам вам его на восемь человек по вашему выбору, включая и вас. Для финансирования их я добавляю еще лишние пять тысяч. Какие будут возражения?

— Никаких,— Ранк и Пельцер снова переглянулись.— Только,— первый посмотрел на дверь,— мне кажется, мы еще находимся под арестом...

— Пусть это вас не беспокоит. Мистер Квесада, соедините меня с генералом Клеменсом.

Квесада, неподвижно стоявший около письменного стола, схватился за трубку и протянул ее Коллинзу.

— Хелло! Генерал Клеменс? Генерал, здесь сейчас передо мной сидят два наци, которые мне нужны. Пельцер и Ранк. Знаю, но это не имеет значения. Они нужны мне и моей фирме. Да-да, той самой фирме, в которой, как мне известно, вы намереваетесь служить после окончания войны. Двумя больше, двумя меньше? Вот именно, генерал, я тоже так думаю. Кроме того, мне понадобится с вашей стороны несколько небольших услуг в том же духе. Благодарю.

Коллинз кивнул головой Квесаде:

— Попросите сюда сержанта.

Сержант вошел и, остановившись на середине кабинета, подозрительно посмотрел на развалившихся в креслах обоих арестованных.

— Сержант, эти двое останутся здесь.

Лицо сержанта стало сразу враждебным.

— Я отвечаю за этих людей, сэр, и они уйдут со мной.

— Вы знаете голос генерала Клеменса?

— Это мой начальник, сэр.

— Тогда возьмите трубку.

Эбонитовая трубка почти целиком пропала в огромной ручище сержанта.

— Да, сэр. Знаю, сэр. Оставить и уходить? Но... Слушаюсь, сэр.

Он положил трубку и обвел присутствующих сумрачным взглядом.

— Имейте в виду, сэр. Мне сказали, что эти парни в каком-то лагере отправили на тот свет несколько тысяч людей. Там были дети и женщины. Я думаю, вы не дадите им улизнуть...

— Не волнуйтесь, сержант,— Коллинз наклонил голову,— они получают то, что заслужили. Можете идти.

— Итак, господа,— с легкой иронией произнес Коллинз, когда шаги сержанта застучали по лестнице.— Вы видите, что единственный ваш защитник — это я. Поэтому вам следует быть честными. Как заявил в своем не-

сколько длинном вступлении мистер Квесада, мы деловые люди, а следовательно, мы до конца выполняем свои обещания. Но если вы вздумаете обмануть... Впрочем, нам стоит только сообщить ваши координаты советскому командованию. Там вы не найдете столь сговорчивых людей. Вам, господин Ранк, выполнить свою задачу значительно легче.

Ранк покачал головой.

— Не думаю. Картины прятал мой шофер, но он был убит при бомбежке, а карта сгорела. Есть еще вторая, мы оставили ее второпях где-то среди книг в имении, рассчитывая вернуться, но мне появляться туда опасно. Мой управляющий кажется мне в создавшихся условиях совершенно ненадежным.

— Так зачем же вы его держали?

— Он был честен. И притом он работал для меня в той же области, которая, по-видимому, интересует и вас. Но, к сожалению, совсем безуспешно, а его враждебности к себе я не боялся. Стоило мне только пошевелить мизинцем...

— Самонадеянность правоверного нациста, — проворчал Коллинз. — Имейте в виду — провала здесь не должно быть ни в коем случае. Если это произойдет, я снимаю все свои обязательства. А теперь, мистер Квесада, проводите этих людей в предназначенные им комнаты. Завтра они должны будут приняться за дело.

Когда Квесада вернулся, Коллинз широкими шагами мерил комнату из угла в угол. Потом, обойдя стол, он тяжело опустился в дубовое кресло.

— Послушайте, Квесада. Вам придется взять лично на себя руководство всей этой операцией. Теперь вы сами видите, что Кестнер один ничего не добьется. Вот документ на имя представителя нейтральной прессы Карлоса Мурильо и пропуск от союзного командования. С вашей внешностью и произношением вы вполне можете сойти за латиноамериканца. Нам нужен легальный представитель на той стороне, чтобы быть в курсе всех дел. То, что управляющий Ранка настроен враждебно, мне не нравится, в случае необходимости помогите его убрать. У вас в запасе есть различные фокусы. Хорошо, если он действительно ничего не добился и не успел передать в другие руки. На всякий случай захватите все его записи.

Коллинз бросил на стол документы.

— Вы вкладываете в это дело довольно крупную сумму,— сказал Квесада, пряча в бумажник документы,— считаете, что игра стоит свеч?

Коллинз сделал гримасу.

— Величайший из ваших недостатков, Квесада,— это отсутствие должного размаха в делах. Если бы все, что мы сейчас ищем, находилось в этой комнате, я не колеблясь выложил бы сумму, пятикратно превышающую все наши затраты, и счел бы, что сделал одно из самых удачных своих дел. Возможно, и лучше, что Абендрота нет в живых: с ним было бы труднее договориться, чем с этими обербан... черт знает как их там дальше. Кстати, Квесада, вы что-нибудь понимаете в искусстве? Не в теперешней импрессионистской мазне, а в настоящем античном искусстве? — Коллинз усмехнулся. — Подозреваю, что нет. Ну, а старого Джемса Гарвея, того бога, который в мистической тишине своей уединенной виллы контролирует деятельность монополий Нового и Старого света, вы, конечно, знаете и не раз молились за его здоровье. Но знаете ли вы, что у этого неумолимого в мирских делах божества есть одна слабость: он убежден, что великие произведения искусства всех времен должны услаждать главным образом его одного. В этом, как мне кажется, не столько любовь к искусству, сколько эгоизм и тщеславие. На этой самой, известной вам по слухам, вилле скрыт великолепный музей, которому могут позавидовать национальные сокровищницы не одной страны. Злые языки утверждают, что, по крайней мере, половину из заключенных в нем экспонатов безуспешно разыскивает полиция всех пяти континентов. По слухам, знаменитая картина Рембрандта, бесследно исчезнувшая в конце двадцатых годов из Роттердама, находится именно там.

Гарвея, как вам известно, никакими доводами нельзя заставить потесниться с занятых им позиций хотя бы на дюйм, его можно только принудить стать сговорчивее. И как это ни печально, Квесада, без помощи наследства Абендрота нам это навряд ли удастся.

— Но почему раньше для мистера Гарвея не могли обделать это дело в таком же духе, как с тем Рембрандтом? — спросил Квесада. — Ведь тогда все было значительно проще.

— Тогда этого дела не было и у самого Абендрота. Существовала неясная легенда о сокровищах искусства,

к которым мы давно подбирали ключи. Только перед самой войной нам удалось выяснить, что тайна эта почти в руках у Абендрота. Но наци прихлопнули его раньше времени. Мы заинтересовались этим делом, но, к сожалению, даже хваленое гестапо не смогло ничего добиться от этого человека. Впрочем, оно интересовалось больше другим — картинами самого Абендрота. Я немного знал его, Квесада, он был из породы опасных людей. Таким он остался и после смерти. Запомните, Квесада, картины эти нужны нам не меньше, чем нацистам. От этого зависит очень многое. Например, ключевые позиции в экономике наших оккупационных зон. Я думаю, у вас нет оснований считать меня шутником? Особенно в этом вопросе. Поэтому действуйте со всей твердостью, на которую способны.

ПО ТУ СТОРОНУ ЭЛЬБЫ

Расчеты Артура Квесады не оправдались. Он сидел перед нами с заметно поблекшим лицом, разглаживая временами ладонью свой изрядно помятый костюм, и, несмотря ни на что, пытался все-таки сохранить независимый вид: он был уверен, что, как подданного союзной державы, его в конце концов передадут в руки ее властей. Мало беспокоясь о своих помощниках, пайщик компании довольно словоохотливо рассказал о том, что Ранк привлек к себе на помощь местную организацию «оборотней», в которую входили Шеленберг, Штейнбоки и другие. С Кестнером заранее было договорено, что в случае провала он должен был давать те показания, которые давал. И действительно — правдивость их чуть было не заставила нас поверить, что дело на этом кончено.

Все, о чем раньше мы могли только догадываться, теперь стало ясным. Почти до конца. Поиски бумаг профессора Кестнер и Бодмер по поручению Квесады начали значительно раньше, еще до того, как Ранк и Пельцер были задержаны союзными властями. Несмотря на то, что Штейнбок действовал с ними заодно, они очень медленно двигались к цели. Попытка Штейнбока втянуть в это дело Витлинга чуть было не окончилась для них катастрофой. После этого и было инсценировано самоубийство управляющего.

Та самая собака, лай которой я слышал в домике

лесника, выдала нашу ночную засаду у дота. Заметив, что на день мы убрали людей из леса, Кестнер, рассчитывая на второй выход в соседний дот, решил рискнуть, так как ничего другого ему не оставалось.

Фрау Шмидт обо всем, что происходило вокруг Грюнберга, не знала. Ее младший брат, которому она во многом заменяла мать, оставался в ее представлении глупым мальчиком, нуждающимся в покровительстве. Она спасала его, как она думала, от плена, поэтому с опаской следила за всеми нашими действиями в имени и, конечно, не могла предполагать, что ее брат давно является орудием в руках Ранка и Пельцера, под началом которых он когда-то служил. Даже просьбе его — снять отпечаток угла портрета, она не придала большого значения. Тот уверил ее, что это нужно одному искусствоведа, якобы обещавшему оказать ему за это материальную помощь.

Наши посещения Грюнберга после убийства Витлинга оказались для них всех неожиданностью. Они были уверены, что дело сделано чисто и не может вызвать никаких подозрений. А ведь именно развалины молельни с подземным склепом, секрет которой знал только Ранк, и избирались по плану действующей в нашем районе группой «оборотней» как наиболее надежное убежище. Операции эта группа наметала вести на довольно широкой основе — она даже поддерживала радиосвязь с другими группами и с объединяющим их штабом, находящимся где-то по ту сторону Эльбы. Общие действия Ранка и Пельцера с группой «оборотней» были понятны — ведь они еще до своего первого ареста входили в ее состав.

Диверсия, которую неудачно пытался осуществить Шеленберг, была бы только пробным шагом. Готовились согласованные действия нескольких групп одновременно, с тем, чтобы парализовать наши общие с демократическими силами попытки ликвидировать хаос и наладить нормальную жизнь.

Перед выжившим из ума старым Штейнбоком ни дочь, ни отец, наверное, не таили своих мыслей и планов, и тот чуть было не подвел их самым неожиданным образом. Впрочем, в какой-то степени он все-таки их подвел, потому что укрепил наши подозрения.

Ранк и Пельцер полюбовно разделили некоторое имущество профессора, потому-то книги его мы обнаружили и в Грюнберге, и в Вайсбахе.

Подтвердились наши предположения и в отношении Мюллера. Поначалу встреча с ним на той стороне Эльбы показалась им даже благоприятной для их новых планов, поскольку дом кондитера оставался под охраной только одной старой экономки, которая позже вообще покинула его, и завладеть вазами не представляло труда. Так оно и произошло на самом деле. Но вторая случайная встреча в Нейштадте уже никак не входила в их планы, и Мюллер за нее поплатился.

Было у нас подозрение, что падение Герхардта, чуть не окончившееся для него трагически, не являлось случайностью. Бодмер мог подрывать лопатой землю под тропинкой у обрыва, зная, что Герхардт пользуется именно этой дорогой, и тем самым избавиться от опасного для себя человека.

Когда первый страх немного прошел, Квесада даже предложил нам, так сказать, полюбовную сделку — передать ему за определенное вознаграждение попавшие к нам в руки ингредиенты.

— Я не могу решать за президента компании, но мистер Коллинз может пойти на это, — добавил он.

Воронцов с любопытством посмотрел в становящееся все более самоуверенным лицо Квесады.

— И вы убеждены, что мы от этого выиграем?

Квесада пожал плечами.

— Подумайте сами. Ведь в другом случае вы не получите ничего. Дом профессора Абендрота и все, что к нему примыкает, находится в наших руках. Пусть пройдет год-два, а мы все-таки найдем записи. Вы же такой возможности не получите, даже если бы овладели всеми тремя ингредиентами...

— Видите ли, господин Квесада, я тоже не уполномочен вести переговоры по этому вопросу. Но думаю, что это предложение нам не подходит. Во-первых, потому, что труды профессора Абендрота принадлежат прежде всего немецкому народу, а во-вторых, вы помните, какое сегодня число, господин Квесада?

В темных глазах лжежурналиста промелькнуло удивление. Он дернул плечом.

— По-моему, первое июля. Не понимаю, какое это имеет отношение к делу...

— Самое прямое. Дело в том, что завтра на расвете мы перейдем в низовье Эльбы и двинемся на запад.

Квесада вскочил на ноги.

— Война! — лицо его побледнело. — Вы решились на это!

— Успокойтесь. Просто немного запоздалое выполнение союзнических обязательств. Мы только займем территорию по установленной границе оккупации, куда, кстати, входит и город, в котором жил профессор Абендрот...

Несколько дней спустя мы с майором Воронцовым ехали по шоссе, ведущему в Лейпциг, обгоняя движущиеся на запад грузовики с войсками. Лето полностью вступило в свои права. Пьянящий чистый воздух сосновых лесов и яркое солнце помогали на время забыть о всех событиях последних дней. Но зато разрушенные кварталы одного из красивейших городов Европы заставляли снова вспомнить о войне.

В штабе армии, уже разместившемся в городе, мы прошли в кабинет специально вызвавшего нас полковника Решетникова. Полковник по профессии был юрист, знаток международного права, и уже одно это обстоятельство достаточно ясно говорило о причине нашего вызова. Тем более что подробный отчет о происшедших событиях с приложенными к нему копией Дюрера и серебряной вазой уже несколько дней назад находился в штабе.

Высокий, с худощавым спокойным лицом и внимательными серыми глазами под роговой оправой очков, полковник действительно больше напоминал юриста, чем военного. Задав несколько коротких вопросов, он попросил нас снова сесть в машину и направиться к дому, который когда-то занимал Абендрот.

— Вы будете следовать за черным лимузином, — сказал он, сопровождая нас вниз по лестнице.

Небольшой особняк профессора остался совершенно цел. Мало пострадали и два-три дома, находящиеся по соседству с ним. Очевидно, летчикам, бомбившим город, были кем-то даны указания по возможности щадить этот район. Черный лимузин, идущий впереди нас, остановился у чугунных ворот, которые были заперты на замок. Полковник вышел из него и кивнул нам головой.

До массивных дверей дома было всего несколько метров. Мы очутились в небольшом вестибюле и, к своему удивлению, увидели у самых ступенек лестницы, ведущей вверх, двух человек. Они, казалось, ждали нас. Один

из них был небольшого роста, массивный, квадратный, словно сошедший с картины художника-кубиста, второй — худощавый, с надменным, тщательно выбритым лицом.

Для полковника Решетникова встреча эта, казалось, не явилась неожиданностью. Он ответил на приветствие и молча ждал, спокойно смотря на обоих. Заговорил худощавый. Он говорил по-русски, медленно подбирая слова, старательно произнося каждый звук.

Он сказал, что этот дом принадлежит американскому гражданину Коллинзу и что последний, как представитель союзной державы, имеет все права на свою собственность. Дом куплен за месяц до окончания войны одним нейтральным гражданином, представителем Коллинза, и документы, свидетельствующие об этом акте, находятся в полном порядке.

В подтверждение своих слов худощавый похлопал по папке, которую держал в руках.

Решетников с невозмутимым видом выслушал его до конца.

— У кого американский гражданин Коллинз приобрел этот дом?

— Права на него ему передал по всей установленной форме господин Рауниц, один из чиновников бывшего имперского министерства иностранных дел.

— Рауниц купил его у профессора Абендрота?

— Профессор Абендрот погиб в концентрационном лагере. Имущество его было конфисковано, и права на него получил Рауниц.

— Господин представитель американского гражданина Коллинза забыл, что все подобные акты нацистского режима потеряли силу.

Вежливая улыбка снова тронула губы худощавого.

— У профессора Абендрота не оставалось наследников, и поэтому господин Рауниц получает на имущество все права.

Полковник Решетников обернулся к двери.

— Пройдите, пожалуйста, сюда.

К нашему удивлению, в дверях показалась согбенная фигура женщины, одетой во все черное. Морщинистое лицо ее было печально.

Женщина молчала, устало осматриваясь вокруг, словно под влиянием нахлынувшего на нее целого обвала чувств.

Решетников снова повернулся к американцам, с некоторой тревогой смотревшим на вошедшую.

— Господа, разрешите представить вам Анну Александровну Абендрот, вдову профессора Абендрота.

Квадратный сделал резкое движение и посмотрел на художавого. Тот шагнул вперед.

— По имеющимся сведениям, госпожа Абендрот погибла через несколько месяцев после своего мужа. Эта женщина самозванка.

Абендрот вздрогнула и пошатнулась. Стоявший рядом лейтенант успел подхватить ее под руку.

— Да, я считалась погибшей,— заговорила она.— Мои друзья поддерживали эти слухи. Как русская, я обратилась в советское посольство, и мне помогли выехать из Германии.

— Полагаю, что разговор окончен,— голос Решетникова стал ледяным.— Не говоря уже о подтверждающих личность документах, вдову профессора Абендрота могут узнать в лицо десятки жителей города. Анна Александровна, прошу вас.

Полковник отошел в сторону, пропуская вдову профессора.

ТАЙНА ДВУХ АБЕНДРОТОВ

Истекал второй день нашего пребывания в доме Эриха Абендрота. Половину его мы потратили на то, чтобы разобраться, в чем заключалась загадка вазы. Замысловатая резьба восточного орнамента была настолько запутана, что найти в ней какой-то смысл сначала показалось совершенно невозможным. Но из многих наших предположений одно все-таки оказалось правильным. Мы обнаружили в резьбе шесть точек, которые точно совпали с найденными на карте. В этих точках была одна особенность: все они имели шесть чуть заметных тончайших, расходящихся в стороны лучей. Самое тщательное изучение орнамента привело к тому, что мы нашли еще одну точку с шестью лучами. Таким образом, к имеющимся уже у нас точкам добавилась эта одна. Если по ту сторону Эльбы мы могли только ломать себе голову над загадкой снятых с копии точек, то теперь значение их стало для нас совершенно ясным.

Владение Абендрота, включавшее в себя дом и обширный запущенный парк, имело форму трапеции. Шестиугольник ложился точно на то место, где сейчас находился фонтан. Правда, фонтан представлял правильную окружность, но его фундамент имел шестигранное основание. Путем сопоставления масштабов мы установили местоположение найденной на вазе точки. Она находилась в конце парка, но почва здесь была настолько влажной, почти болотистой, что от нашей уверенности в быстром успехе не осталось и следа. Никто никогда не рискнул бы доверить этому месту какие-то художественные ценности.

Все найденные нами фигуры образовывались путем соединения точек прямыми. По-видимому, и здесь нужна была какая-то последняя прямая, которая и приводила бы к окончательной цели. Через одну точку, как говорит элементарная геометрия, можно провести бесчисленное множество прямых, а через две — только одну, искомую, именно ту, которая была нам нужна. Эта вторая точка и находилась на третьем ингредиенте, иначе его вообще не существовало бы.

Два первых ингредиента давали только одно верное указание — спрятанные Абендротом предметы находились здесь. Больше они сказать ничего не могли.

Это заключение нам с майором и пришлось преподнести Решетникову и представителям новой, демократической общественности, выделенным для выяснения обстоятельств гибели Эриха Абендрота. Возможно, такое заключение было и преждевременным, возможно, что-то еще скрывалось от наших глаз и, как это случалось раньше, открылось бы внезапно после долгих и сложных расчетов, но у нас для этого не было уже времени. Четвертый день Нейштадт оставался без коменданта и его помощника, и, конечно, легче было заменить нас здесь, нежели там, где приходилось иметь дело с сотнями людей.

Одним словом, нам надлежало утром отправиться и приступить к исполнению своих прямых обязанностей. После стольких трудов, затраченных нами, это было в высшей степени обидно, однако военная служба имеет свои законы и нам приходилось покориться судьбе.

Мы с Воронцовым расположились в небольшой комнате второго этажа, окна которой выходили в парк. Заложив руки за спину, майор шагал по комнате, я сидел

в кресле у круглого стола и все еще пытался найти в линиях чертежа новый смысл.

Анна Александровна Абендрот ничем помочь нам не смогла. Профессор не доверил ей ни одной из своих тайн, не доверил, конечно, только из боязни, что она, как женщина, ради облегчения его участи могла не устоять перед угрозами.

Вообще, все это время мы старались как можно меньше к ней обращаться. Соприкосновение с домом заставило ее снова вспомнить все происшедшее в нем. Она молча ходила из комнаты в комнату, трогала руками оставшиеся знакомые вещи, и у нас не хватало решимости вернуть ее в сегодняшний день.

В комнате начали сгущаться сумерки. В широких, распахнутых настежь рамах окон виднелась яркая листва лип, давно не метенные дорожки, голубоватый овал фонтана с шестью мраморными рыбами. Невдалеке от прячущейся в листве беседки белели два прямоугольных пьедестала, над которыми торчали остатки разбитых скульптур.

Майор стоял у раскрытого окна и перелистывал небольшой альбом — единственную вещь, которую хозяйка сумела сохранить у себя. На фотографиях иногда в серьезных, иногда в шутливых позах были запечатлены Абендрот, его супруга, Вернер и один раз Витлинг. Эти любительские фотографии мы давно уже изучили, и майор перелистывал их теперь просто машинально.

— Посмотрите сюда, скорее!

В тишине комнаты голос майора прозвучал очень тихо, но вполне ясно, чтобы я немедленно вскочил со своего места.

На фотографии были изображены Абендрот и Вернер. Они стояли рядом с пьедесталом одной из разбитых сейчас скульптур. Абендрот был в светлой пижаме и мило улыбался кому-то, смотря мимо объектива. Маленький лохматый Вернер иронически щурил глаза.

Но не они привлекли внимание майора. Палец его лежал на пьедестале. На фотографии скульптура была цела. Она представляла собой фигуру человека, поднявшего одну руку и опустившего другую. Напряженные линии тела, рубища, его покрывавшие, напоминали мне что-то очень знакомое. И я вспомнил. Это была фигура из так поразившего нас наброска Грюневальда.

Майор смотрел на меня, глаза его блестели.

— «*Omnia mea mecum porto*»,— произнес он торжественно.— Вот почему Абендрот при аресте произнес эти слова. Не имея другой возможности, он пытался сказать все одной фразой. Говорю вам, это и есть третий ингредиент, во всяком случае, то, что его заменяет.

Установив положение скульптуры на пьедестале, мы определили, что опущенная под углом рука показывает на какую-то точку в начале парка. А если эта скульптура, установленная, несомненно, Эрихом Абендротом, заменяет не последний ингредиент, а все три?

С нетерпением дождавшись утра, мы принялись за проверку новой догадки.

Как я уже говорил, к парку не притрагивалась рука человека. Возможно, это делалось вполне сознательно. Под густые кроны дубов и буков почти не проникали солнечные лучи. Зеленый дерн и перепревшие листья покрывали землю и огромные замшелые камни. В парк упало с десятков бомб. Две, наиболее тяжелые, повредили несколько старых деревьев. И вот одна из бомб помогла нам значительно сократить поиски.

Воронка от нее уходила в землю на глубину человеческого роста. Края ее были усеяны раздробленными камнями и обломками ветвей. Сверху она выглядела как самая обыкновенная воронка, и мы, пожалуй, не обратили бы на нее особого внимания, если бы она не лежала почти на той самой точке, в которую угиралась линия, проведенная от восстановленной мысленно руки скульптуры.

Среди осколков камней мы заметили один, очень похожий на угол отесанного камня. Когда была отброшена земля, на глубине в два метра обнаружили следы каменной кладки, раздробленной взрывом.

Во второй половине следующего дня мы уже могли подвести итог своим поискам. Упавшая бомба повредила многое из находившегося под каменной кладкой. Только после того, как специалистам-реставраторам удалось восстановить разбитое и искалеченное взрывом, стало ясно, к каким ценностям подбирают ключи Коллинз и его сообщники.

В замурованной нише были собраны произведения искусства, от приобретения которых не отказался бы ни один музей мира.

Трудно было запомнить все экспонаты. Больше всего мне врезались в память совершенно уникальные статуэт-

ки богов Шивы и Вишну, вышедшие из-под резцов мастеров Индии и Индонезии около тысячелетия назад. Легкие, изящные, близкие к образцам эллинского искусства, они были настолько человечны, что в них не оставалось и капли мифичности. Никакие традиционные формы, созданные религиозными догмами, не могли сдержать заложенного в них народного реалистического начала.

Из ниши были извлечены и образцы искусства древнего Египта, изображения священных животных, вырезанные из цветного камня и отлитые из бронзы. Здесь находились несколько изваяний эллинских мастеров и даже предметы искусства государства инков и ацтеков, среди которых мне запомнились своеобразные нагрудные украшения из тончайшего листового золота. Вся эта коллекция завершалась десятком скульптур известных европейских мастеров XIX века, среди которых были работы Родена и Антонио Кановы.

Последнее обстоятельство с полной очевидностью говорило о том, что Магнус Абендрот, если он вообще существовал, не мог быть единственным владельцем всех этих весьма редких произведений искусства. Однако, как нам удалось установить, Эрих Абендрот и Вернер так и не обнаружили нишу. Для этого у них не хватило времени. Они отыскиали только обрушившийся проход. В нем мы нашли деревянный ящик, очень напоминавший тот, в котором была обнаружена копия Дюрера. В ящике находилось десятка два картин, которые, как нам скоро стало ясно, не без основания искали гестапо. Именно на них и указывала рука разбитой скульптуры.

Отсутствие какой бы то ни было систематизации в найденных произведениях искусства, принадлежность их к разным эпохам и народам, резкая географическая разобщенность, несомненно, говорили о том, что предметы эти навряд ли могли принадлежать какому-то одному частному коллекционеру. Они либо были награблены у различных лиц, либо приобретены человеком, который в мрачную эпоху нацизма пытался вернее и незаметнее скрыть свои капиталы.

Правильным оказалось первое предположение. Дом Абендрота перешел в его собственность только в 1934 году. До этого он принадлежал одному из главарей штурмовых отрядов, приближенному Рема — Адольфу Зихелю.

Принимая непосредственное участие в погромах и

арестах противников нацизма, этот человек не забывал и собственные интересы.

Впрочем, возможно, награбленное принадлежало не одному Зихелю, а целой группе тесно связанных между собой таких же, как и он, главарей штурмовых отрядов, не особенно веривших в твердость и своего положения, и нацизма вообще. Для этих опасений у них были основания. 30 июня 1934 года Гитлер разделался с теми, кто помог ему прийти к власти. Среди них был и Зихель.

Бандиты уничтожили бандитов, но награбленное обнаружить не сумели. Впрочем, возможно, они даже не подозревали о нем. Знали об этом только американцы, с которыми Зихель мог вести переговоры о продаже редкостей до своей непредвиденной гибели.

Легенда о Магнусе Абендроте Зихелю, по-видимому, не была известна. На древний тайник он наткнулся случайно, ища надежное место для укрытия награбленного. Конечно, Зихель не подозревал о существовании ключей к местонахождению ниши, иначе он либо подыскал бы для своих сокровищ другое место, либо попытался бы уничтожить копию Дюрера и обе вазы. Человеком, с которым он вел переговоры, по всей вероятности, был Коллинз. Для большего доверия к своему предложению Зихель мог сообщить последнему, что произведения искусства находятся в тайнике его дома. Все остальные сведения Коллинз получил от того же антиквара, у которого Абендрот приобрел вазы и копию Дюрера.

Коллинз был твердо уверен в незыблемости своих прав на дом Абендрота. Он никак не подозревал, что хозяйка дома могла остаться жива. Поэтому-то и не торопился начинать поиски до полной разгадки.

Если бы он знал, как сложатся события, то, несомненно, не только поторопился бы, но и сделал бы все возможное, чтобы уничтожить картины Абендрота.

Кроме этих картин, мы ничего не обнаружили в ящике, но и они заполнили оставшийся для нас пустым пробел в жизни Абендрота не хуже, чем любые записи.

На следующий день после завершения поисков, еще до того, как разгадана была тайна ниши, мы сидели в комнате, окруженные расставленными во всех удобных местах картинами, и с полным основанием думали о том, что никто еще не находился в такой странной картинной галерее.

Подавляющее количество картин являлось копиями

произведений Гойи. Здесь были копии из серии знаменитых «Капричос» и других его произведений, близких им по трагическому колориту и отвечающих замыслам Абендрота и Вернера. «Повешенные» из серии «Бедствия войны», заросший гривой «Каторжанин», «Суд инквизиции», «Небылицы» и еще несколько копий менее известных картин.

Копии прекрасно передавали и контрасты света и тени, в которых Гойя подчас был достоин Рембрандта, и доведенные до крайности и реализм, и деформацию человеческих фигур и лиц. Перед нами предстал полный ужасов мир, порожденный пороками и жадностью, жестокостью и невежеством.

Но зачем создавали эти копии Абендрот и Вернер?

Помню, где-то я читал, что фантастические, искаженные дьявольскими гримасами образы Гойи пронизаны человечностью. Создатели копий придали этой человечности конкретные черты. Они достигли в зашифровке индивидуализации порока той же высоты, какой Гойя достиг в обобщении его.

Теперь нам становилась понятна причина общения Абендрота с нацистской верхушкой, несмотря на ненависть и презрение к ней.

Что можно сказать с первого раза о копии «Бедствия войны»? Здесь как будто все, как у Гойи. Уходящий вдаль ряд деревьев с повешенными, солдат, смотрящий на казненных. Но один поворот картины — и черты лица первого повешенного кажутся удивительно знакомыми. Да, наверное, именно так выглядел бы сам фюрер третьей Империи, если бы попал в петлю. Чем дальше всматриваешься в рисунок, тем сходство становится разительнее.

Достаточно прикрыть пальцами взлохмаченную гриву закованного в цепи каторжника, как с рисунка смотрят надменные глаза рейхсмаршала Геринга.

Но самой впечатляющей была картина из серии «Небылицы» — пляшущая колченогая образина, отдаленно похожая на человека и нагоняющая тоску на все окружающее. При пристальном рассмотрении на картине отчетливо возникало лицо Геббельса. И не только лицо, но и каждая линия его фигуры, а ко всему этому — с беспощадной точностью бьющая в цель надпись.

А вот картина «Суд инквизиции». Если обширные темные пятна подлинника кажутся полными устрашаю-

щих, омерзительных видений, то здесь эти видения совершенно реальны. Они то отчетливо появляются, то исчезают в причудливой игре световых оттенков, пробивающихся сквозь липкий мрак. Тупые лица судей, несомненно, тоже конкретны. Здесь целое сонмище больших и малых фюреров, многих из которых мы не могли узнать. Но Абендрот их знал. Не зря он не отказывался ни от одного заказа своих высокопоставленных клиентов.

Так вот почему гестапо интересовало наследство Абендрота.

Ну, а Коллинза? Что больше его привлекало — произведения искусства, замурованные в нише, или вот эти копии? Наверное, и то и другое, но скорее всего третье. Коллинз не все сказал Квесаде. Этим третьим была копия знаменитой картины Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», написанной им в трапезной монастыря Санта-Мария делле Грации. Здесь эзоповский талант Абендрота и Вернера развернулся в полном блеске. Не меняя ни одной линии в положении фигур, расположенных за столом, они сумели придать картине совершенно противоположный смысл.

Один чуть заметный поворот ладони левой руки внутрь — и жест Христа при словах: «Один из вас предаст меня» меняет свое значение. Кажется, будто он приглашает присутствующих начать какой-то торг. И поднятые руки апостолов и положение их фигур выражают теперь, хотя все как будто остается на месте, не возмущение, не растерянность, не протест. Бурное движение приобретает совершенно другой смысл. Торг начался. Жадный, азартный торг вокруг чего-то, что, наверное, не уместится на этом столе, будь он даже в тысячу раз длиннее.

Христос ждет. Впрочем, пожалуй, это не совсем тот Христос, которого создал да Винчи. Хотя обреченность и сохранена в его облике, это не та внутренняя обреченность и бестрепетная жертвенность, с такой силой запечатленная гениальной кистью Леонардо; это обреченность под действием каких-то внешних неумолимых сил, которые трагическими, тревожными тонами неотвратимо сгущаются под сводами трапезной.

И нет, не Иуда здесь будет предателем. Выражение лица Иуды ничем не отличается от остальных. Его тоже влечет к середине стола. Он уже не сжимает пальцами кошелек — награду за свое предательство, а, на-

оборот, готов его предложить, как цену за что-то, что в равной степени привлекает всех. В лицах апостолов почти ничего нет от подлинника Леонардо. Здесь не найти ни потрясенных, ни возмущенных, ни готового на предательство. Здесь нет ни мрачного Иуды, ни грустного Иоанна, ни мужественного Петра. Здесь все сообщники и все предатели. Лица апостолов с полной откровенностью говорят об этом.

И лица эти не только вполне современные, но и некоторые просто знакомы. После копий Гойи нас это уже не могло удивить. Два лица были известны нам по фотографиям, и мы их узнали сразу. Это были доктор Шахт, хозяин нацистской экономики, и Крупп, глава известного всему миру концерна и стальной король третьего рейха. В апостоле, сидящем в правом углу стола, мы без труда нашли уже знакомые черты рейхсмаршала Геринга. Но вот четвертое узнанное нами лицо поразило нас. Оно оказалось знакомым совсем не по портретам. Мы видели его совсем недавно, и видели не где-нибудь, а здесь, в доме Абендрота. Ни архаическая прическа, ни необычное одеяние не могли поколебать нашего убеждения — крупные квадратные черты лица этого человека достаточно хорошо запомнились каждому из нас. Это был Коллинз.

Да, это был Коллинз. В этом мы убедились с полной очевидностью несколько дней спустя в Берлине. Там же были установлены и личности еще трех «апостолов». Это были крупнейшие финансовые заправилы Старого и Нового света, президенты военных концернов, те, кто со времен плана Дауэрса непрестанно вливал кровь в жилы германского империализма. Абендрот зашифровал одну из кульминационных сцен встречи дирижеров и исполнителей. Смысл происходившего торга становился теперь предельно ясным. На одной стороне была людская кровь, на другой — золото.

Вот они, современные апостолы, которые пришли на смену библейским, вот те, кто взял на себя ответственность за судьбы христианской цивилизации. И лицо самого Христа, казалось, выражало не смысл всемирно известных, произнесенных им, по библейской легенде, в этот момент слов «один из вас предаст меня», а «все вы предали меня».

Было очевидно, что основой для создания этой копии Абендроту послужило какое-то секретное совещание.

Войдя в доверие к нацистской верхушке, Абендрот сумел заглянуть в одну из наиболее тщательно охраняемых тайн фашистского режима и его покровителей. Это было тем более вероятно, что в углу копии отчетливо вырисовывалась надпись: «5 июля 1936 г. Нюрнберг».

Спустя несколько дней здесь же, в доме Эриха Абендрота, с разрешения его хозяйки, была проведена пресс-конференция с участием журналистов из западных зон оккупации.

Заявления Анны Абендрот и Герхардта и многочисленные вопросы, заданные Квесаве и всем прочим, произвели довольно сильное впечатление на присутствующих. Версия о самоубийстве Витлинга была похоронена окончательно. Но наибольшее впечатление произвела, конечно, выставка копий Абендрота и Вернера, которую мы приберегли на заключительную часть пресс-конференции.

Журналисты всех континентов получили сенсационный материал. Но, кажется, мало кто им воспользовался в полной мере. Здравствующие ныне «апостолы» крепко держали в своих руках не только акции военных компаний, но и приводные ремни от большинства крупнейших газет. Однако назначение Коллинза экономическим советником со всеми вытекающими отсюда выгодами не состоялось. Его партнерам тоже временно пришлось уйти в тень. Слишком свежи еще были раны, причиненные народам, чтобы люди, подобные Коллинзу, могли игнорировать направленную против них волну возмущения. И самое знаменательное заключалось в том, что Коллинз при всей силе, которой он обладал, не решился инспирировать в печати кампанию с обвинениями кого-либо в подделке и клевете.

В таких случаях лучше всего хранить молчание и ждать, пока все позабудется. Кроме того, дата в углу картины, конечно, не определяла день ее окончания. Она указывала день запечатленной Абендротом встречи людей, готовивших человечеству новую мировую войну.

Это полностью подтвердили старые, попавшие в руки работников магистратуры газеты, в которых сообщалось о «туристском» путешествии группы американских бизнесменов по Баварии в первых числах июня 1936 года. Среди этих туристов было и имя Коллинза.

Тактика молчания была применена теми, кто стоял

за Коллинзом, и после, когда в одном из уцелевших зданий Берлина открылась выставка копий картин Абендрота и Вернера.

Но что бы там ни было, а труд художников-антифашистов не оказался напрасным. Пусть с опозданием, но они внесли свой вклад в дело морального разгрома фашизма и тех закулисных сил, которые его вскормили и поддерживали.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Прошли годы.

Вся эта история стала постепенно сглаживаться в моей памяти, и только теперь встреча со знакомой картиной заставила в малейших деталях вспомнить прошедшее.

За открытыми окнами угасал теплый летний день. В сизовой дымке таяли очертания черепичных крыш, загорались огоньки в узеньких окошечках мансард. Снизу, из небольшого скверика, разбитого у самого входа в гостиницу, раздавался детский смех. Как все это было далеко от пришедших на память первых послевоенных месяцев. «А Гофман,— подумал я,— где сейчас этот честный рабочий парень? На каком участке трудится он, строя новую, демократическую жизнь? Может быть, он снова где-то поблизости от Альтштадта и я смогу с ним увидеться. Нужно будет навести справки».

Я вышел из комнаты и спустился в вестибюль. Тот самый портье, что с таинственным видом послал меня в музей, стоял за своей конторкой у зажженной настольной лампы и со скучающим лицом перелистывал книгу. Увидев меня, он оживился.

— Добрый вечер,— произнес он приветливо,— а мы тут поспорили без вас с Гансом,— он кивнул головой назад.— Скажите, большой такой собор с красивыми круглыми куполами, он в Кремле или около него? Ганс утверждает, что на снимках он за стеной.

— Вы имеете в виду собор Василия Блаженного,— сказал я, поняв, что его интересуется,— он на Красной площади, на противоположном конце. Так что можете считать, что вы выиграли.

— Ганс! — закричал портье, обернувшись назад,— Ганс, иди же сюда. Ага, убежал, ну ничего, от пива

тебе все равно не отвертеться. Хорошо, что вы приехали, а то бы мне пришлось ждать будущего года. Вы знаете, мы едем на экскурсию в Москву. Но вы же подтвердите утром, что я прав?

— Конечно, с удовольствием,— улыбнулся я. — Но услуга за услугу. Вы не знаете случайно Карла Гофмана? Он был помощником бургомистра в соседнем городке сразу после окончания войны.

— Карла Гофмана? Геноссе Гофмана? — почти вскричал портье. — Да вам его покажет любой мальчишка на улице. Он бургомистр Альтштадта.

Ответ портье был настолько для меня неожиданным, что я не сразу поверил, что это мог быть тот самый Гофман. В Германии столько же Гофманов, сколько у нас Ивановых или Петровых.

— Как вы предполагаете, смогу я его сейчас застать у себя, если позвоню по телефону? — спросил я.

— Думаю, что да,— портье подвинул ко мне стоявший рядом с ним аппарат. — Карл Гофман не из тех, кто уходит домой рано. Это настоящий человек, он понимает, что такое работа, и не отлынивает от нее. Но если вы его знаете, мне не надо говорить об этом.

Он подал мне трубку телефона и любезно набрал нужный номер. Не прошло и минуты, как я убедился, что это был тот самый Гофман. Он сразу же узнал меня.

— Никуда не уходите из гостиницы,— сказал он,— я заеду за вами через десять минут.

— О, вы так хорошо знаете нашего бургомистра,— с уважением произнес портье. — Люди не могут на него пожаловаться. Передайте ему, пожалуйста, что мы непременно переизберем его на следующих выборах.

— Вы сможете это с успехом сделать и сами, через несколько минут он будет здесь. Я пойду в свой номер, и если немного запоздаю — предупредите его об этом.

Только я успел надеть свежую рубашку, как в комнату постучали и вошел Гофман.

Гофман почти не изменился за пятнадцать лет, прошедших после нашей последней встречи. Только его темные волосы на висках просвечивали легкой сединой.

— Ну вот и свиделись, кто бы мог подумать,— сказал он по-русски.— Как это у вас говорится? Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется. Значит, вы уже лицо гражданское?

— Да, давно в запасе,— ответил я, удивляясь его чистому произношению.— Вы так хорошо говорите по-русски. Я помню время, когда вы с трудом произносили дюжину русских слов.

— С тех пор прошло много времени, теперь я читаю книги Горького, которые издаются в Москве. Но обо всем этом поговорим после. Инга и Пауль уже осведомлены, что у нас сегодня гость.

Мы вспомнили обо всех тех, с кем нам пришлось столкнуться в те далекие дни.

Герхардт жил в Карл-Маркс-штадте с племянницей и ее мужем. С Лерхе Гофман видится в каждый свой приезд в этот город. Он стал инженером и работает в магистратуре. Ринге руководит сельскохозяйственным кооперативом, выросшим на базе имения Вайсбах. Шмидт все еще садовником в Грюнберге, в котором теперь помещен дом отдыха для горнорабочих. Только его жена, так неудачно пытавшаяся помочь своему брату, недавно умерла. Вспомнили мы и шарообразного кондитера, первым принесшего весть о том, что Ранк жив. Вопреки всему он выжил. Его мечта сбылась в несколько иной форме. Он руководит теперь цехом большой кондитерской фабрики, и его неистощимая выдумка по части изделий из теста и крема не оскудевает ни на один день.

В свою очередь я сообщил, что Воронцов теперь полковник, живет на Кубани и что в нашу последнюю встречу мы вспоминали о совместной службе здесь, в Германии, и все, с чем это было связано.

И вдруг мне вспомнилось лицо старой женщины, одетой во все черное.

— Фрау Абендрот умерла?

Гофман кивнул головой.

— Да, по ее желанию дом был передан художественному училищу. Если будете в Лейпциге, вам каждый покажет училище имени Абендрота. Там находятся некоторые экспонаты, найденные в нише. Остальные переданы в различные музеи нашей республики.

В вестибюле почтительно снявший фуражку портье попросил меня задержаться на одну минутку.

— Ганс! — крикнул он. — Ганс, иди же сюда. Сейчас ты убедишься, кто из нас прав.

В дверях никто не показывался. Портье растерянно заморгал глазами, заглянул в дверь и виновато сказал:

— Опять исчез. Простите, пожалуйста, только что он был здесь.

— Ладно,— засмеялся я,— надеюсь, утром он явится на работу, а потом, у меня наверху где-то в вещах есть журнал, который разом развеет его сомнения. Я вам его охотно подарю.

Мы вышли из отеля.

На улицах зажигались плафоны. Проносились вереницы машин. Переговариваясь и смеясь, люди спешили по своим делам или просто гуляли. Спустя десять минут мы входили в квартиру бургомистра Альтштадта.

Жена Гофмана оказалась маленькой, очень приятной женщиной, преподавателем немецкой литературы в одной из городских школ. Из-за ее спины выглядывал карапуз — трехлетний Пауль.

Разговор за чашкой кофе после взаимных воспоминаний, естественно, зашел о судьбах Германии, о тех изменениях, которые происходили в обеих ее частях.

Я узнал много интересного о новой жизни в Демократической республике. Часам к десяти Инга с Паулем, простившись, ушли к себе, и мы остались одни. Гофман сидел в кресле, курил и рассматривал меня с таким любопытством, словно встретил меня только минуту назад. Он никак не мог привыкнуть, что я в штатском.

Мы немного посмеялись над этим, и я сказал:

— А знаете, что меня вернуло в прошлое? Та самая копия Дюрера. Теперь она висит в городском музее. Но я не видел копий Гойи и Леонардо. Они экспонируются в другом месте?

Гофман покачал головой.

— Абендрот и Вернер не ошиблись в расчетах. Популярность их копий очень велика, потому-то они и включены в передвижной выставочный фонд. В ближайшее время в Берлине в ответ на активизацию реакционных элементов открывается большая антифашистская художественная выставка. Копиям отведен на ней целый зал. Все отобранные нами картины сейчас готовят к отправке. Вам, конечно, захочется встретиться со своими старыми знакомыми. Если бы наша встреча произошла дня на два позже, такая возможность представилась бы вам только в Берлине. Но я предугадал ваше желание и позвонил в музей. До завтрашнего полудня их не будут паковать.

Разговор о картинах снова вернул нас в прошлое. Мы вспомнили и Ранка, и Штейнбоков, и ускользнувшего из наших рук Вульфа. Вспомнили мы и Квесаду-Мурильо, который, как подданный союзной державы, был освобожден и вернулся продолжать под руководством многоопытного шефа разнообразную деятельность.

При воспоминании об этом человеке Гофман неожиданно рассмеялся.

— А ведь знаете, я его видел после нашего с ним знакомства еще дважды. Один раз в Лейпциге года три назад, другой раз недавно в Берлине. Он почти совсем не изменился. Я его узнал сразу, а он меня, по-видимому, нет. Кажется, он теперь по-настоящему принадлежит к прессе и представляет в Европе какую-то крупную нью-йоркскую газету...

— Которая, по всей вероятности, финансируется Коллинзом,— закончил я.— И потом, принадлежность к прессе — самый удобный способ добычи информации.

Гофман пошел проводить меня до отеля. На город опустилась влажная беззвездная ночь. Легкий туман клубился над крышами домов, обволакивал радужной дымкой высоко поднятые огни фонарей. Старинные квадратные часы на башне магистратуры показывали ровно двенадцать, а на улице было еще довольнолюдно. Освещенные неоновыми рекламами, разноцветными огнями, светились мокрый асфальт и широкие окна домов. Из открытых настежь дверей ресторана доносились звуки музыки.

Мы перешли улицу, по которой пронесся аккуратный желто-синий вагончик трамвая, и вышли на небольшую площадь у сквера. По другую его сторону находился музей.

На площади под огромным плафоном, около тротуара, стояло несколько такси. Мимо них навстречу нам шел человек в сером макинтоше и надвинутой низко на лоб шляпе. Он остановился как раз под плафоном, ощупывая карманы. Вероятно, он искал спички. Хотя падающая от полей шляпы тень не позволяла разглядеть лицо, я ясно различил торчащую в зубах сигарету.

Вдруг человек резко повернулся и пошел от нас в противоположном направлении. Дойдя до крайнего такси, он сунул в карман сигарету и резким движением открыл дверцу. Развернувшись, синяя машина медлен-

но отъехала от стоянки и повернула налево. Мигнувший запретный огонь светофора задержал ее на несколько мгновений, и между горящими рубиновыми огоньками мне бросился в глаза номер такси. Бросился, наверное, потому, что его очень легко было запомнить — он состоял из четырех четверок.

Что-то в движениях, в обрисовавшемся на мгновение профиле этого человека, когда он брался за ручку дверцы машины, показалось мне знакомым. Но в эту минуту Гофман взял меня за руку.

— Посмотрите, — сказал он, — а ведь в музее кто-то есть. Видите, свет в крайнем окне?

Высокое двухэтажное здание музея с острой готической крышей возвышалось над окружающими его раскидистыми кленами. Отсюда нам был виден только верхний этаж. Его окна были совершенно темны, за исключением самого последнего углового окна. Оно светило каким-то странным золотистым светом, казалось, его освещал изнутри слабый луч электрического фонарика.

Это обстоятельство заставило меня сразу забыть странное поведение встречного курильщика.

Ускорив шаги, мы вошли в сквер. Деревья сейчас же скрыли от нас все здание, и только когда спустя несколько минут мы подошли к массивным чугунным воротам, оно открылось нам вновь. Мягкий ровный свет укрепленных на каменных столбах фонарей освещал полуоткрытые ворота и высокую дубовую дверь с ручками в виде львиных морд. За углом дома клены отступали, открывая обвитую плющом стену.

Все окна теперь были одинаково темны.

Мы переглянулись.

— Я полагал, что это смотритель Вурм, — тихо сказал Гофман, направляясь к двери, — но не мог же он так быстро исчезнуть.

Он толкнул дверь, но ему ответило только слабое звяканье колец о бронзовую львиную гриву — дверь была заперта.

— Здесь на углу телефон-автомат, давайте позвоним Вурму. Ключи у него, — предложил Гофман.

Но до угла нам дойти не пришлось. По дороге к нему, обернувшись, я увидел, что в крайнем окне снова вспыхнул тот же золотистый свет. Мы поняли наконец, в чем дело. Наверху, в зале, где висели картины, стена

у крайнего окна выступала вперед. Покрытая желтоватого цвета изразцами, она отражала узкий луч мощного плафона, поднимавшегося над площадью, создавая иллюзию внутреннего освещения.

В этот вечер, окунувшись в прошлое, мы настолько увлеклись таинственным, что увидели его даже в самом обычном.

Раздосадованные этим происшествием, мы пошли обратно через площадь по направлению к гостинице. Теперь нам оставалось пожелать друг другу спокойной ночи и отправиться спать.

Утром меня разбудил телефонный звонок. Это звонили из Карл-Маркс-штадта мои товарищи. Они спрашивались о здоровье и обещали вернуться через несколько дней.

Я спустился вниз в ресторан позавтракать, не забыв захватить номер «Огонька» с видом на Красную площадь.

— О, благодарю вас, — сказал портье, когда я положил перед ним номер журнала, — с удовольствием оставляю его на память о вашей стране. А в отношении Ганса все в порядке — уже расплатился. Только вот не пришел сегодня на работу — заболел, наверное, с горя.

В этот час в вестибюле было довольнолюдно. Кто-то приезжал, кто-то оставлял отель.

Войдя в зал ресторана, в углу, у задернутого кремовой занавеской окна, я заметил небольшую группу журналистов, которые были мне знакомы.

За столиком сидели три человека — два румына, которых я хорошо знал еще по Бухарестскому фестивалю, и один болгарин, с которым познакомился только вчера. Они о чем-то оживленно беседовали, и смех их долетал даже в вестибюль.

Пока я стоял в дверях и искал свободный столик, один из журналистов заметил меня и махнул рукой, показывая на пустующий стул.

— Вы верите в переселение душ? — спросил меня корреспондент молодежной газеты по фамилии Стояну, ослепив меня улыбкой белых зубов, после того как я, поздоровавшись, сел на свободное место. — А вот коллега Дмитреску, кажется, верит.

Дмитреску, пожилой человек со спокойными неторопливыми движениями, только улыбнулся в ответ и придвинул к себе тарелку с салатом. Он, как я знал,

прошел нелегкую школу жизни в боярской Румынии. Как левый журналист, не один раз сидел в тюрьме и при Антонеску был даже приговорен к расстрелу. У него были совершенно седые волосы и печальные большие черные глаза. Стояну только недавно окончил университет, был молод и часто беспричинно весел.

— Вы искажаете факты, Стояну,— сказал третий сидевший за столом болгарин Тодоров.— Это уже гиперболизм.

Из всех нас четырех он хуже всех говорил по-немецки.

— Гиперболизм? — Стояну повернулся ко мне вместе со стулом.— Ну посудите сами. Тень великого художника через три столетия встает из гроба, чтобы встретиться с нашим другом Дмитреску и опрокинуть с ним в военном баре пару коктейлей...

— Какого художника? — спросил я, рассеянно глядя в веселое лицо Стояну, и продолжал думать о разговоре с Гофманом.

— Мурильо,— рассмеялся Стояну,— великого испанца дона Бартоломео Мурильо. Дмитреску утверждает, что встретил его в Дрездене сейчас же после окончания войны.

— В таком случае вы можете ему верить,— я взял в руки меню и подозвал кивком головы кельнера.— С одним Мурильо мне тоже пришлось встретиться и в те же времена. Разве однофамильцы такая уж большая редкость?

— Как, и вы видели? Живого и здорового? Ну, если так, сдаюсь. Но ведь метаморфозы было две. В первый раз Мурильо перевоплощается внешне, но сохраняет фамилию. Второй раз он делает все наоборот — сохраняет внешность, но изменяет фамилию. Второе перевоплощение вы видели?

Я пожал плечами.

— Признаться, все это мне мало понятно. Когда оно было?

— Полчаса назад,— Стояну с торжеством посмотрел на Дмитреску.— Русский коллега ничего подобного не видел, а ведь он его знает, по-видимому, не хуже, чем вы, и прожил он здесь на целый день дольше нас. Признайтесь, что вы время от времени страдаете галлюцинациями.

— Подождите,— я посмотрел на невозмутимо же-

вавшего во время всего этого разговора Дмитреску.— Вы видели здесь Мурильо?

— Как Гамлет тень своего отца,— живо вставил Стояну, прежде чем Дмитреску успел открыть рот.— Ему так захотелось опрокинуть с великой тенью по старой памяти парочку коктейлей, что он принял за него даже кого-то другого. Дмитреску дважды окликнул его по имени. Но тот даже не повернул головы.

Дмитреску положил ложку и аккуратно вытер салфеткой губы. Он только снисходительно улыбался на все эти беззлобные наскоки своего молодого коллеги.

— Не могу вам ответить точно,— медленно сказал он,— но мне кажется, это был тот самый Мурильо, с которым я встречался в Дрездене. Это было самое полное собрание журналистов, в котором мне приходилось когда-либо принимать участие. Я встретил там даже коллегу из Панамы и целых двух из Гаити. Ну, а с Мурильо мы однажды пробеседовали целых полдня. Мне кажется, я его запомнил достаточно хорошо. Тот, кого я встретил сегодня, был очень на него похож.

Дмитреску вздохнул и снова взял ложку.

— У него была даже небольшая родинка на левой щеке, как и у тени Мурильо,— съехидничал Стояну.

— Да,— кивнул головой Дмитреску,— это-то меня и сбilo с толку.

— Одним словом, тень великого Мурильо категорически отказалась иметь что-либо общее с журналистом двадцатого века,— снова не удержался Стояну.— Заметьте, Дмитреску, я читал в одной старинной арабской рукописи, что привидения не употребляют спиртных напитков.

— Напишите об этом научный трактат,— невозмутимо ответил Дмитреску,— этот труд сразу принесет вам и славу и бессмертие.

Все рассмеялись.

Потом разговор перешел на другую тему. Все трое моих коллег направлялись в Берлин, где в эти дни в западных секторах готовилось что-то вроде очередного реваншистского шабаша.

— На этот раз постановка, кажется, обещает быть наиболее пышной,— заметил Дмитреску.— Реваншизм при полной враждебности к нацизму. Таков лейтмотив. Не новый, но поставленный по-новому.— Дмитреску вынул свернутую газету и положил ее на стол.— А вот

и вождь новоявленной организации. Господин Карл Сименсберг — убежденный «демократ, враг нацизма». Как вам нравится эта благонравная физиономия?

С газетного листка смотрело холеное лицо человека лет около шестидесяти. Как ни пытался человек этот смягчить выражение своего лица, было совершенно ясно, что меньше всего он привык кому-либо подчиняться. Добродушия в нем было ровно столько, сколько это требовалось для фотографии.

Я смотрел на это лицо, и мне казалось, что я где-то его уже видел.

— Кто такой на самом деле этот Сименсберг? — опередил меня вопросом Тодоров.

Дмитреску пожал плечами.

— Как журналисты, мы должны это выяснить. Мне пока удалось установить, что он очень богатый человек. Но капиталы его в основном в иностранных банках. Если судить по его высказываниям в газете, можно предположить, что времена нацизма он провел в подполье и что падением Гитлера народы в известной степени обязаны ему. Вообще, загадочная личность, но играет на том, что при нацизме был в тени.

После завтрака, когда все мы вышли из зала, я, улучив минуту, отвел в сторону Дмитреску и попросил его обстоятельно рассказать о человеке, которого он принял за Мурильо. К сожалению, Дмитреску мог очень немного добавить к сказанному за столом. Возможно, что он обознался. Тринадцать-четырнадцать лет — это такой срок, спустя который не всегда можно узнать и родного брата. Кроме того, он прошел так быстро, что Дмитреску больше видел спину, чем лицо. На нем был темный костюм и в тон ему шляпа, в руках небольшой чемоданчик, похожий на несессер.

Я поблагодарил Дмитреску и попросил его, если он еще раз встретит этого человека, сообщить мне.

— Хорошо, — серьезно ответил он, — я сообщу вам об этом, даже если увижу его ночью.

И он крепко пожал мою руку.

— Да, — остановил я его, — а газета! Вы забыли свою газету!

— Ничего, — он махнул рукой, — оставьте себе.

Я сел в кресло и только что развернул оставленную мне газету, как в дверях мелькнула синяя фуражка портье. Он направлялся к моему столику.

— Вас просит к телефону бургомистр,— сказал он. Гофман? Мы с ним договорились встретиться в одиннадцатый, а сейчас не было еще и половины девятого. Что могло произойти?

— Вы сейчас свободны? — спросил в мембране голос Гофмана. — Если да, жду вас в музее. Расскажу, когда придете.

Я немедленно отправился в музей.

В обширном коридоре первого этажа не было ни души, и только поднявшись на первую площадку мраморной лестницы, я услышал приглушенные голоса. Они доносились из зала, где висели картины.

Здесь находились Гофман и смотритель Вурм.

Не дав Гофману времени представить меня и мне познакомиться с ними, он заговорил быстро и возбужденно, что это варварство, преднамеренная порча художественных ценностей, что тех, кто способен на такие вещи, нужно вешать и что он сам с удовольствием выполнил бы роль палача.

— И это происходит в Германии через пятнадцать лет после Гитлера! — воскликнул он, потрясая над головой маленьким пухлым кулаком. — Нет, как хотите, мы должны закрыть окна решетками. Да-да, решетками! Как в тюрьме. И это в моей стране!

Он сердито махнул рукой и, чуть прихрамывая, вышел из комнаты.

— Что случилось? — спросил я Гофмана.

— Ржавое оружие вновь вытащено из ножен,— ответил Гофман, и только теперь я заметил, что он взволнован не меньше Вурма. — Похоже, что печные изразцы подвели нас вчера. Ночью кто-то побывал здесь. Готовые к отправке экспонаты залиты кислотой. Половину из них навряд ли удастся реставрировать.

Залиты кислотой? Для чего? С какой целью? Преступление из корыстных соображений— это было бы понятно, но бессмысленно уничтожить ценности!

Впрочем, почему бессмысленно? Разве Квесада не был здесь? Квесада и копии Абендрота...

Я рассказал Гофману о разговоре с Дмитреску и о том странном впечатлении, которое произвел на меня ночной прохожий.

— РК 44-44,— повторил Гофман запомнившийся мне номер такси.— Итак, Квесада здесь? Но ведь дело в том, что копии Абендрота остались целыми... Их должны

были упаковать в ящик вместе со всеми только сегодня днем. Я оставляю вас на время, передам ваше сообщение. Вы можете пройти в соседний зал, там знакомые вам картины.

Копии Абендрота целы! У меня отлегло от сердца.

Да, знакомые мне картины были на месте. Здесь находились и зашифрованные, так поразившие меня в свое время копии с офортов Гойи, и столь много говорящая копия «Тайной вечери». Я отодвинул закрывавший ее лист картона и почти безотчетно опустил руку в карман за газетой.

Крупные черты лица, вытянутый к затылку череп, мохнатые, сходящиеся у переносицы брови. Будь на человеке, изображенном в газете, вместо современного элегантного костюма розоватая тога, повернись он в полный профиль — и передо мной была бы точная копия апостола, сидящего на левом конце стола. Апостола Симеона, если мне не изменила память.

Симеон и Сименсберг. Здесь не могло быть совпадения. Для верности Абендрот использовал даже созвучие этих имен.

Карл Сименсберг — новоявленный вождь реваншистского землячества. Карл Сименсберг — рекламируемый как демократ и противник фашизма. Сименсберг, задрапировавшийся в мантию «честного», «незапятнанного» кандидата в бундестаг. И против него только ставка в демократическом Берлине, в одном из залов которой открыта для всеобщего обозрения копия «Тайной вечери» работы Абендрота. Вот для чего понадобилась сегодня ночью серная кислота! Но удар пришелся впустую. Дмитреску получил то, что он ищет, — возможность нанести поборникам реваншизма сокрушительный удар. Получат такую возможность и сотни других честных журналистов. И навряд ли Карлу Сименсбергу удастся защитить себя.

Отысканный шофер такси почти точно описал своего последнего вчерашнего пассажира. Это описание вполне подходило к облику Квесады. Кроме того, шофер запомнил и дом, к которому он его подвез. Жильцы дома в свою очередь сообщили, что поздний посетитель был гостем некоего Пфейфера, работника одного из городских отелей.

Поднимаясь по лестнице в свой номер, я спросил у знакомого мне портье, не носит ли кто из сотрудников отеля фамилию Пфейфер.

Портье посмотрел на меня с удивлением.

— Пфейфер? Но ведь это же Ганс, мой коллега. Разве вы не встречались с ним в эти дни?

Я ответил, что увидеть его мне так и не удалось.

— Ах, да, правильно,— закивал головой портье,— как-то получалось так, что он отсутствовал, когда вы спускались вниз. У него всегда случались какие-то дела. Вообще, у Ганса было немало странностей...

— Почему было,— переспросил я,— разве он умер?

— Ну, нет,— портье расхохотался.— Ганс не из тех, кто быстро умирает. Он пьет пиво только по праздникам, и я не видел ни разу, чтобы он опрокинул хотя бы рюмочку коньяка. Но его уже нет. Вчера он заболел, а сегодня рассчитался и уехал...

Я немедленно сообщил об этом разговоре по телефону Гофману.

— Поздно,— сказал он,— даже утром было бы поздно. Пфейфер исчез. Пока установить его личность не удалось.

Пфейфер исчез! Этот человек избегал встречи со мной. Значит, я мог узнать его.

Мои друзья сообщили, что маршрут их меняется и, поскольку я уже здоров, мне надо присоединиться к ним.

Десять дней спустя мы возвращались домой. На столике в моем купе, за окном которого проплывали обширные, только что убранные поля сельскохозяйственных кооперативов, лежали коротенькое письмо Гофмана, полученное мною перед самым отъездом из Берлина, и газета «Нойес Дейчланд» с подвальной статьей одного из наших немецких коллег.

Гофман сообщил, что Пфейфер задержан и что именно он провел всю операцию с кислотой. Главной целью этой операции было, как мы и предполагали, не допустить появления копий Абендрота на выставке в Берлине. Пфейфер оказался старым знакомым — Вульфом, тем самым, которого мы с Селиным в последний раз видели в доте и который тогда исчез. Были задержаны и двое его помощников. Ускользнуть на этот раз с помощью паспорта журналиста удалось только Квесаде. Но въезд в Германскую Демократическую Республику отныне ему был закрыт.

Статья в «Нойес Дейчланд» окончательно поставила все точки над «и». Сименсберг, как когда-то Коллинз,

вынужден был пересмотреть свои планы. Абендрот точно отразил положение за кулисами нацизма два с половиной десятилетия назад. Крупнейший международный банкир Сименсберг тайно финансировал нацистов вместе с такими финансовыми воротилами, как Коллинз. Проиграв эту ставку, Сименсберг решил, что настало время отыграться, лично включившись в политическую борьбу. Первая же попытка дала осечку. Но навряд ли это могло остановить его и тех, кто стоял за его спиной. Копия «Тайной вечери» с абсолютной точностью отразила положение вещей не только четверть столетия назад, но и в настоящее время. Нужно было только заменить два-три ушедших в небытие лица мало чем отличающимися от них ликами новоявленных «апостолов».

Когда мы выезжали из демократического Берлина, секториальная граница отделила его здоровое тело от злокачественной опухоли «фронтального города». Случись это немного позднее, и Вульфус с сообщниками, возможно, удалось бы бежать. Но теперь посты народной полиции без труда прихлопнули всю шайку.

Смотря на проплывающий за окном ландшафт, я вспоминал последний день пребывания в Берлине.

В это утро открылась художественная выставка. Был ясный солнечный день. Мы проехали с Гофманом вдоль постов народной полиции, бывших рабочих парней, охранявших спокойствие в своем большом доме, потом миновали огромный, поднимающийся из руин массив у Александерплац и выехали на Унтер-ден-Линден. Здесь в одном из новых домов и располагались выставочные залы.

Сотни людей прошли через них, осматривая картину за картиной. Здесь были люди, видевшие прошлое своими глазами и знающие о нем только понаслышке. Но и те и другие жили в сегодняшнем дне, в дне, когда по ту сторону Эльбы старательно зачеркивалась история двух последних десятилетий и изгонялось все «лишнее» из памяти людей. Однако людская память не очень податлива.

Наверное, поэтому многие из посетителей выставки особенно долго задерживались у картины, изображающей один из моментов библейской истории, и отходили от нее в глубокой и вполне оправданной задумчивости.

Каспаров Б. М.

К 28 Копия Дюрера. Повесть. Краснодар,
Кн. изд-во, 1978.

191 с. с ил.

Приключенческая повесть о событиях, происходивших в мае 1945 года в Германии и связанных с копией одной из картин крупнейшего немецкого художника эпохи Возрождения Альбрехта Дюрера.

P2

К $\frac{70302-18}{M146(03)-78}$ 35-78

Издание третье

Борис Минаевич Каспаров

КОПИЯ ДЮРЕРА

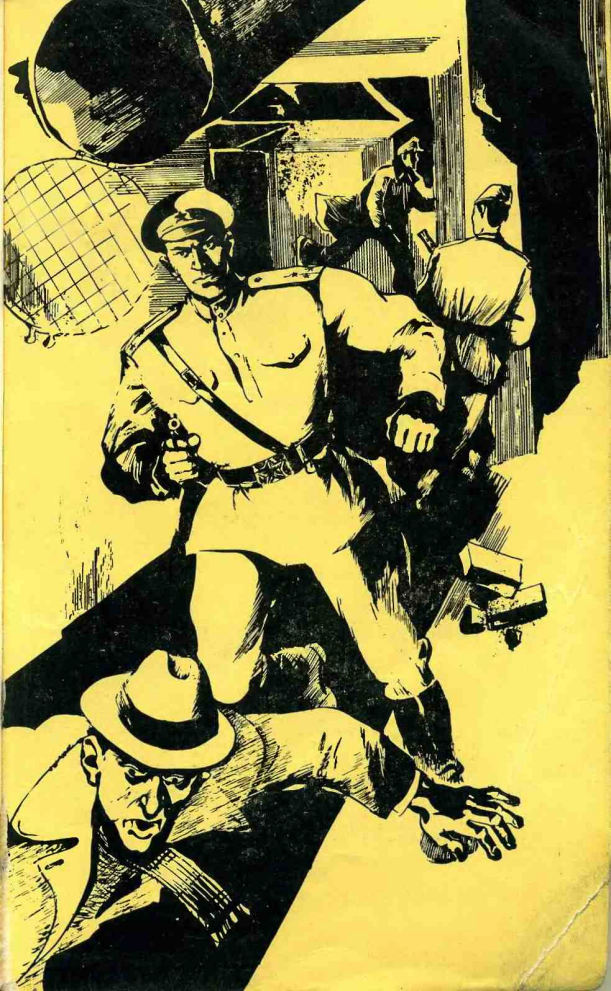
Повесть

ИБ № 466

Редактор **Л. И. Муратова**. Художественный редактор **М. К. Омелянчук**. Технический редактор **Е. П. Кокорина**. Корректоры **Е. И. Кириллова**, **Л. Е. Семак**. Сдано в набор 23.11.77. Подписано в печать 21.02.78. Формат бумаги 84 x 108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура шрифта журнальная рубленая. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,08. Учетно-изд. л. 10,93. Тираж 50 000. Заказ 5374. Цена 80 коп. Краснодарское книжное издательство. Краснодар, ул. имени Кирова, 3. Типография издательства «Советская Кубань». Краснодар, ул. имени Шаумяна, 106.

© Краснодарское книжное издательство, 1978

80 коп.

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1978